

ШЕЙ САВАЖ

Перехитить бурю с
БАСТИАНОМ

ВЫЖИТЬ С РЕЙН. КНИГА ВТОРАЯ

STAGE DIVE & PLANET OF BOOKS

Себастьян Старк не может привыкнуть к нормальной жизни со своей подругой в жарком и душном городе Майами. Он бы лучше вернулся на остров, где они были только вдвоем, и он мог держать все под контролем. Плюс ко всему, бар, который находится в конце улицы, каждый день подвергает его силу воли жесточайшей проверке на стойкость, но Бастиан планирует противостоять всем искушениям. Приспосабливаться к нормальной жизни очень трудно, но он делает все зависящее, чтобы держаться и уничтожить все кошмары. Счастье Рейн — вот, что его волнует больше всего.

Но не от всех кошмаров можно избавиться.

Когда бывший наставник Бастиана появляется вновь и ставит перед ним ультиматум, Бастиан опять с головой уходит в старые привычки. И, не смотря на то, что он отчаянно желает оградить Рейн от правды, темные детали его прошлого превращаются в смертельную бурю, которую ему не сдержать. И, чтобы защитить Рейн, у Бастиана нет другого выхода, кроме как вернуться к прошлой работе — смертельным боям на выживание — в самый последний раз.

Заброшенный с заряженным оружием в дикую полярную пустыню Бастиан вынужден выступить против представителей крупных глав преступных кланов со всех городов. Он изучает их слабости, он прекрасно знает все тонкости соревнования, и он, определенно, готов сражаться за женщину, которую любит всем сердцем. Есть только единственный противник, который вызывает у него беспокойство. Чтобы обеспечить безопасность Рейн, Бастиан должен выступить против лучшего наемного убийцы самой главной криминальной банды Чикаго — парня, который известен меткостью своего выстрела...

И его имя — Эван Арден.

Автор: Шей Саваж

Название: «Пережить бурю с Бастианом»

Серия: «Выжить с Рейн». Книга вторая

Перевод: betty_page, Виктория Горкушенко (с 8 гл.)

Редактура: Алена Крутько

Обложка: Ленчик Lisi4ka Кулажко

Вычитка: Ольга Зайцева

Оформление: Ленчик Lisi4ka Кулажко

Переведено для группы: vk.com/stagedive

Иногда это просто кипело внутри меня.

Этот гребанный гнев.

Он был направлен одновременно ни на что и на все вокруг меня. Он был сконцентрирован на предметах и людях, потому что они были постоянным напоминанием о том, что мы потеряли. И иногда это скопление ненависти было направлено на единственного человека, который меня принимал и любил таким, каким я был на самом деле — отвратительной, мерзкой задницей.

Этот пресс гнева заставлял меня испытывать злость ко всем окружающим, хотя я прекрасно понимал, что не мог ничего поделать с этим. Это ощущение было подобно сильнейшему урагану, который скручивал мой желудок и бесновался в нем, кружился и вызывал приток новой ярости. И он не заканчивался до тех пор, пока я не ударял обо что-то кулаком, пока не находил мишень для вымещения своего гнева, но это было лучшим вариантом, чем просто стошнить от чувства безысходности и неспособности справиться с тем, что на меня давило. Напряжение нарастало, оно парализовало мое тело, заставляло заходиться дрожью, но был выход, он был... Он был заменой выплескивания бессмысленной злости... мне могла бы помочь...

Только одна чертова стопка.

На противоположной стороне лакированной барной поверхности располагались, по меньшей мере, сто различных бутылок с алкоголем, которые были выставлены в ряд. Казалось, что каждая из них взывала ко мне, но те, что стояли в верхнем ряду справа, особенно приглянулись — «Kettle One», «Grey Goose», «Skye» (прим. пер. — марки водки). Понятия не имел, какого долбаного хрена я себя так истязал. Но я это делал.

Каждый чертов день.

— Приятель, ты уверен, что тебе ничего не нужно плеснуть в стакан? — бармен наклонился через бар и склонил голову к плечу, спросив у меня ту же самую вещь, что и каждый день. Он был молодым парнем, скорее всего, подрабатывал тут, чтобы окончить университет или, возможно, что-то еще, так же у него была сияющая улыбка, которая, я уверен, сводила девушек с ума и приносила ему высокие чаевые. Я не встретился с его взглядом; мой взгляд был устремлен на стену напитков, которая находилась позади него.

С легкой дрожью во всем теле я оттолкнулся от бара и поднялся на ноги.

— Я в порядке, — солгал я.

Я быстро повернулся на пятках, пока не изменил своего мнения, и направился прочь из бара в жаркий вечер Майами. Тем более, что скоро должна вернуться с занятий Рейн, а я совершенно не хотел, чтобы от парня, который завязал с алкоголем, пахло, как от питейного заведения, даже если я провел еще один день, ничего так и не заказав. Если бы она узнала, что я ходил в бар, то сильно бы разозлилась, а этого лучше избегать.

Я находился вблизи дерьма, от которого мои ладони буквально зудели, и прекрасно понимал: если бы я открыл рот, то обязательно заказал бы себе выпить. А если бы моих губ коснулась водка, то меня было бы не остановить. Я бы сдался, и даже Рейн была бы здесь бессильна.

Я облажался.

У меня все еще оставалось немного времени до прихода Рейн, поэтому я направился

через Pier Park и спустился к пляжу. Здесь немного людей, и я этому очень рад. У меня было множество ссор с местными и туристами на этом пляже. Хотя у нас с Рейн был статус почти знаменитостей, с того времени как мы вернулись, но я не думал, что меня бы это спасло от тюрьмы, если я еще раз поспорю и кинусь в драку с очередным придурком, который одет в шорты-бермуды. Поэтому мне нужно было сохранять спокойствие, не лезть в драки и не затевать ссоры.

Быстро скинув кроссовки, я подошел к самой кромке воды, где теплые волны ласкали мои ноги. Когда волна устремлялась на берег, водоросли касались моих пальцев. На берегу лежало несколько мертвых медуз, а отломившиеся от кораллов кусочки плавали в набегающих волнах. И если бы я закрыл глаза, то с легкостью мог бы представить, что снова находился на острове.

Остров.

Наедине с Рейн.

Мой рай.

Мой, но не ее.

Напряжение вернулось. Нараставшая внутри меня буря не отличалась от произошедшей с нами в прошлом году, перевернувшей мою шхуну, впоследствии оставив нас с Рейн на спасательном плоту в центре Карибского моря без надежды когда-либо снова увидеть людей. У нее не было никого, кроме меня, и я должен был стараться добывать воду, еду и построить хижину на необитаемом острове. У нее был только я, чтобы защищать и накормить ее.

Как долбаный пещерный человек.

Я любил это.

Но, с другой стороны, Рейн любила цивилизацию. Ей нравилось принимать душ, она любила разнообразное диетическое питание, а еще обожала общаться со своей подругой Линдсей и ее парнем Ником. Ей нравилось жить в квартире, кроме того она просто не могла без покупок в торговом центре и приготовления еды на плите. И, как я понял позже, она любила свою учебу, ей очень нравилось изучать экологию и возможность сохранения Эверглейдс. Она любила находиться среди людей.

Я же ненавижу их.

Пляж был единственным местом, где я ощущал себя нормально. Это напоминало мне о кораблекрушении, и как я остался наедине с Рейн. Но после всего произошедшего она не могла находиться рядом с водой. У меня заняло некоторое время, чтобы уговорить ее остаться в Майами — когда нас спасли, Рейн хотела вернуться в Огайо — но она позволила мне выбрать место, где я хотел жить. Ну, и плюс ко всему, она попала в экологическую программу в ближайшем университете и открыла в себе огромную привязанность к сохранению Эверглейдс. Я бы, конечно, предпочел небольшой домик у воды, но мы поселились в квартире в Майами-Бич.

Рейн никогда не появлялась вблизи пляжа. Сначала она спускалась и даже пыталась гулять вместе со мной, но закончилось все весьма неутешительно — ночными кошмарами. Она говорила, что видеть пляж из окна было для нее вполне достаточным. Она даже не могла смотреть на него с балкона, настолько ей был невыносим один его вид. Она, конечно, пыталась тщательно скрывать свою реакцию, ссылаясь на то, что не выходила на балкон, потому что я там курил, но мне то было понятно, что она просто ненавидела вид океана и звуки прибоя.

Все, что любила она, я ненавидел. Все, что до ужаса пугало ее, я любил.

Как могло быть все так странно?

Но, в большинстве своем, у нас все получалось. Несмотря на огромные различия в наших мнениях, мы спокойно уживались вместе на протяжении долгих недель. И все было просто замечательно, когда мы находились лишь вдвоем. Рейн наслаждалась своей учебой в университете, а я мечтал когда-нибудь убедить ее купить маленький домик у воды, но не собирался давить на нее, даже, несмотря на то, что нахождение среди всех этих людей было совершенно нестерпимым для меня. И, плюс ко всему, мое мудаковатое настроение улучшалось, когда она была рядом со мной.

Я любил ее, а любовь к ней — это единственная вещь, которая помогала мне держаться от сумасшествия.

Нахождение в нормальном, адекватном состоянии.

Я на секунду закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Ветер принес мне запах океана: аромат морской воды и жизни, которая кипела под поверхностью воды. Когда я открыл глаза, то чуть не врезался в парочку, которая гуляла по пляжу, но так получилось, что я лишь слегка задел парня по плечу, когда проходил мимо.

— Эй ты, тупая задница! Смотри, куда прешь!

Мои кулаки невольно сжались, когда я резко развернулся и уставился на мудака, который только что прошел мимо меня. Парень был одет в светло-голубые шорты с гребаной морской звездой на них, ему было где-то в районе тридцати, его каштановые волосы были немного с проседью на висках. А его спутнице было не больше двадцати пяти. Я не был уверен, но, возможно, этими словами он лишь хотел покрасоваться перед ней, но мне на это было определено наплевать. Состояние спокойствия, которое было даровано морскими волнами, испарилось, и на его место пришла бушующая буря, которую я пытался сдержать весь день.

Без какого-либо предупреждения или каких-то мыслей я размахнулся и ударил его кулаком в грудь.

Хотя я не ударил его слишком сильно, это чувствовалось просто восхитительно, когда мои костяшки соприкоснулись с человеческим телом. Очень хорошо. Он рухнул, словно гребаная кирпичная стена, несмотря на то, что этот удар был больше похож на толчок, но уголки моих губ приподнялись.

— О, Боже! — закричала девчонка. — Какого хрена с тобой не так?

Она опустилась на песок и помогла парню присесть, когда я, в свою очередь, отвернулся от них и направился в сторону улицы. До меня доносились их крики о помощи и просьбы, чтобы хоть кто-нибудь вызвал полицию, но я даже не обратил на это никакого гребаного внимания. Пару человек на пляже остановились и ошарашено смотрели на меня, но я просто прошел мимо. Быстро подошел к тротуару, отряхнул со своих ног песок, надел кроссовки и направился домой. Было намного позже, чем я предполагал, поэтому вбежал по ступенькам подъезда, обернувшись пару раз через плечо, чтобы убедиться, что за мной никто не гнался.

Наша квартира с одной спальней не была большой, но она расположена в роскошном районе города и за счет этого стоила почти так же, как моя шхуна. В квартире одна спальня, два балкона, гостиная и огромная столовая. Она была расположена на четвертом этаже, поэтому у меня не заняло много усилий, чтобы подняться по лестнице на нужный этаж. Я ненавидел находиться в ограниченном пространстве лифта с людьми. Они постоянно

пытались завести со мной диалог, а я никогда не был в подходящем настроении. После того, как мы прожили тут около месяца, соседи прекрасно знали, кто я такой, и тот, кто пытался спросить меня о том, как я выжил в море, определенно начинал наше знакомство неверно.

Рейн не знала о большинстве моих стычек с соседями, но и я в свою очередь был рад держать их в секрете.

Врал ли я ей?

Да, возможно, но все могло быть намного хуже.

Короткая пробежка от пляжа до дома напомнила о том, что мне просто необходимо вернуться к прежним физическим нагрузкам. Джон Пол был бы просто в бешенстве, если бы узнал, что я не поддерживал себя в форме, тем более Лэндон дал мне ясно понять, что вместе с массой я потерял физическую силу. Возможно, посещение спортзала могло бы помочь мне не думать обо всем дерьме, что происходило в моей жизни. Тем более, что спортзал в нашем доме, располагающийся в подвальном помещении, был круглосуточно открыт, что означало, что я мог бы посещать его ночью, чтобы избегать людей вокруг себя. Пару километров на беговой дорожке, поднятие гантелей и, возможно, приседания, а потом я бы мог полежать в джакузи и немного расслабиться.

Только физические нагрузки могли заменить мне желание двигать камни, чтобы построить нам хижину или же стремление искать мидий и крабов. Я старался немного перенаправить свои мысли, чтобы не думать об острове постоянно.

Я подошел к верхней ступеньке и закрыл на мгновение глаза, прежде чем вставить ключ в замочную скважину и открыть дверь. Внутреннее пространство квартиры поприветствовало меня нейтральными красками и дорогой мебелью, которая досталась нам вместе с квартирой. Роскошная квартира, что была передо мной, для многих людей была бы идеальным домом мечты, но это не было тем местом, где я хотел бы находиться или жить.

Я быстро скинул кроссовки и направился через гостиную на балкон, чтобы выкурить сигарету. Иметь возможность покупать «Мальборо» было единственной вещью, за которую я благодарен цивилизации, но иногда я скучал по тому, как сам себе делал сигареты из листов лобелии (прим. пер. — индейский табак), что я нашел на острове, на котором мы «застряли» с Рейн. Я задавался вопросом, можно ли где-нибудь здесь достать такую штуку. Я выкурил сигарету и затушил ее в небольшой железной пепельнице, что купила мне Рейн, потому что собственники квартир хотели, чтобы я заплатил штраф за то, что бросал окурки на улицу, и поэтому нам пришлось пойти на такие меры.

Ублюдки.

Десять минут спустя ключ в замке вновь повернулся, и единственная причина моего существования вошла в квартиру с тяжелыми пакетами.

— Для чего все это? — спросил я, взяв из ее рук пару сумок.

— Для ужина, — ответила Рейн с милой улыбочкой. Она поставила две сумки на стол, пока я пристроил остальные на столешницу. Она взяла овощи, мясо, какой-то азиатский соус в бутылке и остальные покупки и убрала их в холодильник.

— Как прошел твой день? — спросила Рейн, когда стала нарезать цукини и грибы.

— Тебя не было со мной, — проговорил я напряженно, — поэтому день был отстойным.

Рейн посмотрела на меня через плечо и улыбнулась.

— Как у тебя получается быть таким милым? — спросила она.

— Загадка, — пробурчал я с глупой улыбочкой.

Рейн положила все нарезанные овощи в большой сотейник и начала рассказывать мне о

своём занятии по ботанике, затем начала расставлять тарелки и столовые приборы на столе, одновременно с тем успевая отвлекаться на готовку. Мне, скорее всего, следовало бы помочь, но я смотрел на нее зачарованно, пока она передвигалась по кухне, как богиня домашнего очага, что заставляло меня стоять, как умалишенного идиота, и пялиться, истекая слюной. Когда наш диалог продолжился, она совершенно потеряла всякую нить разговора и продолжила дальше о диатомовых водорослях, и о том, насколько они важны для нашей экосистемы. Но к тому моменту, как она прекратила передвигаться по кухне и соблазнительно вилять своими бедрами, я выскользнул на балкон, чтобы выкурить сигарету, пока Рейн не прекратила свой рассказ о водорослях и немного отвлеклась.

Когда я вернулся обратно, то надеялся проскользнуть незаметно для нее, но она посмотрела на меня сердитым взглядом. Я хитро улыбнулся и подмигнул, но Рейн не приняла моих извинений и покачала головой.

— Грубиян! — бросила она мне.

Я приблизился к ней, когда она стояла ко мне спиной, и положил свои ладони ей на бедра. Приник губами и втянул кожу ее шеи. Рейн подалась назад достаточно для того, чтобы оттолкнуть меня своей спиной в грудь, в то время как помешивала овощи в сотейнике. Я не обратил на это внимания и приник губами к ее уху.

— «Говорю я жестко, неискушенный в мягкой мирной речи».

— Это откуда? — проговорила она очарованно.

— «Отелло».

Она слегка потерлась о мое тело, и я подумал, что хоть раз в жизни мне пригодилась степень по английской литературе.

Рейн промурлыкала и прижалась ко мне спиной немного сильнее, близость ее тела напомнила о том, что сегодня она очень рано ушла на занятия. Обычно я просыпался раньше, чтобы убедиться, что побывал в ее теле до того, как она уходила на занятия в университет, где полно парней, но не по вторникам, когда занятия у нее начинались очень рано. Я не был в ее восхитительном теле с прошлой ночи, что, скорее всего, объясняло мое отвратительное настроение.

— Очень скучал по тебе сегодня, детка, — проговорил я. И скользнул своими руками вверх по ее телу, отчаянно прижав к себе. Я провел пальцами по нижней части ее груди, немного приподняв ее, а затем стиснув ладонями.

— И я по тебе очень скучала, — произнесла она. — Мне сегодня нужно будет заниматься вечером, очень много задали.

Я сглотнул, прекрасно поняв, что именно это означало: быстрый ужин, после которого Рейн усядется на диван в гостиной и разложит вокруг себя, по меньшей мере, пятнадцать книг. Она будет так поглощена своими занятиями, что я опять останусь без ее внимания.

Пошло все нахер.

Я схватил ее за бедра снова и прижал к себе, чтобы она точно поняла, что именно я имел в виду. Затем переместил губы на ее шею и проложил дорожку из поцелуев от уха до плеча. Мой член стал еще тверже, когда я пробрался пальцами под ее футболку и провел ими над поясом шорт.

— Ты будешь виноват, что наш ужин подгорит, — проговорила Рейн, оттолкнув мою руку. — Может завтра утром перед моими зан...

— Пошел ужин нахер, — прорычал я. — Выключи гребаную плиту.

Находиться внутри нее было намного важнее какого-то ужина.

— Бастиан...

— Выключи плиту!

Я пробрался чуть выше под ее футболку, сжал в ладонях обе ее груди, подразнив соски большими пальцами, и прижался бедрами к ее попке. Рейн ахнула, и я услышал тихий щелчок, говоривший о том, что она отключила плиту. Поэтому не стал терять больше ни секунды. Опустил одну руку и приподнял Рейн вверх, заставив ее тем самым запищать и захихикать одновременно.

Мой самый любимый звук на свете.

Мне абсолютно наплевать на тарелки и все дерьмо, что уже было разложено на столе на кухне. Я расстегнул пуговицу и молнию на ее шортах и легко устроил верхнюю часть тела Рейн в центре стола. Она сделала слабую попытку убрать от себя подальше тарелки и серебряные столовые приборы, когда я расстегнул молнию на своих джинсовых шортах и прижался к ее спине.

Сжав член в своей руке, я провел головкой по ее влажности. Слегка присел, чтобы найти более удобный угол проникновения и затем резко, во всю длину вошел в ее тело.

— Черт... да. Именно так.

Когда я вошел в ее тело, все дерьмо, которое преследовало меня первую половину дня, исчезло, пока не осталось ничего, кроме ощущения пульсации ее киски и тихого позвякивания серебряных столовых приборов. Больше ничего не имело значения. Крохотные стоны и прерывистое рычание срывалось с губ Рейн, когда я входил внутрь-наружу, постаравшись толкнуться как можно глубже. Приподнявшись вверх, я захватил край ее футболки и потянул до уровня плеч, потом положил свою ладонь ей на поясницу, а другой крепко сжал бедро Рейн для того, чтобы удержать равновесие. Когда опустил глаза вниз, я мог видеть, как мой член толкался внутрь ее тела и затем резко выскальзывал наружу. Я немного замедлил свои движения, пока наслаждался зрелищем наших соединяющихся тел, и немного сменил угол проникновения, чтобы стимулировать ее заднюю часть клитора.

— О, черт... Бастиан!

— Чувствуешь это? — прорычал я. — Это так приятно ощущается, когда я толкаюсь своим членом в твою узенькую и влажную киску. Тебе нравится это? Ммм?

— Боже... да... пожалуйста, еще!

— Пожалуйста, что? — я почти полностью вышел, в ней осталась только головка члена, и замер на месте, пока не проговорил. — Ты хочешь больше этого?

— Да! Да! Пожалуйста!

Я, бл*дь, чертовски обожал, когда она меня умоляла во время секса!

— Ты подталкиваешь меня к тому, чтобы я кончил, — проговорил я хрипло. — Лежишь полностью открытая для меня.

Рейн издала стон еще раз, тогда я увеличил свой темп, опустив руку туда, где соединялись наши тела. Она немного приподняла свои бедра, тем самым предоставив мне больше возможности для прикосновений. Я схватил ее руку, опустил к клитору и удерживал ее ладонь там, пока она ласкала себя пальчиками.

— Бл*дь, ты просто потрясающая, — прошептал я. После чего прижался к ее спине своим твердым телом и подстроился под темп ласк ее клитора своими толчками.

— Ах! Бастиан!

— Давай, детка! Кончи на мой член!

У нее не заняло много времени последовать моему приказу, ее тело напряглось вокруг

моего члена, и я мог поклясться в этот самый момент, что ощущал себя так, словно опять оказался на том острове, и наши ноги омывали теплые волны.

— О... бл*дь! — простонал я. Мои бедра неистово задрожали, и я прижался к ее телу, когда мой член выплескивал освобождение в нее.

Я опустил голову и прижался лбом к ее спине, неистово дыша. Ощущал себя так, словно мои ноги собирались подогнуться подо мной, я не мог больше находиться от нее в такой близости. Как бы ни была Рейн красива в такой позе, она не могла лежать так вечно, поэтому я выскользнул из ее тела и помог ей подняться.

— Господи, — пробормотала Рейн, пока старалась изо всех сил устоять на дрожавших ногах.

Я рассмеялся.

— Ты такая милая сразу после секса, — проговорил я смущенно. — Мне срочно нужно сделать это еще раз.

Рейн нагнулась и собрала свою одежду с пола, покачала головой со счастливой улыбкой на губах, а затем неспешно направилась в ванную, чтобы освежиться после секса. Я же просто воспользовался одной из салфеток, чтобы вытереть свое освобождение и ее влажность с моего члена, перед тем как натянуть джинсовые шорты обратно и помыть руки. Я не имел ничего против того, чтобы пахнуть сексом, тем более, что он был с Рейн, поэтому мне просто было насрать на это.

Рейн вернулась из ванной, все еще румяная и красивая. Она кивнула в сторону стола.

— Тебе убирать беспорядок.

Я улыбался, когда она отчитывала меня, но мне было абсолютно пофиг, потому что я был сейчас полностью удовлетворен и доволен. Поэтому переставил тарелки и столовые приборы так, как все было до того, как мы устроились на столе, затем присел на один из стульев и наблюдал за Рейн, пока она продолжила готовить ужин. После того, как мы поели, я уселся на противоположную сторону дивана и играл в игру на телефоне, пока Рейн занималась.

Когда она, наконец, закончила, мы отправились в кровать. Было уже поздно, но я все равно пытался удовлетворить свое желание к ней, особенно после того, как мы чуть раньше занялись быстрым сексом на кухне. На этот раз я брал ее медленно и неспешно, изматывал и заставлял умолять от желания. Я трахал Рейн до тех пор, пока ее голова не склонилась на подушку от усталости, и весь ее лоб не был покрыт потом.

— Бастиан... О, Боже.

— Ты такая красивая... — прошептал я ей на ухо.

Она подняла свои ноги и обвила ими мои бедра, чтобы я подстроился под ее ритм, пока Рейн не кончила, яростно сжав своими мышцами мой член. Затем кончил и я, прижав ее крепко к своей груди, пока она поглаживала меня ладонями по спине.

В такие моменты мне было абсолютно наплевать на то, где мы находились. Мне было похрен на то, что в этом же доме жили сотни людей помимо нас, и тысячи туристов прогуливались по пляжу. Здесь и сейчас были только я и Рейн.

Спокойствие.

Удовлетворение.

Вспомнив о случайном парне, на которого я напал на пляже, я понял, настолько не заслуживаю всего того, что сейчас окружало меня. Рейн не заслуживала такого дерьма, как я, она была моей противоположностью. Милой, вежливой, дружелюбной ко всем, с кем бы ни

пересеклась. Если бы она знала, что я сегодня сделал...

Я тяжело сглотнул.

— Назови причины, по которым ты еще со мной... — беспомощно прошептал я. Затем взглянул на нее и ощутил беспокойство, что образовывалось в моей груди. Мы делали это и раньше, спрашивали друг у друга такие вещи, но я совершенно не мог понять, почему именно в данный момент испытывал такой страх.

Рейн улыбнулась и погладила мою щеку. Она кивнула, и я прижался к изгибу ее шеи и начал внимательно слушать. Она проскользнула пальцами в мои волосы и легко играла с прядями за моим ухом, когда начала говорить.

— Я люблю твою силу, — сказала она. Рейн всегда начинала с этого. — Я всегда наслаждаюсь чувством защищенности, когда ты со мной... как будто никто и ничего не смеет причинить мне боль, когда ты рядом.

— Это правда, — проговорил я едва слышно. — Никогда не позволю ничему плохому приключиться с тобой.

Я почувствовал, как она кивнула еще раз.

— Люблю твои глаза, — продолжила она, — и то, как ты на меня смотришь, словно я единственная во всей вселенной. Это заставляет мое сердце биться чаще. Мне нравится, как ты всегда хочешь обо мне позаботиться. Даже когда я не хочу, но знаю, что ты все это делаешь, потому что любишь меня.

Я сжал ее сильнее в своих объятиях.

— Бесконечно ценю, что ты так сильно стараешься не пить ради меня. Я прекрасно понимаю, что это совсем непросто — это ежедневная борьба — но все равно ты продолжаешь бороться, не сдаешься. Стараешься ради меня. Это часть твоей силы.

Моя грудь вздымалась и опадала, я сделал глубокий вздох и прижался губами к ее ключице. Ощутил покалывание от чувства вины из-за моих постоянных походов в бар, но несмотря на это, я больше не выпил ни капли спиртного с того дня, когда затонула моя шхуна.

— Но больше всего я обожаю то, как ты меня любишь, — прошептала она. — Я люблю страсть, которая бушует внутри тебя, и то, как ты обращаешься со мной, чтобы я почувствовала себя самой желанной женщиной на планете.

— Я тебя очень люблю, — ответил я ей твердо.

— Знаю, что так и есть, Бастиан, — ответила она, прижавшись губами к моему лбу. — Я тоже тебя очень люблю.

Я тяжело сглотнул комок, что образовался в моем горле, а Рейн прижалась чуть ближе ко мне, и я прикрыл свои глаза. Мой разум успокаивался наряду с моим телом, и я почувствовал, как ее пальчики поглаживают меня по лицу, когда провалился в сон.

Дым обжигает мои глаза. Пятнадцать человек лежат передо мной убитые, но я стою не двигаясь. Лэндон крепко держит одну мою руку, а Джон Пол другую.

Приводят последнего человека — это полицейский одного из крошечных районов. Я задаюсь вопросом, почему он тут. Гантер Дрейк хватает его и быстро толкает в круг, и я вижу, как меняется его лицо.

Рейн занимает его место.

Я все еще не могу сдвинуться с места, не могу произнести ни слова.

Гантер опрокидывает ее на спину, Франк подбадривает его. Четверо мужчин приближаются к ней — низкий полный парень с грязными волосами, темнокожий парень с

дредрами на голове, придурок с гладким черным хвостиком, ублюдок со стрижкой «ежик» и пивным животом.

Форма, которая одета на полицейском, исчезает, темнокожий парень с дредами срыгает с Рейн мою футболку, пока ублюдок со стрижкой «ежик» и полный парень удерживают ее ноги.

Я не могу сделать ни вдоха, когда резко открыл глаза. Все мышцы в моей груди сжались вокруг сердца и легких. Пот большими каплями стекал по моему лбу, попав мне в глаза, и мои конечности неконтролируемо вздрогнули.

Я схватился за край пижамы Рейн. Она была мне нужна рядом, как можно ближе к моему телу, но я не хотел ее будить. Поэтому с силой сжал ее пижаму, пока, наконец, не впился ногтями в свои ладони. Притянул ее тело как можно ближе к себе и старался изо всех сил унять дрожь, но получалось у меня это хреновей некуда. Мне каким-то чудом удалось успокоить свое дыхание, но как только это получилось, я сосредоточился на том, чтобы не вдыхать слишком часто.

Я задышал через нос, старался вдохнуть как можно глубже и выдохнуть как можно медленнее через рот. Но это только усилило боль в моей груди. Я схватил Рейн как можно сильнее и уткнулся головой в ее плечо.

Нежные пальцы ласково погладили меня по затылку.

— Бастиан? — я не смог промолвить ни слова. — Что не так, малыш?

— Ничего, — проскрежетал я. Но это, по меньшей мере, звучало смехотворно.

Рейн переместила свои пальцы на мою щеку и приподняла лицо, чтобы встретиться со мной взглядом. Я сделал это настолько неохотно, что когда, наконец, поднял на нее свои глаза, напряжение немного исчезло, и я снова мог свободно дышать.

— Кошмар?

Я кивнул, не сказав ни слова.

— Ты не мог бы мне про него рассказать?

Я отрицательно покачал головой, и она понимающе кивнула в ответ. Приобняла меня одной рукой за плечи и другой прижала к себе мою голову. Рейн так и держала мою голову у своей груди, пока я пытался вернуть остатки здравого смысла и скользнуть в привычное состояние.

Рейн знала меня настолько хорошо, что это временами пугало. Исходя из того, что раньше она требовала больше ответов, но теперь ограничивалась односложными ответами и отлично чувствовала, когда мне было необходимо немного пространства для моего разума, чтобы обдумать те или иные вещи. В конце концов, я все равно бы рассказал ей, о чем мой сон, и Рейн это прекрасно понимала.

Однако, даже когда она мне говорила, какие причины подстегивали меня видеть те сны, я не мог избавиться от гнетущего ощущения, что это не соответствовало причинам, по которым я их видел. Возможно, это было из-за того, что у меня в детстве был недостаток взаимодействия и привязанности, как считала Рейн, или, возможно, это было, потому что единственный мужчина, который полностью заменил мне родителей, научил меня как быть хорошим убийцей — чертовски хорошим убийцей.

А возможно и потому, что я просто скучал по этой части своей жизни. Скучал по крови и борьбе.

— Я не могу больше, — прошептал я Рейн, мое горло и рот в одно мгновение пересохли. — Так сильно хочу выпить. Это сильнее меня.

— Я знаю, малыш, — ответила она спокойно. — Но ты сильнее этого.

Я на мгновение прикрыл свои глаза и яростно покачал головой.

— Только внешне, это все напускное. — Я встретился с ее глазами. — У тебя есть больше внутренних сил, чем у меня.

Она скользнула своими пальцами в мои волосы и смахнула их с влажного лба.

— У тебя больше сил, чем кажется, — проговорила она. — Ты работаешь над этим каждый день, и каждый день становишься сильнее внутри.

Все в моей голове хотело отрицать ее слова. Я не чувствовал себя сильным. Потому что прибывал в двух состояниях — хотел или выпить, или потрахаться.

— Я хочу тебя, — сказал я. И увидел толику боли, что сверкнула в ее глазах, но не смог принудить себя обратить на это большое внимание.

— Ты такой пошлый, — пробормотала она.

Я боролся со своим разумом, чтобы попытаться объяснить ей мои чувства.

— Когда я нахожусь внутри тебя... — проговорил я. — Это не потому, что я просто хочу трахнуться; я делаю это потому, что так ощущаю твою поддержку. Когда я чувствую, как твои руки лежат на моей спине, и когда ты держишь меня, именно тогда я ощущаю себя сильным.

Взгляд Рейн смягчился, и ее глаза заблестели. Она провела своими пальцами по моей челюсти, пока ее взгляд блуждал по мне. Я не мог понять, о чем она думала: поняла ли то, что я хотел сказать, или же это наоборот заставило ее думать, что я непроходимая задница. И только когда я подумал, что мне нужно оставить ее в покое и побыть немного в одиночестве, Рейн заговорила.

— Трахни меня, Бастиан, — проговорила Рейн. — Жестко.

Без колебаний я схватил ее и заставил оседлать свои бедра. Потянулся к ее затылку, схватив Рейн и притянув к себе, чтобы ее губы приникли к моим. Наши языки сплетались с большой скоростью, и я не хотел ничего больше, только поглотить ее. Она схватила заднюю часть моей шеи и удерживала мой взгляд напротив своего, когда вернула мой поцелуй с еще большей страстью.

Я больше не мог ждать ни минуты.

Встав на колени, я усадил Рейн на бедра. Она приподнялась и обернула свои пальчики вокруг моего члена, направив его в свое лоно. Я поднял, а затем резко опустил ее на член. Она отклонилась назад, и я положил ладонь на ее поясницу, пока другой рукой ласкал грудь.

Рейн застонала, и я сжал ее сосок пальцами, когда она приподнималась и опускалась на моем члене. Ее кожа ощущалась такой нежной в моей ладони, я погладил обе ее груди, перед тем как схватить за задницу и крепко сжать.

Теперь я начал двигаться, приподнимал и опускал Рейн на свой член опять и опять, пока тонкий слой пота не покрыл нас. Рейн выдыхала свои прерывистые вдохи в мою грудь, а ногтями крепко впивалась в мое плечо, чтобы удерживать равновесие.

Она так держалась за меня, как будто я мог позволить ей упасть.

Наши взгляды встретились, у меня не было ни слов, ни эмоций, чтобы выразить свое состояние. В ее взгляде было желание и необходимость; там была любовь, но также там было множество других чувств. Смотреть в ее глаза было так же, как и смотреть в глаза ангелу — ангелу-хранителю — которого оправили с небес, чтобы он сохранил мое сердце и душу.

Крики Рейн отдавались эхом в маленькой спальне от потолка и стен и создавали самую

соблазнительную музыку для моих ушей, я сменил позу и уложил Рейн на матрас, развел ее ноги и приподнял их до уровня своих бедер, затем накрыл ее тело своим и продолжил.

Она приподняла ноги выше и обернула их вокруг моей спины, а пятками уперлась в мою поясницу. Давление ее объятий было более чем достаточно, чтобы увеличить свой темп и заставить меня двигаться сильнее, мой член вколачивался в ее тело жесткими толчками.

Наконец насытившись, я замедлился и успокоился, упав на ее тело и попытался успокоить дыхание. Ногами Рейн сильнее обхватила мою талию, а руками схватилась за мои плечи. Я губами прижался к ее шее в молчаливой благодарности и скатился с нее.

— Ты — мой мир, — прошептал я у ее кожи. — Я могу справиться со всем, только если ты будешь со мной.

Буря, что царила внутри меня, наконец-то, успокоилась. По крайней мере, сейчас я прикрыл глаза и забылся сном без кошмаров.

Глава 2

Спасательный плот позади меня, веревка крепко обернута вокруг моего запястья. Я тянусь, чтобы вытащить тело за темные волосы, что виднеются в воде, но не могу схватить их. У меня никак это не получается. Чей-то чемодан проплывает передо мной, и я разгневанно отталкиваю его со своего пути. Я больше не вижу ее. Больше не вижу... Она погрузилась под воду, там темно, я не могу найти ее... темнота поглощает все...

Я резко проснулся, захватывая ртом воздух, но теплое крошечное тело лежало рядом со мной, и этого достаточно, чтобы я вспомнил, где находился. Сжал своими пальцами футболку Рейн и уткнулся носом в ее волосы, вдохнув аромат. Это действие немного успокаивало меня, когда мне снились кошмары.

Поначалу.

Но этого уже было недостаточно.

Я не стал снова ее будить, легко поднялся с кровати и направился в сторону гостиной. Нашел пачку сигарет на столике возле дивана и стремительно вылетел на балкон. Выкурил две сигареты до фильтра, прежде чем смог немного успокоиться, чтобы те ужасные образы ушли из моей головы. Присев на стул, я закрыл глаза и вдохнул прохладный морской ветерок.

Я чувствовал себя не в своей тарелке, когда сидел на стуле, поэтому поднялся и сел на коврик около двери. Наклонился вперед и обнял руками колени. С закрытыми глазами я слушал набегающие волны и продолжал говорить себе, что все то дерьмо, что находилось в моей голове, происходило не на самом деле.

Мое настоящее лежало в соседней комнате.

Напомнив себе в очередной раз, что находиться с ней важнее чего бы то ни было, я поднялся с пола и зашел внутрь, забрался обратно в кровать и обернул свои руки вокруг Рейн. Я крепко прижал ее к своей груди и перекинул ногу через ее бедра. Когда ее тело подо мной было заключено в ловушку, а она была в безопасности от темных волн, что хотели поглотить ее, я, наконец, расслабился. У меня не получилось снова уснуть, но то, что я удерживал ее тело, помогало мне продержаться ночь.

Несмотря на это завтрак был просто ужасным.

— У нас закончилось молоко, — проинформировала меня Рейн. — Помимо этого нам нужны продукты на сегодняшний ужин. Я хотела бы, чтобы ты сделал мясо на гриле.

— Конечно, — ответил я просто, посмотрев вверх своей кружки с кофе. Черный кофе без всяких добавок. Я пытался изо всех сил избавиться от воспоминаний приятного вкуса кофе, когда в него добавлено полкружки «Калуа», пока думал о друзьях Рейн, которые должны были приехать сегодня на ужин. Они собирались выехать из Голливуда, чтобы отпраздновать успех Линдсей на работе, а жарка мяса подразумевала, что я проведу меньше времени, общаясь с Ником, парнем Линдсей.

— Тогда стейк?

— Конечно, — ответил я снова. Я пытался не подавать вида, насколько меня разозлило, что наша пятница — единственный день недели, который Рейн не тратила на выполнение домашнего задания — будет потрачена на этих двоих, а не на нас.

— Так ты сможешь съездить сегодня в супермаркет? — спросила Рейн. — Просто у меня после занятий еще учебная группа, а они приедут к нам где-то в районе шести.

— Ты составишь список покупок, чтобы знал точно, что брать? — я выжидающе посмотрел на нее и понял, что меня полностью отвлекло от нашего диалога то, как переместились ее волосы, когда она слегка повернула голову и посмотрела на меня. Сегодня утром Рейн их выпрямила, и они выглядели идеально ровными. Я так хотел провести своей рукой по ее волосам. Хотел обернуть их вокруг запястья и повалить ее на кровать, пока толкался бы...

— Конечно.

Я пару раз моргнул и попытался вспомнить, о чем именно мы разговаривали.

А, точно — список продуктов.

— Хорошо, — согласился я, — тогда я сделаю это.

Ни за что на свете я бы не пошел по магазинам, не зная, что она именно она хотела. Но, несмотря на то, как я не любил ходить по магазинам, переполненный супермаркет был лучшей компанией, чем мое пребывание в небольшой квартире.

Рейн поцеловала меня в щеку.

— Спасибо, — сказала она с улыбкой.

— Ты знаешь, если бы мы были все еще на острове, я бы уже достал все, что тебе нужно, — заметил я неспешно. — Я бы жарил для тебя мясо каждый день, если бы ты того хотела. Ты могла сделать суп из мидий и крабов, который так отлично сочетался с теми маленькими сладкими картошками. — Рассуждения вслух еще никогда не заканчивались для меня чем-то хорошим, но мой рот все равно продолжил произносить слова. — Мы могли бы подумать над тем, чтобы куда-нибудь съездить отдохнуть, — предложил я. — Ты знаешь, где только ты и я, хотя бы на пару недель. А может мы могли бы устроить это на весенних каникулах. Было бы круто убраться подальше от суеты этого города. А затем, летом, мы могли отдохнуть чуть подольше, может даже мес...

— Бастиан. — Ее резкий тон прервал поток моих слов, а выражение лица практически заставило остановиться мое сердце.

Я почувствовал себя немного неуютно, но все же открыл свой чертов рот снова.

— Черт побери, а почему нет?

— Ты сейчас говоришь о том, чтобы вернуться обратно... на тот самый остров, на котором мы застряли на протяжении долгого времени? На котором ты чуть не умер?

— Ну... ээ... вообще-то, да.

— Но это вряд ли можно назвать отдыхом! — возмутилась она, ее голос поднялся на октаву.

— Ну, это точно не похоже на то, как мы застряли тут, — огрызнулся я. — Мы могли бы взять лодку до острова Святого Мартена. И я бы мог отвезти нас туда без посторонней помощи и даже научил бы тебя грести и ориентироваться. Добраться туда не заняло бы много времени, мы могли бы...

— Нет! — выкрикнула Рейн. Она смотрела на меня в течение минуты, пока ее грудь приподнималась и опадала. — Бастиан, услышь меня, я была напугана все то время, что была на острове! На меня напала кучка работяг, ты чуть не погиб, а еще я совершенно не понимала, когда мне ждать урагана, я боялась, что он унесет нас в море. Я ненавижу это место! Я ненавижу его!

Я напрягся.

— Ты ненавидишь все, что там у нас было? — спросил я тихо. Это был удар ниже пояса, я это прекрасно знал, но мне было похеру.

Рейн вздохнула и подошла туда, где я сидел за столом, который был частью кухонного островка, отделявшего кухню от гостиной. Ее взгляд все еще был наполнен гневом, но она протянула руки и взяла мое лицо в свои ладони, затем провела руками по моим волосам. Опять вздохнула и покачала головой, когда я потянулся и схватил ее за футболку по бокам и притянул ближе к себе.

— Естественно, нет, — ответила она. — Я ни на кого тебя не променяю, Бастиан. Но нам больше не нужно быть там, и к тому же, я еле терплю близость к океану.

— Я бы никогда не позволил ничему плохому произойти с тобой, — настаивал я на своем. И сильнее сжал футболку Рейн. — Я бы оберегал тебя, как делал это раньше.

— Оберегал бы от ураганов? — спросила она недоверчиво. — Я прекрасно знаю, что ты бы не позволил ничему произойти со мной, но существуют некоторые вещи, которые неподвластны тебе. Вот, например, хотя бы тут, здесь существует сигнализация и планы эвакуации. Есть полиция, куда мы можем обратиться, если произойдет преступление.

Я закатил глаза. Да, конечно, полиция, и дерьмо, что в данный момент происходило вокруг меня, усложнило бы все во много раз.

— А что мне прикажешь делать здесь? — промямлил я. — Быть простым мальчиком на побегушках? Менять лампочки, если понадобится?

На мгновение пальцы Рейн прекратили поглаживания.

— Я слышала, что на днях на туриста напали на пляже, — протараторила она. — Какой-то парень просто побил его без причины. Здесь есть много всего, от чего ты можешь меня оберегать и защищать.

Я не смог сдержаться; громкий смех вырвался из моего горла, вспомнив, что это сделал именно я.

— Я тут самый опасный человек, — сказал я, посмотрев в ее нежные, карие глаза. Гнев уже давно прошел, но жесткое выражение, скорее всего, было все еще там, а Рейн просто на просто забыла, с кем жила и делила свою кровать, кому отдавала свое тело. — А кто защитит тебя от меня?

Я отстранился от нее и вышел из кухни. Мои сигареты лежали на ночном столике в нашей спальне, поэтому я направился туда и взял их, затем открыл балконную дверь и вышел на свежий воздух. Я услышал, как Рейн подошла ко мне, когда склонился над перилами балкона и стряхнул сигаретный пепел в бассейн, который по форме напоминал амебу.

— Ты скажешь мне сейчас, о чем думаешь? — поинтересовалась она мягко.

Я подумал, прежде чем произнес ответ.

— Я тебе здесь не нужен, — ответил я.

— Ты очень нужен мне, — настаивала она.

— Нет, — уперто произнес я, — ты больше не нуждаешься во мне.

— Себастьян... — ее голос прозвучал, как предупреждение.

— Я знаю, знаю, — прокричал я, подняв руки вверх в оборонительном жесте, — да, да, ты любишь меня. Я не понимаю этого, но знаю. Ты хочешь меня — это я понимаю, но я не нужен тебе. Здесь я не нужен тебе.

— Ну, возможно, здесь нет необходимости приносить свежую рыбу или воду, но я все равно нуждаюсь в тебе.

Я честно не имел никакого желания соревноваться с ней в пустословии. Это было ясно с самого начала, что мы не найдем точек соприкосновения касательно этого вопроса. Какое-то время я хранил полное молчание, собирался с мыслями. Действительно не хотел, чтобы

она шла на учебу, зная, что дома остался нерешенный спор, поэтому решил просто замять нашу ссору. Сделал последнюю затяжку, выбросил окурочок в ведро и повернулся к ней.

— Давай каждый останется при своем мнении? — предложил я.

Рейн вздохнула и скривила губы. Я улыбнулся ей и раскинул руки, пригласив ее тем самым в свои объятия. Она подошла ко мне, и я крепко обнял Рейн, стиснув изо всех сил. Если бы можно было обнять всем телом и тем самым поглотить ее, я бы так и сделал, потому что не было на свете ничего и никого, кого бы я желал настолько сильно. Она подняла свои руки, чтобы обнять меня за плечи, положив щеку на твердые мышцы моей груди. Уткнувшись своим носом в ее шею, я вдохнул аромат, исходящий от ее волос, и ощутил шелковистость ее кожи — все это успокаивало меня.

— Ты для меня — все, — сказала она. — Мне не нравится смотреть на тебя, когда ты испытываешь страдания, но я, правда, не могу вернуться туда. Никогда не хочу больше возвращаться туда.

Я плотно прикрыл глаза и попытался не обращать внимания на жжение, которое образовалось у меня в глазах от набегавших слез.

— Я знаю, — прошептал я в ее волосы.

Линдсей была лучшей подругой Рейн еще с Огайо. Она перебралась в Майами, когда мы с Рейн числились пропавшими без вести, чтобы быть ближе к месту поиска. Ник, ее парень, был тем самым пилотом гребаного вертолета, который, в конце концов, нашел нас и вывез с острова. И только по этой причине я ненавидел его, но изо всех сил старался этого не показывать.

Линдсей выросла в обеспеченной семье, что отражалось на ее поведении больше, чем это хотела показать Рейн. Ее мать занимала должность верховного судьи штата или что-то в этом роде, отец работал руководителем какой-то корпорации. Линдсей не кичилась своим достатком, но эта девчонка покупала все, что видела и иногда пыталась заставить и Рейн купить то же самое.

Я совершенно не понимал этого.

— Ты обязательно должна посмотреть на туфли, которые я приобрела он-лайн, — болтала Линдсей, переступив порог и поставив возле двери дизайнерскую безразмерную сумку. Она сразу жехватила Рейн за руки и повела по направлению к дивану. Я задался вопросом: нет ли в ее сумочке парочки чихуа-хуа, потому что, судя по размеру сумки, она могла с легкостью их вместить. Две девушки склонились над ноутбуком, который стоял на кофейном столике, и рассматривали сайт со скидками на обувь. Вдвоем они смеялись и указывали на экран, Ник смотрел на них и закатывал глаза.

— Женщины, такие женщины, да? — проговорил он с дружелюбной улыбкой. Затем положил большой, коричневый пакет на кухонный остров и протянул руку для рукопожатия. — Как ты, Себастьян?

Полностью проигнорировав его руку, наряду со всеми его стараниями, я проворчал, схватил пачку сигарет, зажигалку и направился на выход, открыв раздвижную стеклянную дверь. Затем вышел и закрыл ее за собой.

На балконе я изо всех сил пытался найти в себе немного сожаления из-за того, что отшил парня, но, как бы я ни старался, не мог. Каждый раз, когда смотрел на него, в моей голове отдавались четкие звуки лопастей вертолета, когда он садился на пляж и затем

полностью разрушил мой хрупкий мир. Я прекрасно знал, что Рейн и Линдсей хотели, чтобы мы подружились, и Ник определенно пытался, но я был настроен отрицательно по отношению к этой идее. Я был полной задницей.

Разжег гриль и выложил стейки на прикрепленную решетку. Они были отличного качества и очень сочные, поэтому я знал, что у меня займет некоторое время, чтобы приготовить их, а это в свою очередь означало, что у меня останется меньше времени на разговоры с долбанными надоедливymi друзьями Рейн.

Ну, просто ах*енно.

Я докурил сигарету и рывком открыл раздвижную дверь.

— Нет, серьезно, Линдсей, о чем ты думала?

Линдсей и Рейн стояли с левой стороны у кухонного островка спиной ко мне, Линдсей держала пару бокалов для вина, пока Ник откупоривал бутылку «Мерло» на столешнице рядом с мойкой.

— Это ведь ничего такого, просто бутылка вина, — сказала Линдсей. — Уже прошел месяц, я не думала, что это вызовет у тебя такую реакцию. Я хотела отпраздновать мое продвижение по службе, черт возьми!

— Он все равно будет вести себя, как полный придурок, будем мы пить или нет, поэтому, думаю, это не сыграет никакой роли, — пробормотал Ник.

— Прекрати говорить так! — Линдсей ударила его по руке и повернулась к Рейн. Она положила ладонь на плечо Рейн и склонилась к ней. — Ты же прекрасно понимаешь, что ему необходимо будет учиться находиться рядом, когда все будут выпивать, ему нужно привыкать, милая. Я не пытаюсь показаться бестактной, но вы вдвоем должны понимать, что остальные не должны отказывать себе в удовольствии пропустить пару бокалов и...

— Да, все просто офигенно, — огрызнулся я, когда вышел из гостиной. — Вы можете спокойно пить ваше гребаное вино, не парьтесь насчет меня.

Они резко развернулись в мою сторону и смотрели на меня распахнутыми от ужаса глазами.

— Бастиан, — задохнулась Рейн на полуслове, — это же и твой дом то...

Я разразился громким смехом, покачав головой. Мой дом был далеко отсюда, я не думал, что какая-то долбаная бутылка вина могла все сделать гораздо хуже, чем было. Я сделал глубокий вдох и попытался успокоить голос и свое заходящееся сердце.

— Все в порядке, детка, — сказал я неспешно, выделив каждое слово. Подошел к ней, обернул свои руки вокруг ее талии и нежно поцеловал ее в шею, чтобы подтвердить свои слова. Я никогда никому ничего не доказывал, но сейчас почувствовал резкую необходимость сделать это. — Милая, она хочет отпраздновать, или что там. Я справлюсь.

И я справлюсь, так и сделаю — буду сидеть, вцепившись в стакан с холодным чаем так, словно от него зависела моя чертова жизнь, на протяжении следующих сорока минут.

— Похоже на то, что Рейн отлично успевает в университете, — проговорил Ник, когда неслышно вышел на балкон, закрыл за собой дверь и присоединился ко мне.

— Хм, — издал я мычащий звук через нос. Я не отводил взгляд от гриля в надежде, что он поймет недвусмысленный намек и свалит нахер. Но он так не сделал. Чертов мудака.

— Так чем ты занимаешься, пока Рейн на занятиях? — проговорил он, пытаясь завязать разговор.

— Дрочу, — легко ответил я.

Он резко рассмеялся, но звук смеха рассеялся, когда я посмотрел на него серьезным

взглядом.

— Ну, думаю, это может быть довольно-таки скучным, мм? — Ник качнулся на пятках вперед-назад и затем облокотился локтями о перила балкона. Он отхлебнул большой глоток своего напитка, и глупая улыбочка опять возникла на его лице. — Так откуда ты родом, Бастиан?

— Из Чикаго, — бросил я кратко.

— «Город ветров»! — воскликнул он, как будто сказал мне что-то новое — идиот. — Я был там однажды вместе с сестрой и родителями еще ребенком. Мне понравились музеи. Мы также были на огромном колесе обозрения и на Военно-морском Пирсе в Чикаго, а еще посетили Сирс-Тауэр (прим. пер — небоскреб, находящийся в городе Чикаго, США. Высота небоскреба составляет 443,2 метра, 110 этажей).

Его рассказ, как и он сам не стоили того, чтобы попытаться исправить его и сказать, что его давно уже так не называли, поэтому я не стал ничего говорить. Никогда не понимал, нахрена люди рассказывали это дерьмо о том, что они посетили город, где ты жил? Нахера? Он был далеко не первым, кто докучал мне своими разговорами про Чикаго, но я видел намного больше улочек в южной части города, чем всяких музеев, которые там находились (прим. пер. — в южной части Чикаго находится район гетто).

— А я сам родом из штата Пенсильвания, — продолжил он, даже и не подумав заткнуться. — Из города Питтсбург. Мой отец работал на большую компанию по грузоперевозкам.

Я полностью продолжал игнорировать его.

— Мама большую часть своей жизни была домохозяйкой, но она так много помогала в школах. Обучала детей и занимала пост в родительском комитете — ну, ты же знаешь, — продажа домашней выпечки и еще много чего.

Я чувствовал, как напряжение полностью сковало мою спину и затем перешло на плечи, с каждым следующим словом, что вылетало из его рта. У меня было ощущение, что мой разум кружился в неумолимом водовороте образов, пока пытался представить ту жизнь, что была у него, и воспроизвести образ женщины, что произвела меня на свет, но так и не стала моей матерью. Но, к сожалению, я не мог найти ничего на задворках своей памяти.

— Твои родные до сих пор живут в Чикаго?

— Нет, — рыкнул я, стиснув зубы в надежде, что он не станет дальше расспрашивать про мою семью.

— Так, где твоя семья проживает сейчас?

Ну, естественно, он задал этот вопрос.

Ублюдок.

— У меня нет семьи, — отчеканил я.

— Оу, бл*дь... прости. — Он почесал голову и сделал еще глоток своего напитка. — Что с ними произошло?

— Не знаю, и мне пох*й, понимаешь? — рявкнул я, больше не в силах терпеть его доставучие вопросы. Сжал щипцами один из стейков и перевернул его на вторую сторону. — Давай сменим тему.

После нескольких мгновений молчания я надеялся, что он покинет балкон и присоединится к девочкам, но удача точно сегодня покинула меня.

— Ты собираешься покупать еще одну лодку?

— Не припомню, чтобы у меня когда-либо была лодка, — отрывисто бросил я.

— Оу, а я думал, та лодка была твоей.

— Это была трехмачтовая шхуна, — ответил я ядовито, — корабль, но никак не лодка.

— Прости, я не так много знаю о лодках.

Бл*дь.

— Так ты собираешься покупать новую?

— Нет.

— Почему нет?

Я выдохнул и повернулся, чтобы впиться в него разъяренным взглядом.

— Может потому что, бл*дь, я живу сейчас здесь?! — я прорычал, перед тем как сосредоточиться на подгорающем мясе.

Я прекрасно понимал, что он лишь хотел быть милым и поддержать наш разговор, но не был заинтересован, поэтому пошел он в задницу. Мне было нечего ему рассказать, и я был абсолютно уверен, что не собирался обнажать перед ним душу и рассказывать историю своей жизни, потому что это только привело бы к его смерти.

Я покачал головой, чтобы немного очистить ее от кровожадных мыслей, которые рождались в ней. Сосредоточившись на еде, я делал все это, пока Ник предпринимал бесплодные попытки завести разговор. Когда мы вошли внутрь, я продолжал держаться, невзирая на непрекращающееся бормотание Линдсей о туфлях и бесконечные косые взгляды Рейн на меня, когда кто-то из них делал свой глоток вина.

Рейн полностью проигнорировала бокал вина, который ей налила Линдсей, и вместо этого пила воду.

Это только разозлило меня еще больше. Я не хотел, чтобы она отказывала себе в удовольствии выпить бокал вина только потому, что у меня были проблемы с алкоголем. Это были мои проблемы, не ее.

— Как насчет тоста за нового менеджера по работе с клиентами? — проговорил радостно Ник и поднял свой бокал вина.

Линдсей тихонько вскрикнула, издав радостный возглас. Она взяла бокал вина, к которому не притронулась Рейн. Которая бросила на меня еще один косой взгляд, и я закатил свои глаза в драматичной манере.

— Ты можешь просто выпить свой гребаный напиток? — фыркнул я. — Мне, правда, похрену.

Рейн немного съежилась от моих слов и кивнула в сторону Линдсей. Ник поднял свой стакан и произнес какую-то чушь о том, как он гордился своей маленькой Линдсей, которая добилась успеха и славы на поприще менеджмента. Я сидел на одном из кухонных стульев и вертел в руках зажигалку.

— Давай с нами, Бастиан, — пропела Линдсей, — тебе тоже нужно поднять свой стакан.

— Ради всего святого, этого же просто чай, — напомнил я ей.

— Ну, ты все равно можешь присоединиться ко всем и произнести тост, — возразила Линдсей.

Я безучастно уставился на нее и пытался сдержать все то дерьмо, что так и рвалось из моего рта, словно рой пчел, которых потревожили в их улье. Я стиснул зубы, все напряжение скопилось в желудке, и мне пришлось сглотнуть, чтобы не выплеснуть на нее мою злость.

— Прекрати, детка, — сказал спокойным тоном Ник.

— Но он же мог бы это сделать, — продолжала настаивать Линдсей, повернувшись к

своему парню.

— Пожалуйста, прекрати, — прошептала мне Рейн, стиснув мое колено, когда подошла ко мне поближе, — давайте перейдем прямо к основной части и будем есть, хорошо?

В комнате повисло неловкое молчание.

Ну, по крайней мере, это было лучше, чем то, что произошло дальше.

Мы все сидели вокруг кухонного островка с тарелками и зажаренными стейками на них, запеченной картошкой и соцветиями капусты брокколи, которая была аккуратно разложена сверху. На тарелке также был салат со всей зеленью, что обычно принято пихать туда, но я не мог определить, что там было. Мои пальцы барабанили по ноге, отбивая быстрый ритм, пока я пытался держать свой рот полностью забитым едой, чтобы, не дай бог, не встрять в диалог.

Не то, чтобы мне было, что добавить к их разговору, но все равно лучше не рисковать.

— Так горжусь своей девочкой, — заметил Ник с широкой радостной улыбкой. Он приобнял Линдсей за плечи и улыбнулся ей тупой улыбочкой.

Каждое слово, что вылетало из его рта, я хотел вбить ему обратно кулаком. Все мувиной были не слова, а то, как он их произносил. То, как он улыбался, словно она была центром его вселенной. И она велась на это.

От его нежностей мне захотелось блевануть прямо на обеденный стол.

Рейн искренне улыбнулась, посмотрев на них, затем склонила голову и посмотрела на меня. Ее улыбка медленно сползла с лица, когда она наблюдала за тем, что я вцепился пальцами в нож, это смахивало на то, будто я пытался зарезать корову.

— Только два года в магазине, а уже такие успехи, — продолжил он свою сладкую речь.

— Ради всего святого, — прорычал я, не в силах больше сдерживать это дерьмо в себе. — Это всего лишь работа по обслуживанию покупателей. Она не состоит в совете директоров.

Пролетела секунда долгого молчания перед тем, как Ник выпрямил спину и гневно впился в меня взглядом.

— В чем, бл*дь, твоя гребаная проблема? — резко бросил мне Ник.

Я остервенело посмотрел на него.

— Хм. Давай-ка посмотрим, откуда начать, — проговорил я сладко, постучав пальцем по подбородку. — Ох, точно, в том, что ты гребаный мудака.

— Бастиан! — раздался окрик Рейн.

Я со всей силы ударил кулаком по столу и вскочил на ноги.

— Это все чертовски бесполезно! — прокричал я ей. — Я не могу сидеть и притворяться, что все, бл*дь, замечательно и превосходно, Рейн! Это все полное дерьмо!

Я точно не был уверен, что именно назвал «дерьмом», но довольно точно выразился о дерьме, происходившем в комнате. Мне нравилось это. Если быть откровенным, я не смог бы выдержать ни секундой больше.

— Господи, Бастиан... — лицо Линдсей скривилось, будто она только что увидела бедную девушку на пляже в шлепках из супермаркета Wal-Mart. — Успокойся, сейчас же!

Я сжал пальцы в кулак, мои ногти впились до боли в ладони. Я не собирался ее бить — я бы не смог сделать этого — но бесполезно отрицать, у меня было такое желание. Тем более, я был больше чем уверен, что если сделаю это, то на помощь ей кинется Ник. Избить его было просто потрясающей идеей, и я практически уже обдумывал вариант двинуться в ее сторону, только чтобы иметь возможность долбануть его.

Я посмотрел в сторону Рейн, и эти мысли тут же исчезли из моей головы. Она бы никогда не простила меня, если бы я сделал что-то подобное, и единственная вещь, которая могла хоть как-то уменьшить мое напряжение, это тот факт, что, когда эти идиоты уберутся, я смогу отвести Рейн в кровать и попытаться забыть об этом провальном вечере.

И внезапно до меня дошло, что, скорее всего, я уже потерял эту возможность.

— Пошло все к черту, — пробормотал я, выскочил из-за стола и схватил свою кожаную куртку, которая висела на крючке на стене.

— Бастиан, куда ты направляешься? — прокричала Рейн.

— Подальше отсюда.

Рейн отодвинула свой стул и быстро пошла ко мне, но Ник, который стоял ближе всего к двери, кинулся наперерез. Он обошел меня и встал, загородив мне путь к двери и лифту.

— Да ладно, мужик, — он сделал движение руками, как какой-то полный придурок. — Все нормально. Нет причины уходить.

— Отойди, бл*дь, с моей дороги! — прокричал я. Резко оттеснил Ника в сторону и схватился за ручку двери. Я не собирался стоять и ждать лифт, а схватился двумя руками за перила и начал спускаться по лестнице, перепрыгивая за раз через три ступеньки. Когда я был на полпути вниз, то услышал, как Рейн кричала мне вслед ругательства, которые были неприятными настолько, что их лучше было бы забыть.

Каждая мышца в моем теле была болезненно натянута. Я пытался мысленно сосредоточиться на том, чтобы как можно быстрее убраться отсюда, а не вернуться обратно и не надавать по морде этому недоноску. Если бы Рейн не было там, я выбил бы все дерьмо из него, и только присутствие Рейн помогло мне удержаться от этого.

Нужно было отвлечься, и, слава Господу, кое-что находилось на нижнем уровне подземной парковки, что могло бы отвлечь мое внимание от всего.

На подземной парковке было отведено два парковочных места для наших транспортных средств. Одно занимало «Субару», принадлежавшее Рейн, на котором она приехала из Огайо для того, чтобы отправиться в круиз, который закончился местом на спасательном плоту для нас двоих. Рядом с ее машиной стояла единственная вещь, которую я приобрел после того, как мы прилетели в Майами — спортбайк «Хонда» CBR 600 RR.

Мой мотоцикл.

Я перекинул через него ногу, завел и надавил на ручку газа. Пару мгновений спустя я уже гнал под девяносто (прим. ред. — около 145 км/ч) по МакАртур Козвэй, направляясь в сторону I-95. Я совершенно не представлял, куда именно направлялся, просто хотел убраться как можно быстрее из квартиры и от всего, что там произошло. Выжав из своего байка предельную скорость, как будто за мной гнались зомби из «Войны миров Z», я сделал лихой маневр и проскользнул мимо машин и грузовиков, когда направлялся на запад, достигнув автомагистрали между границ штатов, затем резко свернул в северном направлении.

Сильный ветер бил мне со всей силы в лицо, заставив мои глаза наполняться влагой, но я упивался этим чувством, чувством неограниченной свободы, что давал мне мой байк. Я не был так же хорош в управлении мотоциклом, как, например, шхуной, но это только из-за быстрого движения, что царило вокруг меня, из-за этого мне нужно было смотреть по сторонам и следить за движением. В воздухе до сих пор витал запах соли из-за непосредственной близости к океану, я мог практически чувствовать привкус моря на моем языке.

Я не следил за временем, которое потратил, когда гнал по шоссе. На каком-то отрезке

пути я просто развернулся и направился обратно в направлении Майами-Бич. Я не уехал на большое расстояние, поэтому добраться назад не составляло большого труда, но вместо этого решил свернуть с шоссе и проехаться по глухим улочкам. Поэтому пронесся по некоторым кварталам с неухоженными газонами и окнами, которые заколочены досками, затем мимо маленьких магазинчиков, в которых половина отделов были уже закрыты. Поблизости было мало людей, а те, кто там был, смотрелись так, словно хотели бы находиться в каком-нибудь другом месте.

Я, наконец, остановил мотоцикл, опустил выдвижную опорную подставку и положил голову на свои руки. Склонился к рулю мотоцикла и сделал пару глубоких вдохов, чтобы снова выпрямиться и осмотреться.

Я не был прежде в этом районе города, и он выглядел достаточно подозрительно. Место выглядело неприглядным для туристов, потому что в этом районе на них скорее могли напасть, чем предложить коктейль с зонтиком. Это сразу же напомнило мне о том, как я жил на улицах Чикаго до того момента, пока меня не нашел Лэндон и не забрал себе на обучение.

Обучение.

Я фыркнул про себя.

Я учился, как убивать и как не быть убитым, чтобы я мог сражаться и побеждать в боях на смерть, развлекать богатых и сильных преступного мира. Я зарабатывал огромное количество денег за то, что забирал человеческие жизни самым жестоким из возможных способов. И никогда меня это даже не беспокоило.

А почему вообще должно было? Встреча с моими противниками не была случайной, они прекрасно знали, во что ввязывались. А на том уровне, на котором мы участвовали в этих боях, никто из нас не мог выйти оттуда, не замавав свои руки в крови. У всех, кого я лишил жизни, руки были по локоть в крови.

Если бы этого не сделал я, то сделали бы другие, на их пальцах была бы моя кровь. Это было бы делом времени. Всего пара бойцов в боях на смерть могли дожить до преклонного возраста. Джон Пол и я были теми немногими, которые бросили это и начали заниматься чем-то другим, хотя тут больше поспособствовали обстоятельства, чем наш осознанный выбор.

Вы не смогли бы свидетельствовать против всемогущего босса мира мафии за пытки и убийство без необходимости скрываться. Было совершенно не похоже, что Фрэнк предложит мне обратно мою работу после того, что я натворил. Лэндон помог мне отделаться малой кровью, когда сделал новые документы и приставил ко мне Джона Пола, чтобы он присматривал за мной, в то время как я погружался все глубже и глубже в бездонную бутылку с водкой.

Думая о том, чему меня обучал Лэндон, я пришел к выводу, что не следовал его указаниям — не наблюдал за тем, что меня окружало, и не поджидал опасности. В районе по типу этого мне бы определенно следовало обращать внимание. Я выпрямился и огляделся, задавшись вопросом, какой из идиотов решит, что я отличная цель для карманной кражи.

Сама идея того, что кто-то нападет на меня и попытается украсть бумажник, была достаточно интригующей. А, возможно, это было именно тем, что мне было нужно — хорошая борьба в замшелом квартале, где полиция бы не объявилась до того момента, пока я не был бы далеко от этого места.

Я слез с байка и направился вниз по улице. Пара парней, которые выглядели весьма и

весьма опасно, прошли мимо, потому что, судя по всему, я не был подходящей целью для них. После того, как прошел несколько переулков, я подошел к подпольному бару, из которого доносился странный шум.

На входе стоял вышибала, который одобрял всех тех, кто хотел пройти в бар. Он проверил парочку удостоверений личности перед тем, как прогнать их владельцев, а я прислонился к косяку двери, чтобы закурить. Когда я подошел, его глаза загорелись.

— Эй, ты тот самый парень, которого все ждут?

Немного удивившись, я намеревался солгать ему и ответить «да», но врать в таких обстоятельствах было довольно рискованным занятием. Все, что я мог понять из его слов, так это то, что он ждал друга своего босса.

— Не думаю, — ответил я с расстановкой. — А что?

— Ох, — проговорил он, и его лицо немного скривилось, — чертовски жаль. Ты выглядишь, как достойный противник.

— Противник для чего? — спросил я.

Он изогнул большой палец и указал на бар.

— Просто небольшой дружеский спарринг, — проговорил он с коварной улыбкой, — хочешь посмотреть? Они позволили мне впустить любого чувака, который бы оказался достаточно глупым, чтобы войти в октагон сегодня, но второй парень так и не пришел. — Он пожал плечами, но я не мог игнорировать чувство возбуждения, что разгорелось в моей крови. Я прошел мимо него, чтобы посмотреть, что происходило внутри, и понял, что оказался в помещении с импровизированным баром, огромным количеством высоких столов и стульев и сотней людей, которые выкрикивали что-то по направлению к месту, что находилось в самом центре зала. Оно было окружено сеткой, на высокой платформе находилось несколько парней, которые подпрыгивали напротив друг друга, пинались и делали выпады руками под всеобщее улюлюканье толпы.

Бои в клетках.

Это место определенно не было похоже на UFC-бои или что-то отдаленно напоминающее это. Роль рефери исполняла девушка в черно-белом открытом бикини, ради всего святого. Парень в оранжевых шортах определено имел опыт в смешанных боевых искусствах, он был также достаточно мощным, а другой был просто обдолбанным студентом колледжа, который всего-навсего имел представление, как выглядит внутри спортивный зал. А зеленые шорты, в которые он был одет, даже не подходили ему по размеру и, вероятнее всего, были позаимствованы в баре.

Студент выглядел изрядно побитым.

Победитель начал прыгать по клетке, ударяя руками натяжную сетку и выкрикивая возгласы, обращенные к публике. Я наблюдал за ним с близкого расстояния — за тем, как он двигался, куда смотрели его глаза, и как его ноги двигались по поверхности пола — пока студента выносили его друзья. Затем другой парень вошел в клетку и посмотрел на своих боссов.

— Кто следующий?

Мне пришлось прикусить свою губу, чтобы воздержаться от того, чтобы вызваться добровольцем.

Не было никакого гребаного шанса, что Рейн одобрила бы что-то из этого дерьма. Ей бы совершенно это не понравилось. Ей бы не понравилась, что я опять начал драться, драться с другими людьми. Абсолютно точно, что она устроит мне скандал за то, что я ходил в

гребаный бар, и она, скорее всего, окажется права, но знание того, как отреагирует Рейн, не заставило бы меня остановиться.

Я обязательно буду участвовать — в этом нет сомнений. А сейчас просто хотел понаблюдать за тем, как дрался этот парень, чтобы полностью его изучить.

Мой интерес усилился. По крайней мере, в данный момент я собирался смотреть.

Диктор назвал парня в оранжевых шортах Безжалостным Брутом, что, как мне казалось, прозвучало довольно смешно, но ему, в принципе, очень даже подходило. Он не терял времени даром, когда второй парень вошел к нему в клетку. Вошедший был немного постарше, чем тот студент, который сидел за баром и распускал сопли по поводу своего ушибленного, кровоточащего и, ко всему прочему, сломанного носа. Новый соперник был больше него и таким же мускулистым, как и я, но, плюс к этому, у него был большой живот и очень мало волос.

Безжалостный Брут совершенно не был впечатлен Мускулистым парнем. Он с легкостью избегал никчемных попыток заставить его врасплох боковым хуком. Несмотря на то, что Мускулистый парень был таким же большим, как и я, у него не было совершенно никакого опыта в боях, что и стало причиной его быстрого проигрыша. Быстрый бой все же дал мне возможность понаблюдать за боевой техникой Безжалостного Брута.

Он слишком часто пользовался ударом справа, за счет чего временно терял свою координацию. Он также придерживался очень простых шаблонных ударов, которые практически не требовали никакого воображения. Серия ударов была проще некуда. Правой-правой-левой, правой-правой-левой. Он был до ужаса предсказуемым, что делало его уязвимым.

— Ну что, есть у нас отчаянные парни в зале, кто еще хочет встретиться в клетке с Безжалостным Брутом?

Диктор, который говорил в стиле хип-хоп исполнителя, прошелся по рингу и обвел пальцем аудиторию.

— Сто баксов смельчаку, который продержится против Безжалостного Брута три раунда, и пять сотен тому, кто сможет его вырубить!

Мне было совершенно плевать на деньги, но я хотел боя, поэтому направился к рингу и встретился взглядом с диктором.

— Похоже, все-таки у нас будет зрелищный бой, за который вы не сможете не выложить свои денежки! — прокричал он, и толпа начала громко орать.

Один из вышибал провел меня в маленькую комнатку, которая задумывалась, как раздевалка, но была похожа на большой платяной шкаф. Запах, который там стоял, вызывал у меня желание блевануть, но я просто прошел внутрь, начав дышать ртом. Вышибала показал на полку, где лежала пара шорт, я взял себе голубые. Он вежливо отошел к двери и повернулся ко мне спиной. Я стянул свою футболку, скинул джинсы и натянул эти шорты.

— Ты готов? — спросил он.

— Почти, — ответил я. Размял свои плечи, потянул мышцы на руках и груди, а затем кивнул ему.

Вышибала подвел меня к краю октагона (прим. ред. — восьмиугольный ринг для единоборств) и открыл сетчатую дверь. Когда я вошел туда, диктор устремился ко мне.

— Сколько ты? — проговорил нетерпеливо он. — Шесть и три (прим. ред. — 1,92 см)? Шесть и четыре (прим. ред. — 1,95 см)?

— Шесть футов и три дюйма, — пробормотал я.

— Вес?

— Примерно двести двадцать (прим. ред. — около 100 кг).

— Как твое имя?

Я на мгновение замолчал.

— Даниель, — проговорил я уверенно.

— Ясно.

Диктор хрустнул своими суставами на пальцах, когда окинул меня еще одним взглядом.

— Вот мы и снова с вами, уважаемая публика! — выкрикнул он. — Следующим в клетку входит Опасный Даниель!

Я закатил свои глаза. Девушка-рефери в бикини взяла меня за руку и подняла ее вверх, когда диктор объявлял меня.

— Его рост шесть футов и три дюйма, в нем двести двадцать фунтов чистых мускулов. Леди, обратите на него внимание!

Я посмотрел на присутствующих в баре и услышал подбадривающие выкрики, которые исходили от женщин, сидевших за баром. Покалывания теплой волной прошлись вверх по моему позвоночнику, когда абсолютно знакомая мне ситуация помогла сосредоточить внимание на том, что близилось.

Я посмотрел на Бруга, стиснул руки в кулаки и сделал глубокий вдох, когда девушка рефери протолкнула капю между моими зубами.

Это было тем местом, которому я на самом деле принадлежал.

Брут направился ко мне, но сделал это мягко, опираясь на пятки, и терпеливо ждал от меня первого выпада в свою сторону. Я знал, что он начнет движение со своей правой, поэтому вторгся в его пространство, чтобы создать видимость того, что хотел напасть. Легкая ухмылка на его лице дала мне понять то, что он купился на это уловку, даже не начав действовать.

Я резко подался вправо, сделав выпад и ударив своим кулаком по его почкам, затем прошел по касательной рядом с ним. Он на короткий миг задержался на своем месте, но быстро пришел в себя и направился ко мне, его глаза были сужены. Он опять размахнулся, пропустив мой удар, и на мгновение потерял равновесие.

Когда Брут вновь собрался, то отступил и внимательно посмотрел на меня. Он осознал, что без боя я не сдамся, и теперь не собирался действовать поспешно. Пока он раздумывал над тем, какая уловка будет следующей, я кинулся на него, впечатался в его тело словно многотонный грузовик и быстро осыпал его серией ударов в живот и в бок.

Он вернул мне удары, хотя они не были настолько мощными. Его рука обвилась вокруг моей, и он высоко поднял свою руку, прежде чем нанести удар в мой висок.

Этот удар временно дезориентировал меня, и я отступил, но не упал. Но на самом деле это только сильнее меня разозлило. Я подался вперед, врезался в него и опрокинул нас обоих на пол. Мы упали, перевернулись и осыпали друг друга ударами, пока не достигли сетки октагона. Я головой ударился о железную сетку, и Брут воспользовался моментом, чтобы подняться на ноги.

Я незамедлительно последовал его примеру, подскочил на ноги и привел себя в состояние полной боевой готовности. Наблюдал за ним вблизи, как он прыгал из стороны в сторону в своей предсказуемой манере. Я устремился вправо, резко развернулся и обернул свою ногу вокруг его ноги. Затем быстро перестроился, захватил его плечо, прижав его к себе.

И с одной ногой, крепко обернутой вокруг его, я подался телом вперед и повалил Бруга на настил. Быстро переместив руку, я зафиксировал его шею, стиснул ее, а другой рукой

схватил его за голову, ладонью надавив на лицо, и с несокрушимой силой дважды ударил его головой о настил. Затем воспользовался дезориентацией противника и отвел его руку в сторону, а локтем другой руки надавил на его предплечье так сильно, как только мог. Он продолжил извиваться подо мной и пытался высвободить свою руку из моей хватки, тем самым попытавшись столкнуть меня с себя, но его усилия были напрасны.

Я повернул голову в сторону и выплюнул свою каппу.

— Так ты собираешься похлопать по полу рукой, или мне можно действовать дальше и просто нахер убить тебя? — прорычал я (прим. пер. — похлопать по полу рукой во время спаринга или боя значит, что соперник просит о прекращении боя, признавая победу противника).

Я почувствовал, как его кадык напрягся под моим предплечьем, но он не смог сглотнуть, потому что я надавил ему на горло. Брут высвободил свою руку и три раза ударил по настилу.

Я удержал его немного дольше, чем нужно, прежде чем освободить и оставить лежать на полу. Он лежал там и задыхался, когда все в баре начали кричать и радоваться, и в этот момент по моему телу прокатилась волна адреналинового взрыва, которая всегда наступала после жестокого боя.

Я ощущал ликование. С широко распахнутыми глазами и, скорее всего, с дикой улыбкой, я смотрел на толпу и ощущал, как мое сердце колотится в груди. Я мог ощущать кровь — обжигающую и липкую — на своих костяшках. Толпа продолжала кричать, когда девушка-рефери в бикини подняла мою руку вверх, так высоко, как только могла. Она посмотрела на меня удивленным взглядом.

— Отличная работа, — сказала она и подмигнула мне. — Я думаю, Брут это не скоро забудет.

— Ага, ему лучше бы не забывать это вообще, — ответил я, поиграв бровями, — или, в противном случае, я вернусь и напому ему.

Она рассмеялась. Отпустив мое запястье, она скользнула своей ладонью по моему плечу и немного сжала его, перед тем как обернуть свою руку вокруг моей.

— Отлично, народ, — прокричал диктор, когда сделал толпе знак рукой, чтобы они замолчали, — на сегодня это все! Еще больше боев пройдет на следующей неделе, не пропустите их!

Тот же вышибала, который сопровождал меня в раздевалку, теперь склонился над Безжалостным Брутом и выволок его из октагона. Девушка-рефери сопровождала меня, пока мы проходили мимо кричащих боссов. Они все устремились ко мне, хлопали меня по спине и выкрикивали самые разнообразные поздравления, пока мы шли по направлению к раздевалке, чтобы я смог переодеться.

Когда я вышел из раздевалки, то девушка все еще была там, и на ней до сих пор не было надето ничего, кроме бикини. Она была такой улыбчивой, взяла меня за руку и повела прямо по направлению к бару. Затем протянула мне пухлый конверт с наличкой, которую я даже не удосужился пересчитать. Парень, который стоял за баром, крутил в руке пустой пивной бокал, он протянул руку, чтобы дать мне пять, таким образом поздравив.

— Купить тебе выпить? — спросила «рефери». Она прижалась телом к барной стойке, отчего грудь практически вывалилась из лифа бикини, и указала на бармена.

На мгновение, я практически по привычке принял ее предложение.

Но затем разум все-таки взял верх, и я ответил:

— Да нет, я в полном порядке.

Затем покачал головой и обернулся, посмотрев на людей, которые бродили поблизости. Некоторые из них смотрели на меня с блеском в глазах, а остальные шептались со своими друзьями и кивали в мою сторону.

— Точно? — девушка-рефери склонила свою голову к плечу и улыбнулась, посмотрев на меня.

— Да, абсолютно уверен, — я слегка улыбнулся ей.

Мне следовало бы сразу же понять, что она подкатывала ко мне, но я все еще был в возбужденном состоянии после боя и не мог думать связно.

— Я — Энди, — проговорила она, прижавшись ко мне всем своим телом.

— Даниэль, — проговорил я.

— Я это слышала... Опасный Даниэль, — проговорила она со смехом. — Мне кажется, это отлично подходит тебе.

— Иногда да. — Усмехнулся я на ее слова.

Она оттолкнулась от бара и сделала шаг ближе.

— Мне нравятся опасные парни, — проворковала она, положив ладони на мои твердые и напряженные мышцы груди. Ее взгляд проследовал за движением пальцев, когда она скользнула ладонями вверх, исследуя мышцы моей груди и плеч под материалом футболки.

— Это не очень умно, — заметил я. И сделал шаг назад, почувствовав себя немного неуютно в ее компании. Когда мое возбужденное после боя состояние начало рассеиваться, я осознал, что она пыталась соблазнить меня.

Это было очень необычным чувством. Ни одна девушка не подкатывала ко мне и не обращала на меня внимания с тех пор, как я начал встречаться с Рейн и с момента нашего возвращения из «заточения» на острове. Когда я жил на своей шхуне, то обычно всегда сам был инициатором секса с девушками, несмотря на то, что это происходило так давно, но ощущалось знакомо.

И не то, чтобы даже знакомо, это ощущалось правильно.

Подобное всегда происходило после моих боев. Бой, победа, секс. Это естественный порядок. Словно это укоренилось глубоко в подсознании, и мое тело само по себе начинало реагировать на знакомую ситуацию.

Я стал невыносимо твердым. По жесткости мой стояк мог посоперничать с железным ломом.

Ладони Энди устремились от моих плеч вниз, скользнули по рельефному прессу, затем она сделала шаг ко мне и прижалась своим телом к моему, чтобы я мог ощутить, что ее тело излучало настолько мощный жар, что он обволакивал меня словно невесомое одеяло. Она вытянула руки и положила их на мою поясницу, прижавшись своими бедрами и киской, прикрытой клочком материи к моему возбужденному члену. Не было сомнений, что она ощущала, насколько возбужденным я был. Мой член — самый великий мудака из всех мудаков — беззастенчиво прижимался к ее подтянутому животу.

Но через долю секунды меня поглотил ураган панического страха.

О чем я вообще думал? Это не было привычным боем на выживание, и я не был единственным оставшимся в живых парнем. Мне было необходимо вернуться в квартиру к Рейн, которая, скорее всего, не находила себе места от беспокойства и задавалась вопросом, где я мог шататься, а мой член в этот момент встал на какую-то случайную девушку из бара.

Я схватил ее за запястья и опустил руки.

— Прости, — сказал я, пожав плечами, — мне, правда, нужно идти.

— Еще не так поздно, — проговорила бархатным голосом Энди. Она высвободила свои запястья из моих пальцев и посмотрела на меня с блеском в глазах. — Я живу недалеко отсюда.

— Может, как-нибудь в другой раз, — ответил уверенно я. В моем горле образовался ком, и мне пришлось тяжело сглотнуть, чтобы он прошел. Я отступил назад и отпустил ее руки. — Спасибо за предложение.

Затем развернулся и направился прочь отсюда.

Когда подошел обратно к своему байку, я сел на него и попытался вернуть себе немного самообладания. Прикрыл глаза и попытался сделать пару успокаивающих вдохов. Мой желудок сжался, и я чувствовал, как будто меня сейчас стошнит. Я позволил этой девушке трогать меня и совершенно не думал в тот момент о Рейн.

Но ведь я не сделал ничего плохого.

Я то не сделал, но вот мой член очень хотел сделать.

Убрал ногой откидную подножку мотоцикла и завел его, с диким ревом двигатель байка заревел. Было уже практически три часа утра, я гнал по ночным улицам на самой огромной скорости, вниз по трассе, чтобы как можно быстрее вернуться в Майами-Бич.

Мне было необходимо немного времени, чтобы подумать. Но это совершенно не помогло. Возможно, потому что я совершенно не думал о том, что произошло на ужине.

Я был все еще насквозь промокшим от пота, когда поднимался по лестнице. Хотел обвинить во всем ужасную влажность, но прекрасно знал, что она совершенно ни при чем. Даже не представлял, что буду делать, когда войду в квартиру, что я скажу Рейн. И были ли Ник и Линдсей все еще там? Ждала ли меня Рейн все еще злая и готовая к ссоре?

Внезапно на ум пришел образ, как Рейн сидела на кухне, нервно курила мои сигареты и пила виски. Да, да, я знал, что это было просто ужасно смешно, но не мог ничего поделать. Я даже не представляю, что бы делал, если бы Рейн исчезла из дома так надолго. Этот образ не выходил у меня из головы, когда я набрался смелости и вставил ключ в замочную скважину, затем повернул его и дверь легко открылась.

Квартира была пустой. Над плитой горел тусклый свет от лампы, и это все. Вся квартира была погружена в полную тишину.

Она вообще тут?

Я тяжело сглотнул. Моя кожа покрылась мурашками только от одной мысли, что она бросила меня. Я прокрался на носочках в спальню, прибывая в ужасе от того, что мог не обнаружить ее там. В комнате царил полумрак, и дверь была чуть прикрыта. Я легко подтолкнул ее, чтобы она полностью открылась.

Наконец, я мог увидеть ее, лежавшую на кровати, дыхание Рейн было размеренным, ее образ мягко вырисовывался в тусклом свете, что проникал через жалюзи. Облегченный вздох вырвался из легких, и мои плечи расслабились. Она не двигалась, поэтому я как можно тише скинул футболку и стянул свои джинсы, бросив все в корзину для грязного белья.

Тихо забравшись на кровать, я расположил ноги под одеялом. Рейн не шевелилась, когда я придвинулся к ней сзади и обернул руку вокруг ее талии. Я успокоился, протяжно выдохнул и расслабленно прикрыл глаза. Даже не мог представить, что позволил той девушке касаться себя, сама мысль была просто отвратительной. Я не мог представить себя в кровати ни с кем, кроме Рейн, и на мгновение мне показалось, что я был свободен от всего, что произошло ранее.

— Может, расскажешь мне, где же ты был?

Ох, черт.

Я резко отрыл глаза, но не смог ничего рассмотреть во тьме и тусклом свете, что исходил от открытой балконной двери. Мое горло неистово сжалось, и мне потребовалось пару мгновений, чтобы найти в себе силы говорить. Но прежде всего я сильнее сжал материал ее маечки и ближе притянул ее к своей груди, словно испытывал страх, что она могла, словно мираж в жаркой пустыне, рассеяться и исчезнуть в моих руках.

— Просто немного прокатился на байке, — заявил я. Затем пару раз сглотнул и облизнул свои губы.

— Ты катался на байке на протяжении семи часов, Бастиан? — Рейн перевернулась и впилась в меня взглядом своих пронзительных глаз. Даже в тусклом свете я мог видеть, как блестели ее глаза, и насколько красными они были. Рейн плакала, и в этот момент я почувствовал себя полным мудаком. Потому что думал только о себе и своих уязвленных чувствах, пока она сидела и плакала.

Я сильнее сжал ее маечку своими пальцами, будто мог этим избежать всего того, что должно было произойти. Но, по-настоящему, я не боялся никаких разговоров, потому что ничего нового Рейн не узнала бы обо мне, меня пугало лишь одно, что я могу лишиться ее, что она решит уйти от меня. Но так просто я бы не дал ей уйти, не отпустил бы ее, даже если бы пришлось запереть Рейн в квартире.

— Мне просто нужно было... немного развеяться. — Я взглянул на ее обнаженное плечо и прижался своим лбом к ее коже, не в силах больше терпеть отсутствие контакта с ней. Потеря о нее лбом, вдохнул чистый и приятный запах и испытал облегчение, когда она не оттолкнула меня прочь. — Эти люди свели меня с ума.

— Эти люди, как ты говоришь, — фыркнула гневно она, — мои друзья!

Да, я сделал все только хуже, опять открыв свой мерзкий рот.

— Рейн, послушай меня, я не это имел в виду... я имел в виду... ах, черт! — я начал отстраняться от нее, но моя рука запуталась в простыне, и я не смог отодвинуться от нее и остался на прежнем месте. Может, это все, потому что мои пальцы, на самом деле, не желали отпускать ее маечку, может, потому что мой разум не желал отпускать ее, мое сердце не желало быть вдалеке от нее. Я несколько минут боролся с простыней, и, наконец, высвободил руку и сел.

Рейн в это же время села рядом со мной и сердито смотрела на меня.

— Ну, может, тогда постарайся объяснить мне, что именно ты имел в виду? — сказала она напряженным голосом.

На самом деле, я имел в виду именно то, что сказал, но не хотел этого признавать. Не было ни одного шанса, чтобы я смог сказать ей, что ненавижу этих людей, что не мог терпеть их присутствия в нашей квартире, даже если бы они держали свои рты закрытыми, не было ни одного чертового варианта, что я мог вытерпеть их присутствие. Слишком много чувств переполняло меня. Я не мог сказать Рейн, почему ненавижу Ника, не мог. Она уже была на меня зла, поэтому, если бы я сказал ей, то только ухудшил бы все между нами.

— Я просто... не люблю людей.

Рейн напряженно уставилась на меня.

— Почему? — просто спросила она.

Мой разум начал крутиться со скоростью света. Я не знал, как мне ответить на этот вопрос. Никогда не мог охарактеризовать себя как коммуникабельного человека, но я даже

не задумывался по-настоящему над этим вопросом. Просто принял себя таким, каким был, и все.

— Ну, они мне просто не нравятся, и все.

Судя по всему, Рейн не собиралась отставать от меня так просто, она захотела, чтобы я обязательно дал ей более вразумительный ответ.

Я испытывал напряжение, пока пытался подыскать более подходящий ответ на ее вопрос, тот, который бы не заставил меня казаться полной задницей, но не мог придумать ни одного. Пока я пытался собраться с мыслями, чтобы объяснить все ей, дрожь и страх внутри меня затопили все мое существо, возобладав надо мной. Я крепко закрыл свои глаза, открыл рот и позволил всему дерьму, что было внутри меня, вырваться наружу.

— Потому что мне нечего им сказать! — выдал я. Прикрыл свое лицо ладонью и откинулся головой на подушку. Но это не помогло.

— Бастиан, объясни мне, что ты имеешь в виду? — ее голос смягчился, и она опять легла и приподнялась на локте, чтобы смотреть на меня. Немного страха и напряжения исчезло.

— Понимаешь, Рейн, когда люди рядом со мной, они задают вопросы, — я немного приподнялся с подушки и сел. Обернул одну руку вокруг своих ног и положил подбородок на колени. — Мне совершенно нечего им ответить. Нечего им сказать. Я не знаю, поймешь ли ты меня, но это так.

— Ну, может, ты приведешь пример? — попросила Рейн еще более мягким голосом.

— Ну, бл*дь, что я должен такого тебе сказать, чтобы ты поняла? — мой голос стал чуть громче и горло неистово сжалось. Желудок скрутило узлами, словно внутри него бушевал небольшой торнадо. — Ну, о чем я должен, по-твоему, говорить с ними? Как мне удалось быть таким неудачником, и поэтому мои родители отказалась от меня, как меня бросила мать сразу после рождения? А может, мне рассказать о детской колонии? Да, ведь это так забавно. А может сразу перейти к самому важному вопросу: «как я зарабатывал себе на жизнь?». Как по-твоему мне отвечать на эти вопросы? Возможно, как-то так: «а, ну, я убивал людей за деньги, но сейчас на пенсии. Так что не занимаюсь больше этим дерьмом». Так? Что ты от меня хочешь, Рейн?

Лицо Рейн исказилось, и она плотно сжала свои губы. Затем выдохнула через нос, протянула руки и опрокинула меня обратно на подушки.

— Я никогда не думала об этом в таком русле, — признала она. — Теперь вижу, что, если смотреть с этой стороны, то можно обязательно увидеть трудности. Ты прав — на некоторые вещи, которыми обычно интересуются люди, будет сложно ответить.

Вздвогнув, все мое тело расслабилось, и буря, что бушевала внутри меня, вмиг улеглась. Я обернул свои руки вокруг нее и прижал к своей груди с ее молчаливого разрешения.

— Но, Бастиан, — продолжила Рейн, — даже если ты иногда не будешь в состоянии ответить на все сложные и провокационные вопросы, которые будут задавать тебе люди, это не значит, что ты можешь срываться и кидаться на людей, оставив меня оправдываться и стараться обелить тебя. Ты не можешь так делать.

Ну, вообще то, мог я или нет, было относительным вопросом, судя по тому, что я так делал, значит мог, и даже был уверен, что это будет повторяться в будущем, и не раз.

— Ты думаешь, что было бы лучше, если бы я топтался поблизости, чтобы затем в удобный момент просто послать всех нахер?

— Нет, — проговорила Рейн, шумно вздохнув. — Есть много других вариантов, ты же

знаешь. Мне кажется, можно как-нибудь объяснить человеку, что тебе не нравятся или неприятны его вопросы.

Я сделал глубокий вдох, когда гнев внутри меня начал клокотать с новой силой от этой мысли. Конечно, такой вариант был, я даже его обдумывал, но все-таки не поступил таким образом, потому что, если бы я ударил Ника, Рейн бы никогда не простила меня.

— Ну, как мне показалось, что тебе бы не понравилось, если бы я ударил его, — парировал я.

— Ты абсолютно прав, — ответила Рейн. Я ощущал напряжение, что присутствовало в ее голосе.

— Ну, или может мне лучше было бы им сказать, чтобы они вметались из нашего дома, — предложил я, чуть подумав.

— Ну, возможно, для тебя было лучше, — согласилась Рейн, — ну, вот как ты думаешь, что мне говорят и какие задают вопросы, когда ты делаешь что-то подобное?

Я не думал об этом. Когда выбежал из квартиры, все произошло так быстро, что я даже не успел подумать над тем, что произошло. Теперь я определенно задался вопросом, что сказали Ник и Линдсей после моего побега, и что именно Рейн им ответила.

— Я провела большое количество времени в попытках понять тебя, — произнесла она напряженным голосом. — Когда ты делаешь что-то подобное, я не могу просто так оправдать твои действия перед остальными людьми. Это дает больше оснований их словам, чтобы я избавилась от тебя.

Я усилил хватку на ее одежде, когда волна паники обрушилась на меня. Это была еще одна вещь, о которой моя эгоистичная задница не соизволила подумать. Естественно Линдсей нашептывала Рейн, чтобы та избавилась от меня, а Ник, скорее всего, поддакивал ей. Возможно, даже у них был на примете более подходящий вариант для Рейн, и естественно этот парень никого раньше не убивал.

— Ну, и что они тебе сказали? — прорычал я. Она знала Линдсей еще с детства. Рейн, скорее всего, прислушивалась ко всему, что ей говорила Линдсей. Эти размышления запустили мои параноидальные мысли.

— Это не имеет значения, — с нажимом произнесла Рейн. — Я никуда не собираюсь уходить, Бастиан.

Я слегка расслабился, но сама мысль том, что Рейн могла бы начать отношения с кем-то другим, пугала меня до ужаса.

— Но ведь дело в том, что это не заставит их прекратить говорить, что мне следовало бы сделать. Когда ты ведешь себя таким образом, Бастиан, мне становится трудно объяснять, почему я люблю тебя и что нашла в тебе.

Напряжение во мне стало нарастать с новой силой, и я буквально с усилием переборол ужасное желание сказать, что ей и правда не следовало иметь со мной ничего общего. Ее друзья, вероятнее всего, были правы, но у меня было такое ощущение, что я окунусь в омут с головой, если отрою свой рот и скажу ей, что думаю, что я облажался и подвергся искушению сегодня.

— Прости меня, — прошептал я вместо всех объяснений.

Рейн подняла руку и скользнула пальцами в мои волосы, прижав мою голову к своему плечу. Я закрыл свои глаза и попытался понять все то дерьмо, что происходило у меня в голове, но как обычно я ни хрена не мог понять. Мои мозги и сознание не работало правильно, вот в чем и была проблема.

— Я знаю, что со мной что-то не так, — произнес я твердо. — Не могу этого отрицать.

— Бастиан....

— Дай мне закончить, — сказал я быстро. Если я не скажу и не попытаюсь все сейчас ей объяснить, то больше никогда не смогу. — Это не о том, что я не стою тебя или что-то там еще, короче, это никак не относится к этому. Со мной что-то не так, и не говори мне, что ты этого не знаешь. — Она замолчала, но не стала перебивать меня. — Я не знаю, как мне держать под контролем... эти желания. Внутри меня живет потребность накинуться на кого бы то ни было. Это желание засело так глубоко во мне, что я даже не могу объяснить этого, просто знаю, что оно там. Сколько я могу себя помнить, это всегда было во мне.

— Иногда ты держишься очень хорошо, — мягко прибавила Рейн к моим словам, — например, когда рядом Джон Пол.

— Это совершенно другое. Он не задает мне такие вопросы.

— Так ты себя чувствуешь комфортно в его компании?

— Да, думаю так. Больше количество времени.

— И почему так? — спросила она

Бл*дь, если бы я только знал ответ на этот вопрос, то с радостью бы ответил на него.

— Просто он... он всегда рядом ради меня.

— И что? Ты что, считаешь, что Ник и Линдсей не думают о тебе и твоих чувствах?

— Понимаешь, Рейн, они думают о тебе, не обо мне.

— Это нечестно, — проговорила она. — Они вдвоем стараются наладить общение с тобой. Ты несправедлив.

— Рейн, это все показное, — проговорил я мягко. — Они делают это ради тебя, а не ради меня. Я не могу серьезно воспринимать то, что они мне говорят, когда так себя ведут.

— Откуда ты это знаешь?

— Ну, скажем так, я просто знаю, — фыркнул я. — Всегда понятно, когда девушка имитирует оргазм: если ее киска не сжимается вокруг твоего члена, то она не кончает.

И вот опять, я вернулся к своей излюбленной манере поведения — мудаковатого засранца.

— Тебе ничем не поможет грубое и неприятное поведение, Бастиан, — сердито прорычала Рейн. — Сейчас рядом только я, так почему ты не прекратишь нести это дерьмо?

Рейн почти никогда не ругалась, поэтому, когда она это делала, это, несомненно, привлекало мое внимание. Но мое понимание не смогло изменить поведение. Когда вопросы принимали серьезный оборот, я всегда делал то же самое, что и до этого — убегал. Поэтому быстро вскочил с кровати, чтобы быть подальше от нее, схватил свои сигареты и вышел на балкон.

Рейн последовала за мной.

— Ты не можешь просто уйти посреди нашего разговора, — заявила она мне вслед.

— Мне насрать на это, — ответил я грубо, — я уже делал это раньше.

Я прекрасно знал, что вел себя, как невыносимый мудака, но также понимал, что если сейчас продолжу говорить и признаюсь, что мне бы пришлось по вкусу скинуть Ника с балкона, и при этом я бы не испытал угрызений совести, это усложнило бы и без того напряженную ситуацию между нами. Я хотел сделать или сказать что-нибудь, чтобы все опять встало на свои места, но как обычно, не знал, что нужно сделать.

Я повернулся к ней, и слабый свет, что проникал через приоткрытую балконную дверь, осветил мое лицо, заставив меня посмотреть на нее украдкой. Рейн сузила глаза, а затем

сделала шаг ближе ко мне. Ее пальцы прикоснулись к моей щеке, и хотя я очень старался, но не смог не вздрогнуть, когда она слегка дотронулась до ушиба на моем лице. Ее глаза распахнулись и наполнились неподдельным волнением за меня.

— Что случилось с тобой?

— Пустяки, — уклончиво ответил я.

Она выпрямилась и приблизилась ко мне, чтобы получше рассмотреть. Когда ее рука коснулась той стороны лица, где был ушиб, она склонила голову к плечу и сердито посмотрела на меня.

— Что произошло, Бастиан?

— Небольшая стычка, — произнес я, пытаясь казаться беззаботным. — Правда, ничего такого важного.

— Ты подрался? С кем?

— Просто с каким-то парнем, — пожал я плечами. — Я пошел прокатиться на байке, а когда остановился, чтобы немного передохнуть и прогуляться, случайно столкнулся с ним, он вел себя по-хамски по отношению ко мне. Для него это не обернулось ничем хорошим, ему досталось намного больше, чем мне.

— Это все, что ты мне скажешь?

Я сделал шаг назад в надежде убежать от ее пытливого взгляда, но не смог, меня остановила балконная дверь. Я посмотрел вдаль и увидел, как волны океана то набегали, то отступали на песок пляжа.

— Мне кажется, я должна принять это за положительный ответ, — пробормотала Рейн.

— Пожалуй, — ответил я ей. И вновь посмотрел на нее. — Рейн, я правда в порядке.

— Если ты так говоришь.

— Не злись.

— Ну, уже немного поздно для таких просьб, — вздохнула Рейн. — Я просто даже не знаю, что иногда думать о тебе.

— Я — мудака, — заключил я и выдохнул сигаретный дым. — Ты уже и так знаешь все про меня.

— Обычно ты не такой. — Рейн подняла голову и провела пальцами по волосам, немного взъерошив их. Я старался не обращать никакого внимания, как ее красивые пряди рассыпались по спине и плечам. — Когда ты ведешь себя, как законченный мудака, я понимаю причины твоего поведения, но не в этот раз. Я не знаю, почему ты отказываешься понимать, что Ник пытается стать твоим другом, и совершенно не понимаю, почему реагируешь таким образом — идешь избиваешь какого-то парня.

— Он сам напрашивался на это, — отрезал я твердо.

— Ник напрашивался, чтобы ты его побил или напрашивался парень, которого ты, в конце концов, избил?

Я сам толком не понимал, поэтому решил придерживаться прежней тактики поведения и безразлично пожал плечами.

— Ты испытываешь мое терпение, — произнесла она.

Я посмотрел на нее, поняв, что она все такая же злая, как и была. Совершенно не знал, что мне следовало сделать или возможно сказать — вся эта хрень, которая подразумевала под собой отношения, была для меня тайной, и мне казалось, что я делал сейчас что-то абсолютно неправильное. Я, скорее всего, был самой отвратительной парой для моей нежной Рейн, какая только могла бы быть, что разожгло во мне ужасное желание прижать ее

к себе крепко, что я и сделал.

Шагнул вперед и обернул свои большие руки вокруг хрупкого тела Рейн. Прижал ее к себе и оставил нежный поцелуй у нее на лбу.

— Прости, — проговорил я.

— За что? — спросила она немного недоумевающе.

— За все, что делаю не так, — ответил я. — Я хреновый бойфренд, тебе прекрасно известно об этом.

Она сделала глубокий вдох и выдохнула мне в плечо, когда я прижал ее голову к своей груди. Она руками обняла меня за шею.

— Ты — мой герой, — сказала Рейн. — И всегда им был. Мой спаситель, и, несмотря на твои недостатки, я все еще очень сильно люблю тебя. Просто хотела бы, чтобы ты говорил, что происходит в твоей голове, чтобы хоть немного понимать тебя.

— Рейн... с моей головой не все в порядке, — ответил я ей тихо. — И я совершенно не представляю, можно ли исправить это, малышка. — Я отстранился немного и посмотрел в ее глаза. — Я говорю серьезно, Рейн, — продолжил я. Еще бóльшая волна напряжения захлестнула мое тело, когда я пытался подобрать правильные слова. — Если... если бы твой отец был бы все еще жив, ты что, правда, думаешь, он одобрил меня, как твоего избранника?

Я явственно ощутил, как Рейн напряглась в моих руках. Вспоминать ее отца было не самой умной мыслью, но это было самым лучшим решением создавшейся ситуации. Я был там, где его пытали и убили, и не сделал ничего, чтобы облегчить его участь или же спасти.

Я тогда не знал Рейн и даже не представлял, кем был ее отец, даже не догадывался, что он был полицейским из маленького городка, который просто оказался не в то время и не в том месте. Почему он там находился, я так и не понял, но только когда его обнаружили, босс Лэндона, Джозеф Фрэнкс, не оставил ему и шанса, чтобы выжить. Все, кто рассматривались, как потенциальная угроза Фрэнксу и его преступной организации, незамедлительно обнаруживались, подвергались жестоким пыткам и, в конце концов, были убиты страшной смертью.

Я наблюдал за этим всем, не имея возможности и достаточной смелости вмешаться.

Вновь перевел свой взгляд на Рейн и наблюдал за ее отстраненным выражением лица. Обернул свои руки вокруг ее талии чуть сильнее и прижался губами к ее плечу. Не хотел расстроить ее, вспомнив ее покойного отца, но мне нужно было дать ей понять, насколько я опасный и нехороший человек, пусть даже таким жестоким способом.

— Он бы не хотел, чтобы ты встречалась со мной, — сказал я тихим голосом Рейн.

Рейн провела кончиком языка по своим губам. В это же мгновение мой член откликнулся даже на такое невинное действие.

— Я не знаю этого, — произнесла она невероятно нежно. — Не буду скрывать, что ему бы не понравилось то, чем ты раньше занимался, но мне это также не нравится. Если бы он с тобой познакомился и узнал тебя — по-настоящему узнал — ты бы обязательно поладил с ним.

Я фыркнул через нос от нелепости ее заявления.

— Я действительно это и имею в виду, — с нажимом произнесла Рейн. — Точно не знаю, понравился бы ты ему или нет, стал бы он с тобой проводить выходные, но мне кажется, если бы он увидел тебя со мной, как ты меня оберегаешь и любишь, то обязательно бы тебя понял.

— Ты просто ненормальная, — пробормотал я растерянно, но внутренне мое сердце

затрепетало от ее слов. — Что именно бы он мог увидеть такого, что ему понравилось? Меня, кричащего и срывающегося на тебя без какой-либо причины? Убегающего от тебя, когда на горизонте замаячили серьезные проблемы, или когда я просто зол? Что, ты думаешь, больше пришлось бы ему по вкусу то, что я курю одну сигарету за одной, или же мой спортивный байк?

Я сухо рассмеялся.

Рейн повернулась, чтобы посмотреть на меня. Она пристально впиалась в мои глаза своим взглядом, и я мог наблюдать, что сквозь пелену раздражения, беспокойства за меня и злости, пробивался светлый лучик доброты и нежности. Она подняла руку и провела пальцем от моего локтя до плеча.

— Себастьян, — прошептала Рейн, — когда ты смотришь на меня, я могу чувствовать, как сильно ты меня любишь. Иногда это чувство бывает сокрушительным, словно мощная приливная волна, это чувство может вывернуть меня наизнанку. Я могу ощущать это своей кожей, и от этого создается ощущение, что все трепещет внутри меня. Когда ты так смотришь на меня, я чувствую твою любовь своей душой. Когда ты обнимаешь меня ночью, я могу чувствовать твоё желание, и, мне кажется, на земле нет такой женщины, которая бы чувствовала себя желанней, чем я, когда ты находишься рядом. Пойми, Бастиан, не имеет значения, насколько сильно ты можешь облажаться, как я могу разозлиться на тебя, я все равно люблю тебя. И с этим ничего не поделаешь, не смогут этого изменить и твои глупые действия, любовь — это нечто большее, чем просто слова.

Она прикоснулась кончиками пальцев к моей щеке.

— Я уверена, что мой отец разглядел бы это в тебе.

В этот момент я понял ее. По крайней мере, сейчас я прекратил ругаться с ней.

Глава 4

— Лилиана, — сказал Джон Пол, когда уселся напротив меня на диванчик в кабине. Ему пришлось немного наклонить голову, чтобы увернуться от лампы, висевшей прямо над центром стола.

— И что это, мать твою, значит?

— Ее имя, — произнес он.

— Да чье, мать твою, имя?!

— Крошки, которую я трахал прошлой ночью.

Джон Пол был моим единственным настоящим другом. Мы оба дрались за Лэндона в боях на смерть, и когда так случилось, что мне необходимо было скрываться, он пошел за мной. И теперь, когда меня забросило в Южную Флориду, Джон Пол поселился в Норт-Майами-Бич, что совсем недалеко от нашей квартиры, поэтому мы старались часто встречаться.

Я закатил глаза и потягивал через соломинку холодный чай, пока Джон Пол заказывал холодное пиво и целую грудку начос.

— С каких пор ты ешь эту дрянь?

— Я уже заранее отработал эти калории, — заявил он мне, подмигнув. — Она просто чертовски обалденная. Роскошная Лилиана. У нее большая, упругая задница, которую хочется сжать двумя руками и укусить. Я просто ненавижу всех этих худых сучек, которые тут живут. Мне нужна женщина, у которой будет хоть какое-то мясо на костях, чтобы было за что подержаться.

— Как та, которая была похожа на качка-переростка, с которой ты встречался в Сиэтле?

— Стейси, что ли? — Джон Пол откинулся на спинку стула. — Да, она просто зверь.

— Ага, точно сказал, — ответил я, когда вспомнил чернокожую женщину, которая была сплошным скоплением мышц, но у нее совершенно отсутствовали сиськи. Она не была высокой, но это определенно не относилось к ее самомнению, которое возвышалось буквально до небес. Джон Пол встречался с ней на протяжении пары месяцев, что было рекордом для него. — Эта крошка принимала больше стероидов, чем большинство парней, с которыми мы работали.

— Ой, да ладно, чувак, ты ее не любил, потому что она могла сделать больше отжиманий, чем ты.

— Да, бл*дь, конечно, могла она.

— Не надо, не лукавь, она как-то сделала больше.

— По счастливой случайности, — я презрительно махнул рукой. — У меня просто был выходной, и ты начал все то дерьмо, чтобы поиздеваться надо мной.

Джон Пол рассмеялся и поправил свою черную ковбойскую шляпу, наклонился к столу и посмотрел на меня с более близкого расстояния. Его глаза слегка сузились, а губы сжались в тонкую линию.

— Ты хреново выглядишь, знаешь это, да?

— Ой, пошел на хрен, — ответил я.

— Ну, просто сказал. — Он отклонился назад и начал барабанить своими пальцами по столу. Джон Пол изучал меня в течение минуты, пока официант поставил передо мной большую тарелку с начос, в центре которой стоял соус. — Так что с тобой произошло, чувак?

— Да так, — я пожал плечами. — Немного повздорил с Рейн.

— Проблемы в раю?

Его выбор слов эхом раздался в моих ушах и послал непривычное покалывание, которое распространилось по моей спине. В нашем раю не было никаких проблем.

Ладно, ладно, это было полной херней, но проблемы были не из того числа, с которыми я не смог бы справиться. На острове моя раздражительность постоянно давала о себе знать. Там на Рейн напали гребаные работорговцы, которые в ту же минуту умерли от моей руки, и помимо этого нас доставали ураганы. Я всегда вел себя достаточно капризно, и Рейн пришлось научиться справляться с моим хреновым отношением ко всему, на протяжении всего того времени, что мы застряли на острове, но теперь все стало только хуже. Я все еще пребывал в поганом состоянии, только здесь у меня было пять тысяч дополнительных раздражителей, выводивших меня из себя. Я совершенно не понимал, как вообще Рейн справлялась со мной.

— Я — мудака, — сказал я, пожав плечами.

— Да что ты? Серьезно, что ли?

Джон Пол положил ладонь в центр груди и его губы сложились в форме буквы «о», а потом он начал смеяться.

— Она устала терпеть твоё дерьмо?

— Да хрен его знает, — ответил я. — Может и так.

— Ну и что ты сделал?

Я вновь пожал плечами. Не хотел погружаться в это, но я не мог перестать думать обо всей этой ситуации. Может, будет лучше, если я расскажу ему обо всем.

— Линдсей и Ник приходили к нам на ужин, — наконец выдавил я. — Этот придурок разозлил меня не на шутку. Я вел себя как мудака. Рейн разозлилась, и я сбежал.

— Звучит, как будто ты отлично со всем справился.

— О, ты можешь засунуть свой сарказм себе в задницу.

— Ты собираешься поспорить на этот счет?

Я не собирался, но и не мог оставить его комментарий без ответа. Все еще думал о том, в чем признался Рейн, и, по большому счету, самому себе. Мне не нравилось разговаривать с людьми, потому что нечего было им сказать.

— Причина заключалась не в них, — сказал я. — Я прекрасно знаю, что дело во мне. Просто... ты понимаешь, у меня здесь нет никакой конкретной цели, ну, ты понимаешь?

— Что именно за цель?

— В жизни Рейн, — выдавил я. — Я ей был нужен там, но совершенно не нужен здесь. Я просто... существую рядом с ней без какого-то конкретного занятия.

— Найди работу, — предложил Джон Пол.

— Ага, конечно, — фыркнул я. — Что именно делать? С моим-то резюме? У меня есть степень магистра и нет совершенно никакого стажа работы, который бы я мог указать в своем резюме. Куда мне устраиваться? Парковщиком в «McDonald's»? О, или постой-ка... Там же автоматизированная система парковки. И скорее всего здесь есть кучка хиппи, которая выступает за правильное питание и запрет фастфуда.

— Вышибалой в клуб?

— Ты хочешь, чтобы я снова начал пить? — я посмотрел на него сердито. Но не собирался признаваться ему в своих каждодневных вылазках в бар. Ему не нужно знать это дерьмо.

Джон Пол поднял свои руки в подтверждении. Он на мгновение откинулся на спинку, сделал долгий глоток пива, прежде чем опять начал говорить.

— Рейн влюблена в тебя, — сказал он. — Я не думаю, что она держит тебя только для того, чтобы ты отгонял от нее придурков, которые пристают к ней. По какой-то причине ты нравишься ей. — Он смотрел на меня внимательно в течение некоторого времени. — Ты хочешь вернуться обратно, не так ли?

Я кивнул. Не было смысла подтверждать сказанное им, потому что его слова попали в десятку.

— А она не хочет ничего знать об этом.

Я вновь кивнул.

— Ну, что сказать, ты облажался, чувак.

— Спасибо большое.

Джон Пол просто усмехнулся и почесал темную щетину на своем подбородке. Я взял горстку начос и отправил себе в рот, эффектно завершив наш диалог.

— Слушай, а ты ходишь в тренажерный зал в вашем доме? — проговорил как бы между прочим Джон Пол.

Я опустил взгляд на свой стакан и не ответил ему ни слова.

— Да, мне кажется, ты даже и не задумывался об этом, — усмехнулся он. — Ты стал слабее, придурок. Тащи свою задницу туда, пока я не отделал тебя.

— Мне наплевать. — Я показал ему фак. Хотя прекрасно знал, то он прав, но не собирался признавать это.

— Серьезно, чувак, — напряженно пробормотал он, когда склонился вперед. — Тебе следует подкачаться. Причем занимайся пять дней в неделю, как мы привыкли это делать.

— Зачем? — я поднял на него свой взгляд и посмотрел в его глаза, когда он моргнул.

— Потому что, — он проговорил, когда понизил свой голос и пристально посмотрел мне в глаза, — да, возможно, ты больше не в своем диком раю, но это не значит, что здесь нет дерьма, от которого ее нужно защищать. Они прекрасно знают, где ты живешь, и что Рейн все знает. Сейчас от того, чтобы прийти к тебе и забрать вас, их удерживает только репутация Лэндона. Ты стал слабым, позабыл о своих тренировках и, скорее всего, упускаешь что-то, я просто уверен в этом.

Я почувствовал, как моя грудь сжалась от его слов. Они были так близки к правде, чтобы их можно было игнорировать, и внезапно я ощутил себя совершенным придурком. Потерял не только свой вес, но и все остальное, плюс мозги в придачу. Я был настолько отстранен от всего, что происходило вокруг меня, что даже не заметил парня. Тот парень, с которым я подрался на пляже, был, скорее всего, ни кем иным, как мудаком из преступной группировки Фрэнкса — эти люди были настоящими трусливыми придурками, возможно, они не бойцы на выживание, но настоящие убийцы.

После того, как Джон Пол допил свое пиво, и мы прикончили начос, то разошлись каждый в свою сторону. Я запрыгнул на свой байк и направился по автостраде I-95, которая вела в сторону Майами-Бич. Со словами Джона Пола, что все еще крутились в моей голове, я быстро переоделся и направился в тренажерный зал на тренировку.

Он был прав, я совершенно забросил свои тренировки. Даже не смог поднять привычный для меня вес, мне нужно как можно быстрее разобраться с этим дерьмом. Я закончил свой комплекс упражнений и поднялся наверх к себе в квартиру по лестнице. Даже немного запыхался и поэтому решил, что мою выносливость тоже нужно немного укрепить.

Мне срочно пора было начинать подниматься рано утром и опять бегать. А также необходимо следить за временем и расстоянием, которое я пробежал.

С этого вновь и началось мое увлечение фитнесом.

Я бывал на пляже каждое утро и был доволен тем, как у меня все начало получаться. Начиная достаточно рано, еще до того, как туристы появлялись на пляже и до ухода Рейн на занятия. Мои утренние пробежки на пляже стали очистительными. В том, как мои пятки впечатывались в песок под крики чаек, в суетливой беготне куликов по песку и прохладе утренних волн, что касались моих кроссовок, было нечто успокаивающее. В тот час, когда я начинал пробежку, солнце еще толком не встало над горизонтом, и пляж был абсолютно пуст от людей.

Однажды, в утро выходного дня солнце поднялось над водой, отбрасывая сияющие красноватые и фиолетовые блики, я пробежал половину своего пути и повернул в обратном направлении, на юг. На пляже была пара людей, которые искали раковины, оставшиеся на песке после прилива, пара бегунов и рыбаки. Я обежал удочки, которые торчали из воды, и изменил траекторию бега, поднявшись чуть выше, туда, где на песке отпечатывалась отметка о полном уровне воды во время прилива, и ускорился.

Там был парень, который сидел прямо у края воды, темные Рей Бэны (прим. ред. — солнцезащитные очки; мировой лидер на рынке очков премиум-класса и, несомненно, самый популярный бренд очков в мире) полностью скрывали глаза, но его голова была повернута в мою сторону. Когда я чуть изменил траекторию своего бега и удалился от прибрежных волн, он заговорил со мной.

— Хорошее утро для пробежки.

Я немного сузил глаза. Кто, мать вашу, надевает очки в такую рань? Ведь солнце еще толком не светило. Но опять же, вся модная сторона жизни Майами для меня не имела никакого гребаного значения, поэтому для тех, кого я знал здесь, это было вполне нормально. Но что-то насторожило меня. Я присмотрелся к нему, заметил его мускулистые руки, покрытые татуировками, и крепкую грудь. Он был не одного размера со мной, но абсолютно понятно, что парень проводил много времени в спортзале. Вокруг его шеи виднелась длинная цепочка, на которой висела пара армейских жетонов. На его груди черными чернилами была нанесена татуировка «Бог прощает, а я нет».

— Это Саут-Бич, — бросил я в ответ. — Тут всегда хорошее утро для пробежки.

Он пожал плечами.

— Наверное, — отметил он. — Я не отсюда, и в основном посещаю тренажерку. Слишком прохладно, чтобы бегать.

Он одним пальцем поправил очки, и я смог разглядеть татуировку пули, что была сделана на внутренней стороне запястья. Это был один из тех символов, которые делали «братья по оружию» в армии. На внутренней стороне правой руки были нанесены слова, которые спускались вниз и виднелись с другой ее стороны, но я не смог их разобрать.

Парень рассматривал меня так же, как и я его, может даже чуть заинтересованней. Я напрягся, внезапно ощутив чувство тревоги. Не мог понять, специально ли он нарывался, чтобы развести меня на драку, или же проверял меня каким-то другим способом, но мне это не понравилось — совершенно.

— Кто ты такой? — выплюнул я.

Он ухмыльнулся.

— Ну, — проговорил он неспешно, — я не ошипыватель фазанов.

Я сузил глаза и посмотрел на него вновь. И задумался над его словами, скорее всего, парень был в данный момент под кайфом.

— Ну, и что это означает?

— Это скороговорка, — ответил он. — Ты что, никогда не произносил скороговорки?

Я посмотрел на него серьезным взглядом, и он в ответ рассмеялся.

— Я не ощипыватель фазанов, — проговорил он вновь и затем начал говорить быстрее, — я сын ощипывателя фазанов. И я единственный ощипанный фазан, пока не придут ощипыватели фазанов (прим. пер. — скороговорка).

Он поднялся на ноги, поправил свои солнцезащитные очки и ухмыльнулся еще раз.

— Вся фишка в том, — добавил он и затем указал на меня пальцем, словно в его руке был пистолет, — что ты фазан.

Еще одна хитрая ухмылка была адресована мне, перед тем, как он развернулся и направился прочь. Я стоял у края воды с ощущением страха, что зародился во мне, и просто смотрел, как он уходит. К тому времени, как я взял себя в руки и побежал в попытке отыскать парня и выбить из него объяснения, его уже и след простыл.

Прошла неделя, но больше я его не видел. Мысли о странной встрече стали лишь отдаленным воспоминанием. Мой ежедневный распорядок не изменился. Я все еще продолжал ходить в бар «Crudo» в большинство дней, но больше не испытывал такого ужасного желания что-то себе заказать. Я покидал его, чувствуя себя достаточно сносно, и даже позвонил Джону Полу сказать, что его совет пришелся кстати и помог мне. Рейн выглядела счастливой от того, что что-то смогло занять мое время, ну и я, в свою очередь, чувствовал себя менее нервным и раздражительным.

Я даже познакомился в тренажерном зале с парнем по имени Зак, который совершенно не раздражал меня. Он был большим мощным парнем, как и я, который к слову, пару раз помогал мне на скамье для жима лежа.

— Спасибо, брат, — сказал я ему, когда он помог убрать штангу. — Увидимся завтра.

— Без проблем, — ответил Зак.

Я воспользовался лестницей, которая вела из подвального помещения тренажерного зала на четвертый этаж нашего дома. Задержал дыхание, когда оказался снаружи нашей квартиры и затем направился к двери. Как только я открыл дверь, сразу замер.

Волоски на моем затылке приподнялись, и я задержал дыхание. Мои пальцы непроизвольно напряглись, а тело пришло в состояние полной боевой готовности.

Все было на своих местах. Вещи располагались так, как я их и оставил пару часов назад. Ничего не пропало и не было переставлено с места на место, или же потревожено в какой-то степени. В квартире не наблюдалось никакого чужеродного запаха, а балконная дверь была закрыта на замок изнутри. Все было так, как обычно.

Но кто-то тут определенно побывал.

Я ощутил, как по моей коже поползли мурашки, и не дышал, пока взглядом обводил комнату в поиске... чего-то, но ничего не обнаружил. Я выдохнул и сделал пару шагов. Осторожно прошелся по каждой комнате, но единственным доказательством вторжения было покалывание в моем позвоночнике и болезненное предчувствие, что выработалось у меня за годы, в течение которых я тщательно следил, чтобы чувствовать подступающую опасность.

Может, Джон Пол дразнил меня.

Но я знал, что он не стал бы делать этого. Не только потому, что это не в его стиле, а

потому, что ему было известно, что такие неосмотрительные действия могли его убить быстрее, чем я мог понять, что это он был незваным гостем. И Джон Пол не стал бы проникать в мою квартиру, потому что у него не было причин для этого. Также, ко всему прочему, у него не было соответствующих знаний, когда дело касалось взлома или проникновения в чужое жилище.

Я покачал головой и попытался избавиться от напряжения, которое завладело моим телом, но это не особо сработало. Возможно, я просто был на пределе из-за того, что мне сказал Джон Пол, но мгновенно отменил данную мысль. Если бы это было так, я бы был в числе первых, кто признал, что происходившее сейчас было ни чем иным, как простой паранойей, но это не ощущалось таким образом — не совсем так. Мои пальцы дернулись и слегка сжались, как если бы они держали рюмку с водкой.

Ну, просто охрененно.

Шум открывшейся двери заставил меня вздрогнуть, и только самому Господу известно, что Рейн увидела в моих глазах, когда открыла дверь, но ее улыбка мгновенно сошла с лица, за доли секунды сменилась широко распахнутыми глазами, в которых плескался ужас.

— Что произошло? — спросила она быстро. — Бастиан? Что не так?

Я покачал головой.

— Ничего, — невозмутимо солгал я. — Это просто мое сознание играет со мной, как мне кажется. Ты напугала меня.

Ее глаза сузились и превратились в «не смей скармливать мне дерьмо» взгляд.

Неспособный произнести вслух то, что происходило в моей голове, я развернулся и без единого слова направился в ванную, точнее кинулся туда. Даже закрыл за собой дверь, чтобы отлить, хотя никогда до этого не парился по этому поводу. Долгое время, которое я провел на необитаемом острове, сделало меня невосприимчивым к тому, что кто-то может смотреть на меня, когда я справляю нужду.

Она громко постучала в дверь.

— Я не куплюсь на эти отговорки! — крикнула она из-за двери. — Скажи мне, что произошло!

— Я не слышу тебя, детка! — прокричал я в ответ, смыв за собой и включив кран.

— Быстро открой дверь!

— Это еще зачем?

— Бастиан!

— А? Что? — прокричал я. — Я не слышу тебя из-за воды!

Это продолжалось еще пару минут, пока я оставил воду включенной, а сам начал бриться и чистить зубы. Когда мне показалось, что она окончательно сдалась, я выключил воду, подождал еще минуту-другую и открыл дверь. Я слышал, что Рейн хозяйничала на кухне, поэтому пересек спальню и вышел на балкон, чтобы выкурить сигарету.

Рейн, вероятнее всего, пребывала не в духе, когда я вошел внутрь, но к тому моменту я успокоился достаточно, чтобы опять нацепить на лицо счастливое выражение и быть в состоянии отрицать, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Но был удостоен лишь пары хмурых взглядов и резкого комментария о том, что у нас будет на ужин. Это более чем устраивало меня, потому что означало, что я мог бы позже сказать, что был не в настроении именно потому, что она срывала на мне свое плохое настроение.

Да, у парней тоже имеются в запасе пару трюков со своими играми разума.

Сразу же после ужина Рейн погрузилась в учебу, пока я мыл посуду. Я мог слышать звук

щелчков, издаваемых клавиатурой на ее компьютере, когда убирал чистые столовые приборы в шкаф для посуды, так тихо, как только было возможно. Когда закончил, то постоял пару минут за кухонным островком, наблюдая за ее затылком, пока Рейн работала. Ее плечи выглядели напряженными и угловатыми, она даже не обернулась и не посмотрела на меня, когда я прошел, чтобы сесть на кресло, стоявшее напротив дивана.

Абсолютно точно, что сегодня ночью мне не перепадет ничего, кроме молчаливого игнора, поэтому я решил отделаться малой кровью и направился в кровать пораньше. Рейн же продолжила игнорировать меня. Наконец, она вошла в спальню и переоделась в пижамный комплект, который состоял из голубой маечки и шортов, вместо моей футболки, которую она обычно одевала, затем Рейн забралась в кровать без единого слова.

Я просто не мог ей сказать. Это бы только напугало ее, а я и так испытывал ужасный параноидальный страх за нас обоих.

Даже если она не разговаривала со мной, я все равно протянул руку и обнял ее за талию. Рейн осталась лежать спокойно и отвернулась от меня, но все же не оттолкнула мою руку. Я не смог бы пережить, если бы она сделала это, что прекрасно было ей известно. Ну, по крайней мере, я не разозлил ее настолько, что она отказалась приходить в постель. Это бы просто убило меня.

Несмотря на внутреннее смятение, мой член мгновенно заметил непосредственную близость единственной киски на свете, которая его интересовала, и сразу же увеличился в размере. Мне пришлось немного податься бедрами назад, потому что я был уверен, что Рейн вряд ли хорошо воспримет мой упиравшийся в нее член.

Я устроился головой на краю подушки и посмотрел на нее. Так сильно хотел сказать, что люблю ее, но мое горло будто пересохло, и слова не могли выйти из него. Внезапно налетел шторм, который пришел с востока и оставил крупные капли дождя на балконных дверях. Я прикрыл глаза и, наконец, уснул, но кошмары тот час же беспощадно атаковали меня.

После нескольких бессонных часов я сдался.

С сигаретой в одной руке и зажигалкой в другой я присел на стол и посмотрел сквозь стеклянную балконную дверь на океан. Пламя вспыхнуло и осветило кончик сигареты, а я глубоко, неспешно затянулся, прежде чем выдохнул сигаретный дым в комнату.

Рейн будет зла — даже больше, чем просто зла, когда обнаружит, что я курил в комнате, но на улице лил дождь, а я не собирался мокнуть. Я бы зажег ароматическую свечу или что-то наподобие этого, чтобы перебить запах в комнате, если бы знал наверняка, что она поможет.

Не мог выбросить мысли из своей головы. Кто-то был тут. Я не мог объяснить, почему так думал, и это чертовски пугало меня. Все мои чувства были на пределе, и они посылали волны напряжения к моим мышцам, пока дело не дошло до того, что я еле мог удерживать сигарету в руках.

Я вспомнил бой в клетке, в котором участвовал, и идея сделать это еще раз показалась мне невыносимо заманчивой. У меня не получилось бы объяснить это Рейн. Она бы этого не поняла, и я был уверен на все сто процентов, что не одобрила бы это. Я никогда не скажу, где был и чем занимался, но меня не было приличное количество времени. Я не мог себе позволить исчезать так надолго.

А что, если я отлучусь ненадолго?

Бар, и правда, не был расположен далеко — я потратил больше времени просто

бесцельно катаясь по округе, пока не остановился там. Мог с легкостью добраться туда за пару минут, выбить дерьмо из какого-то придурка и вернуться в пределах часа домой. И Рейн бы никогда не узнала об этом.

Я посмотрел на часы. Было чуть за полночь, а это означало, что бар был все еще открыт и, вероятно, бои все еще продолжались. Я мог добраться туда за пару минут, может даже быстрее.

План созрел в моей голове: я мог бы тихо подняться, написать ей, что скоро вернусь, чтобы Рейн не волновалась, на тот случай, если она проснется, и тихо выскользнуть из квартиры. Я не мог поехать на мотоцикле в бурю, но мог взять «Субару» Рейн и ехать со средней скоростью на протяжении всей дороги, пока благополучно не доберусь до бара, чтобы избить какого-нибудь парня в клетке и спокойно вернуться домой.

Я буду чувствовать себя хорошо, когда сделаю это. Не совсем правильно, но хорошо.

Но Рейн должна была остаться одна. Кто бы ни приходил в квартиру, он может вернуться вновь.

Все мысли о том, чтобы оставить Рейн одну, испарились. С немного приоткрытым окном я курил одну за одной сигареты без перерыва. Буря прошла, и восход начал пробиваться сквозь балконное окно. Я нашел баллончик «Febreze» (прим. пер. — освежитель воздуха) и распылил его по кухне.

Если Рейн и заметила, то не сказала ни слова.

Я был начеку весь следующий день, хотя это не имело никакого значения. С моей паранойей, которая находилась на пике, я решил проследить за Рейн до университета. Прекрасно знал, что она ужасно разозлится, если увидит меня околачивающимся вблизи университета. Если тот, кто побывал в квартире, искал ее, то она была уязвима как никогда, находясь не рядом со мной.

Мысленно я составил список тех, кто мог побывать в нашей квартире. Самый очевидный ответ — это был кто-то из людей Фрэнкса, может даже кто-то, кого послали убить нас двоих. Несмотря на то, что эта идея казалась вполне вероятной, я не думал, что она верная. Джон Пол все еще близко общался с Лэндоном, и уж он бы точно знал, что Фрэнкс решил заказать меня. И, ко всему прочему, Лэндон обязательно предостерег бы меня, я был в этом уверен.

Или не был уверен?

И еще один человек, на которого я мог подумать, был Лэндон, но, как и Джон Пол, это был не его стиль. Если бы он что-то хотел от меня, то пришел бы ко мне и потребовал это.

Тогда, кто?

У меня не было предположений. Когда Рейн вышла за дверь, я не мог стерпеть мысли, что она пойдет на занятия одна, и все закончилось тем, что я последовал за автобусом на мотоцикле. Околачивался недалеко от университета, где проходили занятия, целый день, стараясь держаться незамеченным. Слава Господу, это была среда, и у нее не было никаких вечерних практических занятий.

Она практически заметила меня, когда во время обеда направилась в университетскую столовую, но мне удалось спрятаться за деревом, прежде чем Рейн меня увидела. Это было очень удачно, потому что я был абсолютно уверен, что, если бы она меня заметила, разговор бы не носил мирный характер. После обеда к трем часам она вернулась на остановку и направилась на автобусе домой. Я проскочил мимо, обогнал ее и уже ждал Рейн в квартире.

Мы ужинали, и она рассказывала о том, как прошел день. Я много улыбался, ничего не

сказав. Каждый раз, когда она спрашивала, что произошло, я менял тему разговора. Когда мы направились в кровать, я прижал ее к своему телу, но не смог абстрагироваться от тех мыслей, что засели в моей голове, чтобы даже трахнуть ее.

— Ты собираешься мне сказать, что тревожит тебя?

— Я в порядке, — солгал я. — Возможно, что-то подхватил. Сейчас все, кто находится на весенних каникулах, высыпали на пляж. Или, возможно, я что-то подхватил от туристов.

Она не купилась на такую дерьмовую отмазку, но временно перестала тревожить меня своими вопросами.

В три часа утра я не мог уснуть.

Опять.

Сон, что пробудил меня, пронесся в моих мыслях.

Мы были на пляже, и в двухсот ярдах от нас приземлился вертолет. Живот Рейн был круглым от того, что она носила моего ребенка, и она положила свои ладони на него, когда посмотрела на меня и улыбнулась. Она помахала мне рукой, поднялась и села на переднее сидение вертолета, а затем он стал подниматься вверх и удаляться от меня. Я поднял свою руку и помахал ей в ответ, но Рейн уже и след простыл.

Я задержал дыхание, и Рейн пошевелилась, открыв свои глаза.

— Что не так, Бастиан? — мгновенно проговорила она.

Я позволил своему взгляду скользнуть по ней и пожал одним плечом.

— Ничего, — пробормотал я.

— Плохой сон?

Она слишком хорошо меня знала.

— Ага, кажется.

— Ты собираешься мне рассказать о нем?

Я не желал обсуждать это. Разговаривать об этом было сродни тому, словно переживать это вновь. Я также не хотел, чтобы она знала, как я был напуган нашим возвращением в цивилизованное общество, где нас могли с легкостью обнаружить люди, от которых я скрывался. Прекрасно понимал, что ее терпение на исходе, и так или иначе мне придется все рассказать. И поведать о сне будет менее проблематично, чем о том, что я подозреваю, что кто-то преследовал нас.

Возможно, кто-то поставил себе цель разделаться с нами.

— Мы были на острове, — проговорил я тихо. Образы пляжа и нашей небольшой палатки, которая располагалась под пальмами, заполнили мое сознание, и моя грудь сжалась от болезненного ощущения. — Там был вертолет, и ты села в кабину.

Молчаливая пауза затянулась слишком надолго, и Рейн надавила на меня вновь.

— Но я не пошел с тобой, — наконец, выдавил я.

— Почему нет? — спросила она удивленно, когда придвинулась, чтобы приподняться на локте и посмотреть на меня.

Я пожал плечами.

— Ты не захотела этого.

— Бастиан...

— Это просто гребаный сон, — огрызнулся я. — Ты сама спросила об этом.

Рейн склонила свою голову к плечу, чтобы рассмотреть меня получше в тусклом свете комнаты. Она потянулась ко мне рукой, погладила пальцами мою челюсть и внимательно всмотрелась в мои глаза.

— Там было что-то еще, не так ли? — потребовала она ответа.

Чертовски догадливая.

Я отвел взгляд от нее, глубоко вздохнул и уставился на балконную дверь. Когда я ей не ответил, она толкнула меня в руку.

— Откройся мне.

Я издал пронзительный, излишне драматичный вздох.

— Ты была беременна, — ответил я ей.

На этот раз продолжительное молчание исходило с ее стороны. Она схватила меня за челюсть и принудила посмотреть ей в глаза.

— Я не она, Бастиан.

Джиллиан.

Она была той женщиной, которая обманула меня, чтобы я переспал с ней без презерватива, чтобы она смогла зачать ребенка от меня и уехать воспитывать его с другим парнем. Женщина, которую, как мне казалось, я любил, только использовала меня, чтобы получить то, что было нужно ей, что тот другой парень не мог ей дать.

— Я это знаю, Рейн.

— Не собираюсь тебя бросать, — продолжила она. — Кроме того, я не могу забеременеть от тебя.

Да, в свое время я позаботился, чтобы со мной такого больше не повторилось никогда.

— Вазектомия — (прим. пер. — хирургическая операция, при которой производится перевязка или удаление фрагмента семявыводящих протоков у мужчин. Эта операция приводит к стерильности (неспособности иметь потомство) при сохранении половых функций) не то, что может просто так забыть мужчина.

Я откинулся на подушки, притянул ее к себе и закрыл глаза.

Разговор был окончен. По крайней мере, на данный момент я постарался изо всех сил свести паранойю к минимуму.

На следующий день у меня появилось больше ответов на вопросы, но они определенно не улучшили ситуацию, все стало только хуже.

Я немного изменил свой распорядок дня. Добавил еще утреннюю и вечернюю тренировки в спортзале и все так же продолжал бегать по утрам. Тренировки заполняли огромное количество времени, когда Рейн не было рядом со мной, и это также помогало мне проводить не так много времени в баре «Crudo» после обеда, пока Рейн все еще была на занятиях.

Сидя в небольшом кафе на пляже, я допил свой эспрессо и проверил время на часах. Бар скоро откроется, и я хотел оказаться там раньше, чем набегит толпа. На пляже было слишком много людей, особенно для выходного дня.

Я бросил пару банкнот на столик и стал пробираться между пальмами, чтобы выйти на улицу. Но мне удалось пройти совсем немного, когда кто-то окликнул меня.

— Прошло достаточно много времени с нашей последней встречи.

Неистовая дрожь прокатилась по моему телу, и никакое гребаное количество жары Майами не могло перебить это ощущение, что въелось в мои кости. Прошло действительно много времени с тех пор, как я слышал этот голос, но его было вполне достаточно, чтобы ввести меня в состояние ужаса, плюс ко всему заставляло нервничать то, что недавно произошло в моей квартире.

Это просто не могло быть гребаным совпадением.

— Лэндон. — Я повернулся, когда произнес это имя и обнаружил его позади себя, прислонившегося к стене. И все-таки у меня было преимущество перед ним в пару дюймов, я всегда чувствовал, будто смотрю ему прямо в глаза. Обычно мне всегда приходилось смотреть на других парней сверху вниз, что меня устраивало, но Лэндону нравилось быть исключением.

По многим причинам.

Весь его образ производил невероятно мощное впечатление: светловолосый, с волевой линией челюсти, он определенно обладал всеми качествами, которые были в цене в гитлеровских отчаянных группировках, в которые он бы попал в два счета, если бы ему не было около сорока, и, конечно, был бы другой год. Он не был обладателем широких плеч и массивной грудной клетки, как я, но любой, кто бы ни посмотрел на него, мог уверенно сказать, что он проводит в спортзале больше пары часов в день. Его закаленная военная выправка говорила о принадлежности к силам специального назначения, несмотря на то, что он давным-давно ушел из армии.

Лэндон отделял меня в прошлом, особенно в самом начале, когда я учился у него всему. Он все еще мог с легкостью надрать мне задницу, и мы оба это знали. И, скорее всего, в ближайшее время он должен будет сделать именно это. Джон Пол говорил мне не раз, что таким образом Лэндон показывал, что ему небезразлична моя судьба, и мне приходилось соглашаться с его доводами. Насколько бы не был пугающим, Лэндон ассоциировался в моей жизни с отцом, которого у меня никогда не было.

Рейн ненавидела его. Я с легкостью мог это сказать, потому что ее лицо кривилось каждый раз, словно она наступала в кучу собачьего дерьма, когда я упоминал его. Она считала, что он превратил меня в монстра, но мне было известно лучше, как было на самом

деле.

Лэндон Старк превратил меня в того, кем я являлся, в этом нет ни грамма сомнения, но не в монстра, это точно. Он забрал меня с улицы, где меня поджидала неутешительная судьба быть убитым или попасть в тюрьму. И затем он превратил меня в того, кем я являлся сейчас.

Он сохранил мою гребаную жизнь.

— Как ты, Себастьян?

Я тяжело сглотнул.

— Бывало и хуже, — заключил я. Мое сердце заходило в груди, и у меня было ощущение, что он мог слышать его стук. Мать вашу, он, вероятнее всего, мог видеть, как неистово пульсирует жилка на моей шее, Лэндон всегда подмечал детали.

— Ага, вижу это, — легко заметил Лэндон. — Хм, как я смотрю, ты все еще трезвый.

Только одно его замечание вызвало во мне желание влить в себя бутылку или даже парочку. Ну, слава Богу, что он не поймал меня идущим в бар. Если бы он подождал еще пару минут, то как раз застал бы меня на пути к бару, и в этом случае для него не составило бы проблемы выяснить, куда именно я направлялся.

— Ну да, уже почти год, — я попытался ответить как можно более непринужденно. Затем засунул в рот сигарету и глубоко затянулся, пока пытался сосредоточиться и собрать свое дерьмо вместе. — Эм, а что ты делаешь здесь?

— Проверяю тебя, — ответил он легко.

Лэндон никогда не скрывал своих намерений. После всего, что было, это, по крайней мере, звучало убедительно. Он мог вернуться, чтобы проверить меня, но я в этом сильно сомневался.

Так что же привело его сюда?

На этот вопрос у меня было слишком много вариантов ответа, и мне не нравился ни один из них. Особенно увидеть его здесь после того, как кто-то вломился в мой дом. Я набрался храбрости и задался вопросом, к чему могла привести эта встреча.

— Ну что ж, я чувствую себя просто о*уенно, — жестко ответил я. — Думаю, проверка закончена.

— Хах, как же, в порядке ты. Значит в порядке? — проговорил он. Кивком указав в сторону бара «Crudo», который был расположен на противоположной стороне улицы, когда мы неспешно шли вниз по тротуару. — Зависаешь в баре? Бои в клетке? Себастьян, серьезно? Кажется, твое призвание зовет к тебе.

Так он не следил за мной достаточно долго, чтобы знать, что я хожу в один и тот же бар практически каждый день. Однако мой единственный побег в другую часть города, где я дрался в клетке, был примерно месяц назад, это значит, он находился в Майами на протяжении долгого времени, или же просто приставил ко мне кого-то, кто без устали наблюдал за мной. Джон Пол не упоминал об этом, значит, он ничего не знал. Я не мог понять, стоило ли мне воспринимать это как хороший или плохой знак.

— Ты сам знаешь, что бои в клетке хороши тем, что приносят быстрые деньги, — отметил я, небрежно пожав плечами. Я не собирался поддаваться его натиску так легко. Только не Лэндону. За исключением Рейн, он был еще одним человеком, кто знал меня как свои пять пальцев.

Он насмешливо приподнял бровь, я лишь хладнокровно пожал плечами.

— Ну, и плюс ко всему, это является отличным средством, чтобы избавиться от

накопившегося стресса, — прибавил я. — Да я был там всего один раз.

— Я смотрю, ты вернулся в прежнюю форму, отлично выглядишь.

— Ага, в последнее время много времени провожу в спортзале.

— Это хорошо, — заметил он твердо. — Тебе понадобится вся твоя физическая подготовка.

Я почувствовал, как мое сердце ухнуло вниз.

— Нам необходимо серьезно поговорить, — сказал Лэндон. — Пойдем, не будем терять время.

Я последовал за ним по направлению к Оушен Драйв, мимо парка. Мы остановились в небольшом кафе, которое называлось «Local House». Лэндон хранил молчание, в то время как официант принес свежий хлеб с соусом «Маринара». Он записал наши заказы с привычной улыбкой и принес нам холодный кофе в маленьких стеклянных бутылочках, а затем Лэндон заказал нам обоим лосося.

— Что происходит? — нетерпеливо спросил я, когда официант скрылся в помещении кафе.

— У меня есть новости, которые напрямую касаются тебя, — ответил Лэндон, сразу перейдя к делу. Он потянулся в карман и достал оттуда фотографию, которую положил прямо передо мной.

Я опустил взгляд и увидел, кто изображен на фотографии, поэтому схватил ее со стола и приблизил к своему лицу, чтобы никто из спящих мимо людей не видел, что было на ней изображено.

Это было... тело.

Точнее, два тела — мужчины и женщины.

— Джиллиан, — услышал я свой шепот. Она лежала в позе эмбриона, в правом виске виднелось пулевое отверстие. На расстоянии пары шагов от нее лежал мужчина, с которым она сбежала от меня. Он лежал на полу в той же позе, что и она.

— Миссис Коэ и ее муж, Ян Коэ, были найдены на их итальянской вилле, на прошлой неделе, — сказал Лэндон. — Полиция ведет расследование, но, естественно, они ничего не смогут найти.

Я перевел взгляд с фотографии на лицо Лэндона. Предчувствие говорило мне, что их кровь на его руках. Он убил их, или, по меньшей мере, имел отношение к убийству, но зачем было их убивать?

Мое дыхание замерло. И мое сердце тоже. Все, что я мог, так это просто смотреть на фото — на фото женщины, которую я ненавидел всем своим существом. Женщину, которую я бы убил своими собственными руками, если бы мне представилась такая возможность, но я не видел ее с того момента, как она сбежала от меня с другим парнем. Я пытался остановить ее, но вмешался Лэндон. Он бы убил меня прежде, чем позволил отправиться за ней.

Она мертва.

— Ребенок, естественно, остался за пределами фото.

Я быстро поднял свои глаза и нашел его взгляд. И, мать вашу, это же был мой ребенок. Мой ребенок.

— Ребенок? — это было единственное слово, которое я смог выдать.

— Ага, ребенок. Мальчик шести лет.

Я крепко стиснул глаза. Информации было слишком много для одного раза, мой разум был перегружен. Образы Джиллиан и меня, когда мы еще были вместе, заполнили мое

сознание, словно кадрами из старинного кинопроектора, что снимались на него с помощью вращающейся ручки. Все образы были сплошь черно-белыми и отрывистыми. Больно кольнула вспышка воспоминания бриллиантового кольца, которое я купил в тот день, когда она бросила меня.

Я открыл глаза и пристально посмотрел на Лэндона. Отчаянно хотел вымолвить хоть слово. Желал задать ему тысячи вопросов, но не мог сформулировать даже одного.

Он подался вперед.

— Давай перейдем непосредственно к делу? — сказал он тихо. — Он жив. И будет твоим всего за одно смехотворное одолжение.

— Одолжение? — я едва сумел разобрать свой шепот.

— Один небольшой бой, ты и пятеро остальных. Половина из них никогда не занимались боями на выживание до этого, поэтому это будет для тебя легче легкого, тем более ты, как я могу видеть, снова в форме. Три недели быстрой подготовки, пару дней на севере для боев на выживание, и ты уходишь, при этом получив то, что всегда хотел — семью.

Я посмотрел ему прямо в глаза и подумал над его словами. Отказывать было нельзя, потому что я отчаянно желал семью, но прежде чем успел обдумать его слова, я уже наперед знал, что они будут неправильными. Но он предлагал мне исполнение мечты. Эта семья смогла бы заменить мне ту, которой у меня никогда не было. И, кроме того, это бы помогло мне больше не думать о моем ужасном детстве, если бы я дал этому ребенку то, чего у меня никогда не было.

Я никогда не смогу подарить Рейн ребенка.

Официант принес наши заказы и наполнил наши стаканы водой. Он поинтересовался у меня, не хочу ли чего-нибудь еще, но один взгляд Лэндона в его сторону заставил парня исчезнуть.

— Почему именно этот бой? — спросил я, вырвавшись из своих мыслей. — Почему именно сейчас?

Лэндон вздохнул и откинулся на спинку стула.

— В Чикаго идет война за передел власти, — начал рассказывать он, вонзаясь вилкой в свою рыбу. — Семья Греко и семья Моретти бьются за рынок героина и икры на протяжении уже некоторого времени. А в прошлом году сюда ко всему прочему вмешались русские и усложнили и без того очень напряженные отношения. К тому же, произошло несколько столкновений, и много людей погибло с обеих сторон. А теперь они находятся на стадии раздела территории. А Фрэнкс теряет деньги из-за этой ситуации, ну вот он и нашел выход в этом.

— В боях на смерть, — констатировал я.

— Точно. — Лэндон расположил свои локти на столе и сделал глоток из стаканчика с охлажденным кофе. — Фрэнкс хочет контролировать поставку икры — на данный момент этот бизнес становится все более прибыльным — но в то же время это способ контролировать героин и возможность закончить войну. Гребаные враждующие кланы, семьи рушат бизнес по всему миру.

— Что, если я одержу победу?

— Что это за «что, если»? — его голос отдался эхом. В его голосе была нотка соперничества.

— Когда я одержу победу, — поправил я себя, — что Фрэнксу будет от этого?

— Он получит контроль над всем бизнесом по поставке икры в Сиэтле, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Чикаго, — пояснил Лэндон. — В то же время это положит конец войне между итальянскими семьями, что хорошо для бизнеса в целом, и русские унесут свои задницы прочь из Чикаго, что сделает Фрэнкса главным поставщиком икры за границу.

Когда я получил всю информацию, то происходящее немного прояснилось. Между нами не было такого разговора уже на протяжении многих лет, это ощущалось знакомо.

— А кто с Нью-Йорком и Лос-Анджелесом?

— Грант Чемберс, — ответил он. — Он крупная шишка по продаже оружия в Нью-Йорке. С Лос-Анджелеса будет Мария Хилл, у которой начались огромные проблемы с бизнесом героина с момента начала войны.

— Я не знаю ее, — сказал я. — Но помню Чемберса.

— Она никогда раньше не участвовала в боях на смерть до этого, — говорит Лэндон, — но она очень зла на Греко и Моррети, поэтому примет участие. Большая часть ее бизнеса завязана на отношениях с Латинской Америкой — героин и тому подобное дерьмо. Но, плюс ко всему, она ненавидит русских и хочет, чтобы они убрались.

— Так, трое с Чикаго, один с Лос-Анджелеса, один с Нью-Йорка и я. Всего шесть игроков.

— Ага. Небольшая игра, — произнес Лэндон с кивком. — И только один вызывает беспокойство.

— Кто это?

— Человек Моретти, — хмуро проговорил Лэндон. — Я позволю тебе самому все разузнать про него, и тогда ты мне скажешь свое мнение касательно него. Угроза он или нет.

— Ты, я смотрю, серьезно уверен, что я соглашусь на твое «щедрое» предложение, — произнес я. Но, несмотря на то, что я что-то говорил, уже прекрасно понимал, что если бы был какой-то другой выход, Лэндона бы тут не было.

— Естественно, ты же не дурак.

Был единственный вопрос, который я не мог не задать.

— А что, если я откажусь?

— Ну, кто знает, что может случиться с пареньком? — ответил Лэндон, слегка пожав плечами. — Технически, он является племянником Фрэнкса, поэтому может просто продолжить жить с ним. Но, возможно, Франк не хочет такую обузу. Он может запросто избавиться от него, сдать в детский дом.

Я тяжело сглотнул, и мышцы на моих руках напряглись.

Только не с моим мальчиком. Ни за что на свете, это не могло произойти с моим ребенком.

— Ты просто подумай, потому что я знаю наверняка, что он избавится от тебя и от твоей шлюшки из Огайо. И не посмотрит на ее достоинства, может она и хорошо сосет, но не ему.

Я прекрасно понимал исходящую угрозу. Мне даже не нужно было спрашивать этого. Но услышав сказанное, мой разум закружился со скоростью света. Большею частью меня было абсолютно наплевать, покончит ли Фрэнкс со мной или нет, и Лэндону это прекрасно известно. Но вот угроза в сторону Рейн, это уже совершенно другой разговор. Угрозы в сторону ребенка не должны были меня волновать, потому что я его не знал все это время, но они также волновали меня.

Очень сильно.

Похоже, все-таки я не был таким бессердечным ублюдком, каким хотел казаться.

Официант принес счет, когда Лэндон дал ему понять, что мы не заинтересованы в десерте. Я все равно не мог даже думать о том, чтобы притронуться к своему блюду. Лэндон откинулся на спинку стула, вручив официанту наличные, и перевел свой взгляд на меня.

— Ну? — проговорил он просто.

— Ты так говоришь, будто у меня есть какой-то выбор, — выплюнул я.

— У тебя нет выбора, — подтвердил мои слова Лэндон, — но мне нравится давать тебе иллюзию выбора.

— О, спасибо огромное, — пробормотал я, хрипло зарычав.

— Себастьян, у тебя отличная мотивация для победы, мы это оба понимаем, — ответил он честно. — Ты получаешь ребенка и девочку. Я позабочусь о том, чтобы тебя больше никогда не просили делать ничего подобного. Устрою вас троих где-нибудь далеко, найду прекрасный дом, где вы будете счастливы. У тебя есть возможность получить все, о чем ты так давно мечтал, плюс ко всему больше никаких боев, но ради этого всего тебе придется оказать последнее одолжение. Но я обещаю тебе, что позабочусь о вас троих. И, несмотря ни на что, тебе прекрасно известно, что я всегда защищал тебя, но тебе не нужно говорить это, потому что ты это сам знаешь.

— В первый и последний раз, — повторил я.

Закрыв свои глаза на мгновение, я старался отчаянно придумать способ, как можно было бы избежать всего этого, но мне ничего не приходило в голову. Лэндон прав в который раз, он бы не стал просто так посвящать меня во все детали, также он бы не стал приходить ко мне, если бы был какой-то другой выход. Он никогда бы не стал рисковать моей безопасностью. Именно поэтому Джилл и ее муж убиты, таким образом он позаботился, чтобы на меня больше не было рычагов давления, кроме Рейн и ребенка, если бы угрозы не возымели своего действия.

Возможно, угрозы и не возымели бы своего действия. Зная, что они могут причинить вред Рейн, я бы вместе с ней пустился в бега и защищал бы ее до последнего вздоха. По крайней мере, я бы постарался сделать это, но не тогда, когда мой ребенок находится черт знает где, не тогда, когда над ним нависает угроза быть отправленным в приют. Лэндон отлично знал меня.

— У тебя в распоряжении одна неделя, начиная с этого момента, — подытожил Лэндон, — затем мы все встретимся. Ты, я, Фрэнкс, остальные боссы, встреча с ними пройдет на юге Майами. Я пришлю тебе их имена, чтобы ты мог разузнать о них заранее. Сейчас Джон Пол немного потренирует тебя, но когда все дерьмо со знакомствами и прочей фигней будет закончено, твоей тренировкой займусь я.

— А почему это не может сделать Джон Пол? — спросил я.

— Потому что Фрэнкс хочет видеть тебя, — ответил Лэндон просто.

— Он надеется, что я проиграю?

— Бастиан, ты как гребаный ребенок. Естественно, нет. Он делает ставку на твою победу. Несмотря на то, какую бы ты херню не творил в прошлом, в бою тебе равных нет, никто и никогда не мог тебя одолеть. Он нуждается в тебе, есть такие ситуации, когда вы ненавидите, но одновременно с этим нуждаетесь друг в друге. Ты что, думаешь в противном случае он оставил бы тебя в живых? Бастиан, мне кажется, когда ты выпивал, то был более сообразительным.

Я откинул свою голову назад и уставился в потолок. У меня не было выхода; я это

прекрасно знал. Мой разум не знал, на чем сосредоточиться — на том, что мне предстояло снова драться, или на том, что угрожали Рейн, или на том, что у меня был сын, который находился неизвестно где.

— Где он? — спросил я тихо. — Где мой сын?

— Он все еще в Италии, — ответил Лэндон.

— В безопасности?

— Пока да, все зависит от твоей сговорчивости.

— Имя... Как его зовут?

Лэндон уставился на меня холодным непроницаемым взглядом, но где-то в глубине его глаз ледяной фасад начал покрываться трещинами.

— Александр, — наконец проговорил он. — Как мне кажется, все его называют Алексом.

Алекс. Его имя некоторое время крутилось у меня в сознании. Я сопоставлял даты и пришел к выводу, что он, должно быть, был в первом классе.

— Себастьян, у меня есть еще дела, — проинформировал меня Лэндон, понимаясь на ноги. — Я свяжусь с тобой насчет расписания тренировок.

— А что я скажу Рейн? — проговорил я несмело.

— Мне насрать на то, что ты скажешь Рейн. — Лэндон поднялся и прошел мимо меня, больше не сказав ни слова.

Я пристально наблюдал за тем, как он свернул за угол и направился на другую улицу, прежде чем я сам направился в сторону Саут Поинт Драйв. Мое иллюзорное состояние спокойствия улетучилось мгновенно, когда я ушел прочь от Лэндона и направился вниз по улице — напрямик к входу в бар «Crudo». Чем больше мой разум кружился каруселью мыслей, тем более отчаивавшимся я себя ощущал.

Не было ни одного известного способа скрыться, убежать от этого.

Я собирался снова участвовать в боях — это даже не подлежало обсуждению. Лэндон никогда не говорил призрачными угрозами, и если я откажусь, то Рейн придется заплатить свою цену. И только Господу известно, что случится с Алексом.

Я чувствовал легкое головокружение, когда сел на высокий барный стул, благодарный за то, что у него была спинка. Откинулся на нее, но головокружение переросло в нарастающую тошноту, поэтому я склонился вперед, чтобы прекратить все это. С закрытыми глазами сделал несколько глубоких вдохов, но не смог успокоить дрожь в руках.

У меня был сын.

Святое, мать его, дерьмо, сын.

Затем ко мне подошел бармен. Это был тот же парень, который работал на прошлой неделе в ранние вечерние смены. В баре было практически пусто. Загорелая пара тянула свой martini через трубочки и осматривала окружающую обстановку. В конце бара сидел парень. Вверх по его загорелой руке тянулась татуировка, пара Рей Бэнов была на его затылке. В руках он крутил стакан с содержимым янтарного цвета, то и дело посматривая в мою сторону и иронично ухмыляясь. И если бы мое сознание не было таким затуманенным, то я бы обязательно узнал в нем парня с пляжа, который рассказал мне поговорку про фазана.

Я уставился на свои руки, которые лежали на барной стойке, они подергивались и сотрясались мелкой дрожью.

— Могу я что-то предложить тебе? — спросил услужливый бармен.

Я покачал головой, не смотря ему в глаза. Стиснул своими пальцами край бара и уставился в никуда.

Мое горло было пересохшим. Я сглатывал снова и снова в безуспешной попытке сделать так, чтобы слюна смочила мое горло. Все внутри моего тела рассыпалось, дробилось и заставляло дрожь пронзать каждую мышцу. Я стиснул глаза, но это не помогло рассеяться тому, что творилось в моей голове. Я распахнул глаза и уставился на стеклянную полку, где стояли разнокалиберные бутылки с алкоголем.

Больше не мог совладать со всем, что навалилось на меня.

Парочка, которая сидела недалеко от меня, поднялась на ноги и, взявшись за руки, направилась на выход. Парень в конце бара заказал себе еще одну порцию виски. Когда бармен вновь подошел ко мне, он протер тряпкой поверхность бара и взял чаевые, которые оставила пара. Затем остановился напротив меня и спросил еще раз, не желал ли я чего-нибудь. И тогда я сломался.

— Водки, — услышал я себя будто издалека. — Стопку водки.

— Хорошо, — ответил бармен, определенно удивленный. Я не мог винить его в этом, потому что на протяжении долгих месяцев просто сидел, не заказывая ничего.

Решительным движением руки я указал на верхнюю полку бара.

— Только хорошей, — выдавил я тихо.

— Будет сделано, мужик.

Он поставил передо мной стопку, которую только недавно протер. Я провел пальцем по краю рюмки, прежде чем обернуть вокруг нее свои пальцы.

Еще один бой.

Бой на смерть.

Победа обозначает защитить Рейн и воссоединиться с моим сыном.

У меня был сын.

Бл*дь.

Я сжал маленькую стопку, но эта была чуть больше, чем привычная, и жидкость наполняла ее практически до краев. Я сделал еще один глубокий вдох, но он сорвался с моих губ дрожащим вздохом.

Я проговорил себе: «Эта рюмка меня успокоит».

Но голос Рейн раздался в моей голове посреди всего хаоса: *«Я не могу быть с таким мужчиной, Бастиан»*.

Она не хотела бы, чтобы я так поступал. Тоже мне, чертова новость года. Я уже начал ослаблять свою хватку вокруг стопки, но мне не удалось в полной мере отнять свою руку от нее. Кончики пальцев остались сжимать стопку, словно были приклеены к ней.

Ей необязательно знать об этом... это всего лишь рюмка.

Мой взгляд затуманился. Я больше не мог сделать ни глотка воздуха — мое горло пересохло.

«Ты больше не тот человек, кем был, Бастиан», — прогремел голос Рейн в моей голове.

— Я уже не уверен в этом на все сто процентов, малышка, — прошептал я сам себе. — Возможно, мне придется стать тем, кем я был раньше. Но это ненадолго.

Я вновь сосредоточил свое внимание на стопке, стараясь изо всех сил уничтожить отчаянное желание припасть к ней губами. Но мышцы моей руки автоматически сократились, и я вновь усилил хватку.

Это ощущалось хорошо.

Привычно.

Зажмурившись, я поднес стеклянную стопку ближе к лицу. Отклониться назад и выпить ее, казалось, было самой простой вещью на планете, в то время, как поставить ее на бар было практически невыполнимым действием.

И если я сделаю это, то пути назад уже не будет.

Это же всего одна стопка... и если я ее выпью, это не значит, что я вернусь к своим старым привычкам.

Рейн возненавидит меня за это.

Но мне необходимо успокоиться, или же я просто не смогу вынести всего этого.

Всего одна рюмка.

Я прекратил рассуждать и опрокинул рюмку, влив в себя содержимое, алкоголь в тот же момент опалил мое горло. Я поставил пустую стопку на бар, в то время как пламенная жидкость начала обволакивать мои внутренности.

Все. Дело сделано. Пути назад не было.

— Еще одну, — заказал я, на этот раз более уверенно.

Бармен наполнил стопку вновь.

Последней мыслью в моей голове было: какого хрена я творил...

Выход из бара «Crudo» маячил перед моими глазами, когда я на заплетающихся ногах направился в его сторону. И не мог понять, почему стеклянная дверь выглядела такой нечеткой, но так и было. Я посмотрел на свои часы и понял, что у меня осталось совсем немного времени в запасе, прежде чем Рейн вернется с учебы. Мне нужно было добраться до квартиры.

— Сладкий, кажется тебе нужно немного помощи.

Я перевел взгляд в сторону женоподобного голоса и увидел высокого афро-американца с обесцвеченными волосами. При более близком рассмотрении он оказался не таким и высоким; просто на его ногах были надеты ботинки на смехотворно высокой платформе, которые были прикрыты его длинной, свободного покроя юбкой, под которой был надет купальник, но я не был уверен в этом. Я моргнул еще пару раз и задался вопросом, правда ли под его юбкой был одет женский бикини.

Он махнул своей рукой, практически рассыпав содержимое своей дизайнерской сумочки и подозвав еще одного парня, который был одет во что-то на подобии халата в зеленый цветочек, на его руке красовалась татуировка: «не осуждайте», и в его бровях были выбриты вертикальные полосы. Он осмотрелся по сторонам, прежде чем направиться к парню, широко раскрыв свои объятия.

— О Господи, сладенький! — проворковал второй парень.

Я рассмеялся над тем, что происходило передо мной, что добавило головокружения, но в то же время заставило меня еще больше смеяться.

— Где ты нашел этого сладенького качка, милый?

— Зайка, мне кажется, ему нехорошо.

Я задался вопросом, что именно они имели в виду, но потом осознал, что уже не мог стоять ровно. Мне нужно было вернуться домой, прежде чем туда доберется Рейн, все веселье вмиг покинуло меня.

— Ну, мне кажется, что мы должны немного помочь ему.

— Ты имел в виду, пусть он поможет себе сам!

Они начали о чем-то громко спорить и махать руками в сторону друг друга и даже не заметили, как я сделал шаг назад и развернулся, едва шагая на заплетающихся ногах, и направился в сторону нашего жилого комплекса.

Только пару кварталов...

Я оценил улицу, и теперь мне казалось, что она намного длиннее, чем казалась ранее. Я сосредоточился на том, чтобы потихоньку переставлять одну ногу, затем другую, пока не осознал, что прошел мимо парадного входа в жилой комплекс и стоял напротив кафе-мороженого, что находилось на углу улицы. Мороженое — это слово звучало в данный момент очень хорошо, поэтому я зашел внутрь и попытался сконцентрироваться на множестве разнообразных вкусов, но не мог определить, какое выбрать, плюс к тому вошла еще пара туристов и начала делать свои заказы, полностью завладев вниманием девушки за прилавком.

С неистовым головокружением я заставил себя развернуться и направиться на выход, проложив свой путь к жилому комплексу, затем вставил свою карту пропуска и открыл дверь. Лифт располагался справа от меня, а дверь выхода на лестницу слева. Я направился по привычке влево, преодолел три ступеньки и рухнул вниз, потом используя перила, попытался подняться.

Мне нужно было просто попасть в квартиру.

Я кое-как добрался до второго этажа, отчетливо поняв, что не смогу пройти еще пару лестничных пролетов. Поэтому провернул пару раз ручку двери, прежде она открылась, затем держась за стену, добрался до кнопки лифта. Каким-то образом я увидел, что свет зажегся на втором этаже, и двери лифта разъехались в стороны.

Внутри находились мужчина и женщина, которым было под пятьдесят. Одеты элегантно, скорее всего, они собирались направиться на ужин. Когда я вошел в кабину лифта, они отпрянули от меня, в то время как я пытался найти на панели цифру четыре. Когда я, наконец, нажал ее, то привалился к стене лифта и потупил свой взгляд.

— Сэр, с вами все в порядке? — взволнованно поинтересовался мужчина в костюме.

Я рассмеялся.

— Ага, не считая того, что мне предстоит убить пару человек, — невнятно пробормотал я. — После того, как я сделаю это, со мной будет все в полном порядке.

Глаза женщины распахнулись, когда она схватила мужчину за руку и что-то прошептала ему. Он притянул ее ближе к себе и отступил на шаг назад, вжимаясь в угол.

Двери лифта открылись, и я обнаружил, что стою напротив своей квартиры. Я тяжело привалился к двери и попытался выудить ключ из кармана. Как только он оказался между моими пальцами, я вставил его в замок, но, мать его, повернуть его было еще одной проблемой. Наконец мне удалось сделать это, и я мысленно подбодрил себя, прежде чем пройти внутрь, затем развернулся, чтобы закрыть дверь, но когда я протянул руку, то ударил по ней дверью, но, несмотря на боль и увечья, работа была сделана. Я посмотрел на свою ладонь и начал опять истерически смеяться.

От смеха я попятился назад и упал на задницу.

Решив, что это наилучшее место из всех, я улегся на пол и уставился на то, как вокруг меня кружилась комната. Но в моем разуме пульсировала крошечная назойливая мысль о том, что мне нужно собрать все свое дерьмо в кучу, прежде чем Рейн вернется домой, но эта мысль звучала не достаточно отчетливо, чтобы заглушить звон в ушах.

Бл*дь, как мне не нравилась эта часть, когда напиваешься.

Я точно не знал, как много стопок выпил, но мне казалось, что недостаточно, чтобы привести меня в такое состояние. Мне стало обидно, что старания держаться трезвым на протяжении долгих месяцев пошли прахом.

Скоро должна прийти домой Рейн.

— Чееерт. — Я с усилием приподнялся, оперся на руки, затем на локти, чтобы вновь не завалиться на спину. Затем я, то ли перекатился на бок, то ли упал, но, несмотря на это, собрал всю волю в кулак и постарался подняться. Но я не мог сделать это как не старался, поэтому не торопясь пополз в гостиную, пока не осознал, что у меня не было определенного плана действий.

— Она не может увидеть меня в таком состоянии.

Сделал глубокий вдох и попытался собраться с мыслями, но все, что я мог, это ощущать свое разящее алкогольными парами дыхание.

— Мне срочно нужно почистить зубы!

По крайней мере, на данный момент у меня был план.

Когда я добрался до ванной, зубная паста и щетка, казалось, никак не могли достичь взаимопонимания, то щетка была выше, чем тюбик с зубной пастой, то наоборот. Поэтому дело закончилось тем, что я выдавил фтористую пасту в раковину и просто провел по ней зубной щеткой или, по крайней мере, пытался сделать это. Когда я поднес зубную щетку ко рту, то осознал, что не могу попасть в рот, чтобы почистить зубы.

— Х*й с ним.

Я бросил зубную щетку в раковину и направился нетрезвой походкой на кухню. Открыл пару кухонных шкафов в попытке найти жевательную резинку, но так и не смог сделать этого, оставшись ни с чем.

— Нет, будет намного лучше, если от меня будет пахнуть сигаретным дымом, — сказал я сам себе. Сигареты находились все еще в моем кармане, поэтому мне не понадобилось прикладывать никаких усилий, чтобы отыскать их. Я дошел до балкона, привалился к стене и затем неспешно съехал вниз, приземлившись на задницу. Затем, наконец, прикурил сигарету.

Я курил непрерывно на протяжении пары минут, пока не осознал, что у меня больше не было сил делать это. Естественно, короткий промежуток времени не помог мне протрезветь, и все до сих пор продолжало кружиться.

Прошло немного времени, не так ли? Сколько же на самом деле прошло времени?

Я потряс головой, чтобы попытаться прояснить мысли, но это было огромной ошибкой. Я старался посчитать сигаретные бычки, что лежали между моих ног, но маленькие засранцы оказались еще менее сговорчивыми, чем зубная паста и щетка. Один их вид вызывал у меня тошноту. Я сделал глубокий вдох через нос и выдохнул через рот, сосредоточившись на одном сигаретном окурке. Когда я сосредотачивался на маленьком объекте, это немного помогало мне замедлять силу, с которой вокруг меня вращалась комната.

Я услышал, как открылась дверь.

Моя рука начала немного подрагивать, когда я оттолкнулся от пола, поднялся на ноги и одернул подол своей футболки. Мне просто нужно продержаться достаточно, чтобы сказать Рейн, что я чувствую себя не очень хорошо и хочу пойти прилечь.

Я смогу сделать это. С легкостью смогу притвориться. Я делал это приличное количество раз.

Я развернулся, проверил свое дыхание, подышав себе на ладонь и понюхав, затем открыл балконную дверь и увидел, как Рейн ставила свою сумку с книгами на кофейный столик и повернулась ко мне с лучистой улыбкой на губах.

Но ее улыбка тут же испарилась.

— Бастиан?

Я поспешил вперед, но ударился бедром о кухонный остров и вздрогнул от боли.

— Приии... вет, детка, — проговорил я, а может невнятно прожевал.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Рейн, сузив глаза.

— Да-а-а фсе прсто... отлчно, — промычал я, серьезно кивнув головой. По крайней мере, я изо всех сил надеялся, что выглядел серьезно, а это уже было достижением. Я сделал пару неуверенных шагов в ее сторону.

— Ты что?

Я замер и задумал над тем, что только что сказал. Это же не вызвало подозрений, не так ли? Я попытался вновь прокрутить слова в своем сознании, но, мать вашу, уже забыл, что сказал ей. Блуждающим взглядом мне все-таки удалось отыскать Рейн, она все еще стояла в центре гостиной и смотрела на меня во все глаза. Я улыбнулся глуповатой улыбкой и направился в ее сторону.

Направился было громко сказано. Но, по крайней мере, постарался направиться в ее сторону.

Вместо этого меня неистово качало из стороны в сторону, но я старался изо всех сохранять свое равновесие. Смешок сорвался с моих губ, но когда я взглянул на Рейн, было не похоже, что ей было весело, впрочем как и мне.

— Оу, ну разве это не смешно? — я захихикал. Но на самом деле не хотел хихикать, просто так получилось.

— О, Боже мой, — пробормотала она. — Бастиан, ты пьян.

Бл*дь.

Наш обмен любезностями в баре аэропорта, где я практически чуть не выпил стопку, пронесся у меня в голове. Мы тогда только что вернулись в настоящий мир, у меня отняли наше восхитительное уединение, заменив в его на толпу окружающих нас людей, которые требовали внимания Рейн. И при первой же возможности я нашел место, где могу заказать водки.

— Бастиан... не делай этого.

— Не делать чего? — прогремел я, одержимый приступом истерического смеха. — Не пить? Я гребаный алкоголик, Рейн. Ты узнала об этом еще в первый день нашего знакомства. И ситуация смогла измениться на острове, но лишь потому, что алкоголь был там недоступен. Но я никогда не прекращал хотеть выпить, понимаешь? Ни одного гребаного дня. И тебе прекрасно известно об этом.

— Ты уже не тот человек, Бастиан. И я говорю тебе то, что думаю. Не собираюсь встречаться или жить с таким человеком. Я не смогу быть с тем, кто может вновь поднять на меня руку. Я тебя очень люблю, — проговорила мягко Рейн, все еще держа свою ладонь на моей руке, — но когда ты пьешь, ты становишься кем-то другим. А я не могу быть с тем человеком, Бастиан. И не буду.

Она сделала пару шагов назад, и я понял, что она сейчас уйдет от меня. Мой рот открылся, но я не мог произнести ни слова. Даже не мог сдвинуться с места. Это было похоже на то, как, если бы моя нервная система попыталась в одно мгновение уничтожить

все нейроны, потому что ни один не отвечал на мои мысленные сигналы о движении или действии.

Я просто не мог... не мог допустить, чтобы это произошло. Ради всего святого, Старк, собери все свое дерьмо в кучу.

— Не нужно, — прошептал я голосом, полным отчаяния, когда энергично затряс головой. — Пожалуйста, не нужно.

Даже не смотря на мой затуманенный алкогольной дымкой взгляд, я мог видеть на ее лице выражение растерянности, печали, злости. Ее лицо потускнело, а плечи понуро опустились. Я мог видеть, как жемчужинки слез образовывались в ее глазах, когда она отступала от меня прочь.

— Нет, нет... не смей, Рейн... — я потянулся к ней, но покачнулся и упал на колени. Моя голова пульсировала, и я не мог сфокусировать свой взгляд, но мог видеть перед собой ее размытый образ. Устремившись всем телом к ней, я пополз вперед, нащупав рукой ее бедро.

В то время, как моя грудь неистово сжалась, стискивая словно в тисках мое сердце и легкие, я схватился за нее и притянул ее ближе к себе, пока моя голова не нашла пристанище на ее животе.

— Не покидай меня! — вскрикнул я, моля ее. — Пожалуйста, малышка. Прости... Я не хотел, чтобы все так получилось... пожалуйста, пожалуйста, Господи, Рейн... не покидай меня.

Я схватился за нее, словно она была моим спасательным кругом в бушующем море.

Рейн.

Моя спасительная надежда.

Паруса к моему кораблю.

Единственное успокоение для моей бури.

Причина моего существования в этом *банутом мире.

— Не покидай меня, Рейн! — прорыдал я. Если она меня оттолкнет, отвернется от меня и уйдет прочь, я не смогу выжить. Тогда мне уже будет насрать на бой на выживание. Я не смогу сделать ничего, если ее не будет рядом.

Когда я ощутил, как ее рука движется по моему затылку, то чуть не рухнул на пол. Я не держался за нее крепко, но, судя по всему, мне стоило бы. Слезы обжигали, когда я стиснул глаза, то был уверен, что вся футболка Рейн была пропитана ими. Но мне было насрать. Ничего из этого больше не имело значения, единственная вещь, которая сейчас имела значение — крепко держаться за нее.

— Не уходи, — молил я.

— Я никуда не уйду, — произнесла она тихо. — Я здесь, Бастиан. И никуда не уйду.

— Прости, — заплакал я. Рейн что-то пробормотала себе под нос, но я не мог расслышать ее слов из-за звуков своих рыданий. Ее рука нежно прошлась по моему затылку, когда она опустилась на колени, и я прижался головой к ее плечу.

Мы находились в таком положении долгое количество времени, стояли на коленях и крепко держались друг за друга. Я просунул руки ей под мышки и обхватил ее ладонями за плечи в попытке притянуть Рейн как можно ближе к себе. Даже не смотря на то, что она сказала, что никуда не уйдет, я боялся, что она может изменить свое мнение в любую минуту.

Неистовое головокружение обрушилось на мою голову. Мой нос был заложен, и я не

мог дышать должным образом. Мгновение спустя к этому присоединился и мой желудок.

Бл*дь.

— Меня сейчас стошнит, — пробормотал я сдавленным голосом, отстранившись от нее. Нетвердой походкой направился в ванную, и это произошло как нельзя кстати, потому что в следующую секунду я упал на колени над унитазом и блевал. В желудке ощущалась тяжесть, а руки тряслись. Моя спина согнулась, в то время, как я изо всех сил пытался очистить желудок от всего того дерьма, что влил в себя. Я еле мог держаться на ногах, когда закончил, но Рейн была тут, рядом со мной, с ее ладонью на моем плече, и предлагала мне стакан воды.

Я набрал в рот воды, прополоскал его и сплюнул в туалет, прежде чем потянулся и нажал слив.

— Какого черта произошло с нашей зубной пастой? — пробормотала едва слышно Рейн.

Я поглядел на нее, она подняла с пола мою зубную щетку и вытерла с раковины зубную пасту. Затем выдавила немного зубной пасты на щетку и опустилась на колени рядом со мной.

— Как ты думаешь, рвота прошла? — спросила она.

Я секунду подумал об этом, прежде чем кивнул.

— Тебе нужна помощь с этим? — она протянула щетку, но я покачал головой. — Я буду в комнате, когда ты все закончишь.

Мое сознание немного прояснилось, когда я прислонился к раковине и вытер ладонью губы. Почистил зубы, плеснул водой на лицо и посмотрел на себя в зеркало. Мои голубые глаза были красными и воспаленными. Я был бледным, а мои волосы пребывали в беспорядке. Я попытался унять дрожь в своих пальцах, но перед этим убрал все в сторону, когда направился в спальню.

Взглянул на Рейн, она сидела на краю кровати. Рейн даже заблаговременно откинула простыни на моей стороне, поэтому я забрался на кровать рядом с ней, неуверенно потянувшись в ее сторону. И испытал состояние облегчения и легкого удивления, когда она заключила меня в объятия и притянула ближе к себе.

— Что произошло Бастиан?

— Я заказал выпить, — пробормотал я едва слышно.

— Где?

— В баре «Crudo».

— В том баре, что находится перекрестком ниже.

— Да, — проговорил я. — Я ходил туда каждый день.

— Что ты? Ходил туда каждый день?

Я кивнул.

— И... что? — ее голос надломился. — Ты обычно трезвел к тому моменту, как я возвращалась домой?

— Нет! — я взглянул на нее умоляюще. — Я никогда до этого... Клянусь тебе. Я бывал там каждый день, но никогда ничего себе не заказывал. Это произошло впервые. Рейн, прошу тебя, поверь мне, это произошло только единожды. Я не предполагал... это просто... это просто произошло.

Губы Рейн сжались в тонкую линию, и она уставилась на меня.

— Я даже не знаю, верить тебе или нет, — проговорила она.

— Клянусь, — жалобно повторил я. — Я никогда не пил там или же в том другом месте.

— Каком это другом месте?

О, бл*дь.

Я действительно не мог справиться с этим. И был достаточно трезв, чтобы понимать, что сейчас облажался еще сильнее, чем до этого.

— Был один бар, в который я заходил, — признался я. — В тот вечер, когда я разозлился, а ты осталась с Ником и Линдсей.

— Ах, это поэтому тебя не было так долго, — догадалась она.

— Ага, именно, — признался я, — но я никогда не пил там, даже капельки алкоголя не попало ко мне в рот.

Она неспешно кивнула. Но я не был уверен, поверила ли Рейн мне или нет, но когда она начала поглаживать мой затылок, я решил не заикливаться на этом в эту самую минуту. А прижал свое лицо к ее плечу. Она так приятно пахла, и ее руки ощущались такими теплыми на моей голове. Я почувствовал, как мой член затвердел от непосредственной близости ее тела, и притянул ее немного ближе.

— Мой член все еще так сильно хочет тебя, — проговорил умоляюще я.

— Я сомневаюсь, что ему перепадет что-то, и вообще, вряд ли он в состоянии выполнить такую ответственную миссию, — ответила Рейн резко.

— Он всегда в состоянии на любые подвиги, — запротестовал я. — В любое время, когда он находится рядом с тобой.

— Ага, успела заметить.

Я рассматривал возможность признаться ей о боях в клетке, но решил все же не делать этого. Она вероятно уже и позабыла о том случае, когда я пришел поздно домой, а я не хотел создавать из сложившейся сложной ситуации еще более невыносимую, добавив ко всем моим проступкам дополнительные прегрешения. Я подумал, что лучшим выходом из ситуации было бы просто отвечать согласием на ее слова.

— Все, что когда-либо я хотел — ты, — заявил я. — Даже когда другая девушка трогала меня, я думал только о тебе и о том, как вернусь к тебе домой.

Рейн напряглась.

— Какая еще девушка? — ошеломленно спросила Рейн. Голос был жестким и невыразительным. Ее рука легла на мою щеку, и она повернула голову к своему лицу. Глаза Рейн потемнели, и вот тогда-то я понял, что за глупость только что сморозил.

Вот, бл*дь.

Дело дрянь.

— Какая девушка? — потребовала она.

— Из другого бара, — прошептал я.

— Какого другого бара, Бастиан?

— Э... — я запнулся. — Ну там, в Хайалии (прим. пер. — город, штат Флорида, США)

Рейн продолжала смотреть на меня.

— Я не трогал ее, — сказал я. — Она трогала и приставала ко мне, но я ушел.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь, что она трогала тебя?

Новый ураган паники зарождался во мне, когда я старался подумать, как же мне рассказать ей все и не вызвать ее гнева. Думая о предстоящей возможной ссоре, я осознал одну важную вещь, что она до сих пор не знает ничего о моем разговоре с Лэндоном и о том, что я намеревался делать. Я находился все еще под действием алкоголя, но осознавал, что если открою рот, все это дерьмо польется из меня.

— Бастиан, объясни мне внятно, о чем ты говоришь!

— Просто не могу, — проговорил я. — Только не сейчас... пожалуйста? Я скажу тебе, обязательно, но можно не прямо сейчас.

— Я вообще не понимаю, о чем ты говоришь! — она начала отталкивать меня, но я намертво вцепился в нее.

— Есть кое-что, что мне предстоит сделать ради тебя... ради него, — я невнятно лепетал, даже толком не понимая, какого хрена говорил. — Мне придется сделать это, Рейн. Я не хочу, но должен.

— Ничего не понимаю! — настаивала Рейн.

Я прекрасно понимал, что не мог объяснить более понятно; просто не было больше ничего, что бы я мог сказать ей. Слишком боялся признаться ей в том, что мне вновь предстоит участие в боях, и в данный момент каждое слово, что вырывалось из моего рта, было просто чертовым кошмаром. Все, что я мог сказать и сказал бы, с легкостью могло быть использовано против меня.

Я вернулся к единственной фразе, которая не могла вызвать еще бóльшие проблемы, чем есть.

— Извини меня, мне так жаль... — продолжал я бормотать ей в шею снова и снова.

— Почему, Бастиан? — спросила она. — Почему ты сделал это именно сейчас? Если ты посещал то место практически каждый день, почему ты выпил именно сегодня?

Я стиснул крепко свои глаза, обнял ее со всей силой и сделал глубокий вдох.

— У меня есть сын, — прошептал я.

Признание было сделано. По крайней мере, на данный момент мы остановимся на этом.

В какой-то момент посреди ночи я проснулся и поплелся в ванную. Я был все еще немного пьян, и мне показалось, что меня может стошнить еще раз. Поэтому присел на корточки и наклонился над унитазом, пристально смотря на воду в нем.

Я первоклассно про*бал все. У меня не было ни одной идеи, что Рейн собиралась делать утром, но я прекрасно осознавал, что мне будет не до смеха. Она сказала, что не уйдет, но кто знал, может это значило, что она не уйдет сегодня? Или же Рейн подразумевала, что не уйдет вообще? Был ли у меня шанс на ее прощение, когда до этого она предупреждала меня, что не будет терпеть, если я опять начну пить.

Я должен был убедить ее, что произошедшее больше не повторится.

Ведь не повторится же, не так ли?

Как бы это не было отстойно, я хотел выпить еще. Это был единственный механизм преодоления трудностей, который мне известен. Когда дерьма было слишком много, и я не мог со всем справиться, выпивка являлась идеальным вариантом решения проблем. А понимание, что мой сын находился где-то в полном одиночестве, определенно относилось к категории дерьма, с которым я не мог справиться.

Мы с Рейн знали, что у меня был ребенок, который находился где-то далеко, но услышав своими ушами, что это был мой сын, который потерял родных, как и я, сделало всю ситуацию намного сложнее. Когда я сказал Рейн о нем прошлым вечером, она согласилась подождать до утра, прежде чем снова вернуться к этому разговору. Она понимала, что я был не в форме для нормальной беседы и вскоре после этого отключился.

Я еле-еле поднял свою задницу с пола ванной и потащился прямиком на балкон. Снаружи все еще было темно и прохладно, и единственный звук в ночной прохладе был звуком разбивающихся волн прибоя. Я подкурил сигарету и выкурил до половины, прежде чем отправить окурок в металлическую пепельницу. Также собрал остальные, которые разбросал ранее, и попытался вытереть пепел с пола тыльной стороной ладони.

Если я собирался вернуться к серьезным тренировкам вновь, то мне определенно нужно было завязывать с курением. По крайней мере, это Рейн уж точно одобрила бы. Это было единственной вещью, в которой Рейн и Лэндон бы искренне сошлись.

Вероятно, только в этом.

Я также до сих пор не знал, кто пробрался в нашу квартиру, и, судя по всему, мне придется сказать ей и об этом тоже. Теперь, когда я все обсудил с Лэндоном, количество вероятных подозреваемых увеличились до пяти — пять представителей преступных кланов, против которых я буду бороться в бою на выживание. Любой из этих пяти мог прийти, чтобы разузнать что-то обо мне. Их боссы, вероятнее всего, не разрешали им убить меня до начала турнира, потому как существовали правила, которые не дали бы этому произойти, но у них не возникло бы проблемы с устранением Рейн в надежде на то, что это смешает карты и помешает моему участию.

И это вероятно работало бы.

Существовала и дополнительная проблема, которая заключалась в том, что мне предстояло делать после завершения турнира. Что помешало бы Франку или Лэндону вновь принудить меня к участию? Они всегда могли возобновить угрозы в сторону Рейн или моего сына, тем самым держать меня на мушке, и тут было мало вариантов, которые я мог бы

использовать, чтобы остановить их. Мне даже не удалось засадить Фрэнкса за решетку за убийство шестнадцати человек, включая отца Рейн. Не было и речи о том, что я мог пойти к копам с информацией о предстоящих боях насмерть без того, чтобы не угодить за решетку самому до конца своей жизни, поэтому это был абсолютно точно не выход. Я научился на горьком опыте, что тот, кто доносит на преступную организацию, совершает глупый поступок.

Я бы не смог справиться с этим дерьмом. Только если все бы сложилось так, как выгодно мне, и я бы вышел из предстоящего боя победителем, по-другому с этим не разобраться. Но, даже несмотря на это, Фрэнкс и его преступная организация могли заставить меня участвовать в этом еще раз. Мне придется сделать это. Придется бороться за мою семью.

Мою семью.

Но я понимал, что Рейн не стала бы мириться с этим. Полагаю, что она простила мой последний поступок, но это совершенно не значило, что она собиралась помогать мне воспитывать ребенка, который не был ее, а я не мог бы подарить ей нашего ребенка. Возможно, она даже не хотела детей.

Нет, это неправда. Я видел это в ее взгляде до того, как она узнала о моей вазектомии. Это был отличный способ занятия сексом без презерватива, но сейчас, когда мы были вместе, я бы предпочел, чтобы у меня не было этой штуки.

Полагаю, что Рейн не изменила своего мнения и устроит мне разнос, как только проснется.

Мне нужно было сосредоточиться на одной проблеме за раз. Я должен был убедиться, что она не скажет мне проваливать после своего пробуждения. Несмотря на мое решение прекратить курить, я курил одну за другой на протяжении всей ночи и старался придумать, как можно извиниться перед ней.

Утром первым делом я начал готовить ей завтрак.

Моя голова пульсировала от чудовищной боли, несмотря на четыре больших стакана воды, которые я выпил, чтобы запить обезболивающее средство, потому как обычные средства от похмелья мне уже не помогали. Меня тошнило от запаха еды. Я чувствовал слабость во всем теле и не мог мечтать ни о чем, кроме как завалиться на диван с пультом и включить фильм, который я видел тысячи раз до этого. Чувствовал себя дерьмово.

И полностью заслужил это.

— Ты рано поднялся.

Я ненадолго замер, прежде чем обернулся и посмотрел через плечо на Рейн, одетую в халат и наблюдавшую за мной. Мои губы едва тронула улыбка, и я указал жестом на готовящийся бекон.

— Мне показалось, что, по меньшей мере, я должен тебе завтрак.

Она приподняла брови и присела за обеденный стол, когда я налил ей кофе и достал вкусные сливки из холодильника. Она подула на кружку с кофе, прежде чем сделать глоток.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

Я просто пожал плечами.

— Так плохо?

— Бывало и хуже. — И как только эти слова выскользнули из моего рта, я осознал, что они были неправильными.

Осторожно: сегодня нужно говорить как можно меньше.

Вместо того, чтобы говорить пустые слова, я показывал все действиями. Собрал все

фрукты, какие только были у нас в квартире, и сделал для нее небольшую фруктовую нарезку. Даже выжал гребаный апельсиновый сок для нее — несмотря на то, что сила, которую я прикладывал к ручной соковыжималке, только увеличила напряжение в моих мышцах и болезненную пульсацию в голове.

На самом деле все, что я хотел в данный момент — отрубиться, но, когда посмотрел на часы, оставался час до того, как ей нужно было выходить на занятия.

Один час. Я мог продержаться.

Час постепенно прошел. Я убрал оставшийся беспорядок в ванной комнате, чтобы Рейн могла принять душ, но, одевшись, она уселась на диван и впиалась в меня взглядом.

— Ты опоздаешь, — сказал я.

— Не переживай из-за времени, сегодня я не пойду на занятия.

— Не пойдешь? — мое лицо перекосило.

— Нет, — ответила она, уселась поудобнее и откинулась спиной на подушку. — Мне кажется, нам нужно поговорить, ты так не думаешь?

Чтоб меня.

Я отвел взгляд в сторону и потер глаза рукой. Это не имело ничего общего с моей головной болью, но я уповал на то, что это будет смотреться достаточно жалко, чтобы вызвать в ней немного сочувствия.

— Я не уверен, что способен на это.

— А я не оставляю тебе выбора, — парировала Рейн.

Да чтоб меня дважды.

— Бл*дь, мать твою, Рейн, — простонал я.

Ну вот, из моего рта вырвалось пару нецензурных ругательств. Конечно, это обязательно должно помочь. Так держать, Бастиан.

Она продолжила сверлить меня злым взглядом, который был не очень похож на сочувствие.

— Послушай, я просто не могу сделать это. — Я убрал руку от головы и присел на противоположную сторону дивана. — Дерьмово себя чувствую, а все, что говорю, выходит не так, как я хотел бы сказать.

— Ты заслужил чувствовать себя дерьмово, — произнесла она. — Я буду думать об этом, когда ты будешь объяснять мне, что произошло.

Я подался вперед, расположив локти на коленях и спрятав в ладонях лицо. Оставался в таком положении, пока она не начала кашлять, чтобы прочистить горло, и не закинула свои босые ноги на кофейный столик.

Я определенно не смог бы избежать предстоящего разговора, поэтому решил сменить тактику.

— Могу я сначала сходить на пробежку? — спросил я тихо, посмотрев на нее. — Немного проветрить мысли?

Она бросила на меня сердитый взгляд. Мне даже показалось, что я услышал недовольное рычание.

— Это, на самом деле, поможет мне, — продолжил умолять я. Попытался вызвать в ней чувство между жалостью и безысходностью, пока она смотрела на меня. Но, по большому счету, мне просто было нужно немного больше времени, чтобы поразмыслить над тем, что сказать.

— Ладно, — сказала она, скрипя зубами. — Но будь тут через час.

Я поспешно кивнул, наспех оделся и направился на пляж.

Это было поздней пробежкой, и на пляже несколько человек уже прогуливались по песку. Облака были серыми, поэтому у меня была отличная возможность не выделяться; по крайней мере, солнце не усугубляло мою головную боль. Я впечатывал свои кроссовки в песок, это ощущалось как нельзя лучше, но в то же время я с трудом передвигался.

Когда тучи стали сгущаться, небо приобрело более темный оттенок серого. Каждый шаг, который я совершал вдоль пляжа, отдавался в моих ногах и в моем теле, плечах, сохранив стойкую пульсацию в моих висках. Эта пробежка подразумевалась, как очистительная и расслабляющая, но она не была такой. Я хотел, чтобы каждый шаг, который совершал, уносил меня дальше от решения, которое мне следовало принять, но я прекрасно осознавал, что это неотвратимо приближало меня ко всему предстоявшему. Даже несмотря на то, что большой жилой комплекс Майами Бич остался далеко позади меня, я знал, что мне не убежать от того, что предстояло сделать.

Что я собирался сказать Рейн?

Кулики указывали клювами в мою сторону, когда пытались как можно быстрее убраться с моего пути. Я давил подошвой кроссовок ракушки и пытался уворачиваться от медуз, которых выбросило на берег, пока продолжал бежать. Кубинец прогуливался вдоль пляжа с металлоискателем в руках, чуть выше линии прилива, одетый в голубой пиджак, который трепал ветер. Он улыбнулся и пожелал мне доброго утра, но я не обратил на него никакого внимания.

Затем пошел дождь.

За считанные минуты я полностью промок.

Но мне было абсолютно наплевать. Я продолжать бежать, несмотря ни на что, с силой впечатывая ноги в песок, и продолжал избегать весь мусор на своем пути, который вынесли на песок волны. Если бы я продолжил бежать и смотреть в песок, избегая смотреть на здания, которые тянулись неизменной грядой с одной стороны или людей, сновавших вокруг, я мог бы даже почти поверить, что вновь был на острове, невзирая на то, что на моих ногах была надета пара дорогих кроссовок.

Я остановился, стянул кроссовки с носками и бросил их на песок. Возможно, кто-то стащит их, но это не будет больше играть для меня никакой роли. Я продолжал бежать босиком, вниз по линии прилива, прежде чем выбился из сил. Поэтому замедлился, затем перешел на шаг и следом рухнул на задницу, беспомощно уставившись на водную гладь.

Мой ребенок был где-то там, далеко.

Мой сын.

Мой, мать вашу, сын.

Первоначальный шок, который настиг меня, когда я услышал о смерти Джиллиан, наконец, поутих, и все, о чем я мог думать, был он — Алекс. Мой сын. Мой гребаный, мать вашу, шестилетний сын. У Лэндона не было его фотографии, он смог сказать мне только его имя. Я не мог представить, на кого он был похож. Был ли у него мой цвет волос? Ее глаза? Было ли ему известно о моем существовании? Скорее всего, он тосковал по матери и мужчине, который, по меньшей мере, исполнял в его жизни роль отца на протяжении долгого времени, и велика вероятность, что он мог ненавидеть меня за произошедшее. Если он не знал обо мне, ну... Я даже не представлял, как вообще собирался объяснить ему все.

Я также не мог представить, как объяснить Рейн то, как собирался вернуть его.

Она будет вне себя от страха.

При всем при том, что я рассказывал о своем прошлом и о людях в нем, она не смогла бы понять, что у меня не было ни единого гребаного варианта избежать боя. Она бы, вероятнее всего, захотела, чтобы мы пустились в бега, но мне предстояло убедить ее, что нет такого места, где мы могли бы спрятаться от них. И если я убегу, то никогда не смогу найти своего сына.

Вся эта ситуация была настолько бредовой и помогла осознать, что все дерьмо, которое преследовало меня до этого, было лишь гребаным кремовым тортом ко дню рождения по сравнению с нынешним гребаным хаосом. И чертовой кондитерской посыпкой поверх торта был надоедливый голос Лэндона, который продолжал греметь в моей голове:

*«Когда все складывается против тебя, и на горизонте нет никакого чертового выхода, ты просто не можешь потерять ориентир. Настанет время, когда тебе придется найти эту опору внутри себя — ту, которая не знает такого понятия, как «сдаться» — и, бл*дь, намертво приковать себя к ней, ты понимаешь меня? Если ты не сделаешь этого, то проиграешь, мой мальчик».*

Удивительно, но эти слова, в свое время сказанные Лэндоном, успокоили меня. Я глубоко вдохнул и опустил руки на колени.

Мне необходимо было оценить происходящее. Найти опору внутри себя и уцепиться за нее. Когда я найду ее, то буду в состоянии выполнить необходимые задачи, которые помогли бы вытащить нас из этого дерьма.

Необходимо все разложить по полочкам. Первое: я надрался.

Рейн была зла, и мне предстояло объяснить, как это все произошло. У меня был вариант сослаться, что это ужасное дерьмо произошло вследствие той ночи, того, мать его, катастрофического ужина, когда я слетел с катушек и послал всех на х*й, возможно, про который она уже и забыла, но что-то говорило мне, что ее кратковременная память была намного лучше моих хреновых отмазок. Другой вариант был просто пообещать ей, что такого больше не произойдет и многократно извиниться за содеянное.

По крайней мере, я мог отлично справиться с этим. Отчасти я даже гордился разработанным планом, поэтому поднялся на ноги и стряхнул с задницы песчинки, прежде чем направился медленным бегом в обратном направлении.

Предположение, что Рейн не соберет вещи и не укажет мне на дверь на этом этапе, привело меня к следующему пункту — моему сыну. Она знала о нем еще с тех пор, как мы дрейфовали на спасательном плоту. Когда ты находишься в ситуации, из которой, думаешь, нет спасения, нет причины что-то утаивать друг от друга. Я рассказал ей каждую омерзительную деталь моей прошлой жизни, в том числе и про беременность бывшей подружки. Но также быстро забыл об этом, потому что воспоминания причиняли мне нестерпимую боль.

Теперь это все было реально, и отмахнуться от проблемы в данный момент не представлялось возможным. Мне придется разбираться с этим. Был только один единственный способ, который помог бы мне столкнуться с этим всем лицом к лицу, только если Рейн будет рядом. Если она не останется со мной, то нет смысла решать проблему. Если она будет рядом со мной, то и с моим сыном тоже.

И теперь самое главное: мне предстоял еще один бой на смерть.

Как ни странно, бой сам по себе не был моей самой главной проблемой. Да, с одной стороны, я прекрасно осознавал, что это будет невероятно опасно — всегда было таковым — но не страх смерти вызывал у меня смятение. Нет, меня больше всего волновало, что

произойдет после того, как бой будет окончен. Когда я буду возвышаться над последним бездыханным телом, что потребует Фрэнкс дальше в обмен на безопасность Рейн и Алекса?

Все, что угодно, потому что он был бессердечным ублюдком.

У меня были сомнения, что Лэндон верил в то, что сказал мне, но я знал наверняка, что он не даст мне уйти так легко. Я свидетельствовал против него, и моему поступку не было прощения. Фрэнкс использовал это против меня и всегда будет точить зуб на меня. И он определенно захочет большего, когда придет время, ведь ему прекрасно известно, как достичь этого. Был только один способ остановить этот замкнутый круг.

Я должен убить Джозефа Фрэнкса.

Это не будет простой задачей. Такая важная шишка никогда не ходит без своей охраны. Даже если мне удастся каким-то образом сделать это, что маловероятно, был еще один человек, который не позволил бы случившемуся остаться безнаказанным — Лэндон Старк.

Мне придется убить Лэндона.

Мои шаги замедлились от этой мысли. Несмотря на то, что много раз я желал ему смерти, теперь я серьезно размышлял над тем, чтобы убить его своими руками, и это было другим. Несмотря на все, что произошло в прошлом, и все, что происходит сейчас, я не держал на него зла. Прекрасно понимал, что он делает только то, что ему говорят. Это было частью его жизни, и он так же увяз в этом дерьме, как и я.

Возможно, у Фрэнкса было что-то на Лэндона?

Я не знал. Насколько мне было известно, у Лэндона не было семьи, никакой привязанности, которую можно было использовать против него, кроме отчаянной верности преступной организации Фрэнкса и преданности бойцам, которых он тренировал.

Но мне было необходимо вернуться к более насущной проблеме: как это все объяснить Рейн. Она не просто разозлится, ее бросит в дрожь только от одной мысли об этом. Она знала, с какими людьми я общался, так как ее отец был копом, но никогда особо не вдавалась в это. Рейн гордилась тем, насколько хорошим, добропорядочным человеком была. Она ненавидела всем сердцем то, что я делал в прошлом. И не была девушкой, которая бы по какой-либо причине вышла за преступника. Рейн жила со мной только лишь потому, что думала, что я завязал со всем этим дерьмом.

Но все же я был в этом. И есть. И, в каком-то роде, всегда буду.

Если ты был причастен к подобным делам, то из этого не было выхода, кроме как в гроб, или быть выброшенным в находящийся поблизости водоем. Это испугало бы ее до ужаса. А здесь они для верности добавили бы аллигаторов, чтобы те «прибрали беспорядок». Я никогда не обсуждал этого с Рейн, потому что попросту не было нужды. Даже предположить не мог, что мой уход из боев будет предметом, который подвергнется обсуждению и повлечет за собой возвращение.

Чертовски наивный тупица.

Был только один способ заставить ее все понять — честно рассказать ей обо всем. Это, вероятнее всего, напугает ее до смерти, и мне совсем не хочется делать этого, но если Рейн не поймет, что наши жизни зависели от этого, тогда она будет бороться со мной, и я не смогу ничего поделать.

Если я хочу сохранить наши жизни, то мне нужно, чтобы она была рядом со мной. Необходимо, чтобы она знала, что должна быть со мной, даже если ей это будет не по душе, Рейн должна пройти этот путь со мной до конца. Если она будет со мной, я смогу сделать все.

Я стряхнул с волос дождевые капли и опустил взгляд на часы, которые были на моем запястье. У меня было примерно двадцать минут, чтобы вернуться обратно, поэтому придется поторопиться, чтобы не опоздать. Добавить опоздание к списку моих неудач, что вела Рейн, было бы сокрушительным провалом. Я побежал вдоль берега, подхватил свои кроссовки и носки, чтобы успеть вовремя.

В своем разуме я неоднократно прокручивал слова о том, что смогу сделать это. Еще один бой, чтобы суметь вырвать из их лап своего сына — единственного ребенка, который у меня был. Но все это казалось намного легче по сравнению с тем, что мне придется как-то объяснить происходящее Рейн.

Необходимо сосредоточиться на одной проблеме за раз.

Я сделал глубокий вдох и открыл дверь.

Рейн сидела все на том же месте на диване, словно не двигалась с того момента, как я ушел. Она посмотрела на меня, взяла пульт с подлокотника дивана и выключила телевизор.

— Ты готов сейчас? — спросила она.

Она плакала. Я мог слышать это по ее голосу, и это мгновенно смешало все мои карты. Я просто хотел заключить ее свои объятия и сказать, что все будет хорошо, но это было бы самой большой ложью, которую я только мог сказать ей.

— Да, — промямлил я. — Кажется, да.

— Тебе нужно многое объяснить, — сказала Рейн. — С чего хочешь начать?

— Ты собираешься бросить меня? — спросил я с опаской. И тяжело сплотнул, морально подготовив себя к ее ответу. Если она приняла решение и, скорее всего, оставит меня, то в тот же миг все потеряет для меня весь смысл.

— Это зависит от того, что ты скажешь, — ответила Рейн и скрестила руки на груди. — Я очень зла на тебя, Себастьян Старк. И не могу отрицать этого. Я не думаю, что когда-либо в ком-то так разочаровывалась, и, если честно, даже не знаю, что думать о том, что ты нашел сына.

— Ты прекрасно знала, что он у меня был и находился где-то далеко.

— Но ты никогда не знал о нем ничего конкретного, — выпалила она. — Даже не знал, была ли это девочка или мальчик, и ты никогда не говорил о нем вообще. Очевидно, что-то изменилось. Ты виделся с этой женщиной?

Я покачал головой. В каком-то роде, да, я видел ее, но прекрасно понимал, что она не это имела в виду. Образ Джиллиан с простреленной головой всплыл в моем разуме, пока я поспешно не отодвинул эту картину на задний план.

Рейн приподняла бровь и посмотрела на меня вопросительным взглядом, я потупил глаза в пол, прежде чем собрался с силами и опустился на диван. Она повернулась ко мне и подогнула под себя одну ногу. После продолжительного молчания стало ясно, что пришло время начинать разговор.

— Я напился, — начал я спокойно.

— Это было совершенно очевидно.

Я кивнул и продолжил, как и запланировал.

— Прости меня, — произнес я. — Этого не повторится вновь. Я просто... просто все выскользнуло из рук...

— И прямо в бутылку с алкоголем? — Рейн опустила руки и положила локоть на подлокотник дивана. Я лишь пожал плечами в ответ. Она посмотрела на меня в течение длительного времени, прежде чем разочарованно вздохнула. Выражение ее лица

смягчилось. — Просто объясни мне, что произошло? Как ты вообще узнал про своего сына?

Пришло время разобраться с этим.

— Я вчера видел Лэндона, — проговорил я с тяжелым сердцем.

— Здесь? — глаза Рейн распахнулись. — В Майами?

— Ага, — ответил я. — Мне кажется, он тут находился в течение некоторого времени.

— Где ты видел его?

— Мы пошли на обед в один из ресторанчиков на Оушен Драйв, — признался я. — В один из тех, что примыкают к отелю.

— Ты ходил с ним на обед? — задыхнулась Рейн.

Я так и видел, как она представляла в мыслях нас с Лэндоном, потягивающих алкогольные коктейли в пляжном кафе.

— Он не то, чтобы оставил мне выбор.

— Почему ты просто не ушел?

Я напряг руки и стиснул зубы, что совершенно не помогало моей головной боли. К этой части я даже не знал, с какой стороны подступиться, чтобы объяснить. Не был уверен, что смог бы растолковать ей, что означало быть связанным с кем-то таким образом, каким я был связан с ним.

— Я же уже рассказывал тебе о нем ранее, — напомнил ей. — Он не из тех людей, кто даст тебе так просто уйти и избежать разговора, который он запланировал. Он спрашивает — я отвечаю. Вот, как это работает. У него было, что мне сказать, поэтому Лэндон сказал мне это во время обеда.

— И он решил рассказать тебе о сыне? Получается, он знал о нем ранее.

— Именно, — кивнул я. — Просто... ну, обстоятельства изменились.

У меня заняло минуту, чтобы понять, каким образом мне следовало продолжать свой рассказ, и Рейн дала мне эту минуту. Я развернулся с руками, сцепленными вместе на моей ноге. Затем переместил одну руку и сжал пальцы, стиснув ими свое колено в отчаянной попытке поддержать самого себя, затем облизал губы.

— Ты же знаешь про Джиллиан, — начал я издалека. — Тебе известно, что она забеременела и сбежала с другим парнем. Он женился на ней, и они растили моего ребенка в Италии. На прошлой неделе....

Я замолчал. Даже не знал, как сказать это все. Как я собираюсь выложить ей все это? Но если я буду каждый раз прерываться, разговор займет намного больше времени, а мне нужно быстро разобраться с этим и начать подготовку к бою. Я не мог тратить время впустую, блуждая вокруг да около, поэтому просто вывалил это все на Рейн.

— Сейчас они мертвы, и у него больше никого нет.

Рейн прикусила нижнюю губу, и ее лоб сморщился.

— Что случилось с ними?

— Они были застрелены, — ответил я. Затем добавил, прочистив горло. — Точнее, убиты.

Она выпрямила спину, и я мог видеть шок и печаль в ее глазах.

— Они знали тех, кто убил их?

Это было в стиле Рейн — беспокоиться и переживать о людях, которых она совершенно не знала. Даже несмотря на то, что ей было известно о них только плохое, Рейн все равно было жаль, что что-то произошло с ними.

— Без понятия, — проговорил я. — Скорее всего это было связано с делами, которые

вела семья Джиллиан. Она была родственницей Фрэнкса, поэтому выросла во всем этом. Вероятнее всего, она не ожидала, что ее убьют таким образом, но риск всегда идет рука об руку с такими делами.

Рейн пристально посмотрела на меня.

— Ты же знаешь, не так ли? — с нажимом спросила она. — Тебе ведь известно, кто их убил.

Я сделал глубокий вдох и потер глаза. Вероятно, у меня заняло много времени, чтобы ответить.

— Бастиан? — мягко проговорила Рейн, я мог слышать ужас в ее голосе. — Это ты... ты это сделал?

— Что? — я бросил быстрый взгляд на нее. — Бл*дь, нет! Черт, Рейн, когда бы по-твоему я сумел слетать в Италию?

Она скривилась и отвела взгляд в сторону, прежде чем ответить настолько тихо, что я едва расслышал ее.

— Ты мог... нанять кого-то, чтобы сделать это.

— Ну что ж, я не делал этого! — насколько бы я не ненавидел Джиллиан, но никогда бы не сделал ничего такого. Сам факт того, что Рейн думала, что я мог нанять кого-то, чтобы убить мою бывшую, очень разозлил меня. — Ради всего святого, Рейн!

Я покачал головой и раздраженно выдохнул.

— Ну, тогда кто?

— У меня есть некоторые мысли на этот счет, — признался я. — Но это не имеет никакого значения. — Сейчас важно, что они мертвы, а Фрэнкс удерживает моего ребенка для того, чтобы получить от меня кое-что взамен.

— Он хочет от тебя денег? — произнесла озадаченно Рейн. — Я думала, что деньги для него не проблема.

— Ну, ему всегда хочется больше денег, — ответил я, издав невеселый смешок, — но тут все не так просто, он не хочет от меня никаких денег.

Лицо Рейн побледнело.

— Ну, тогда что же он хочет? — проговорила она еле слышно, я едва сумел разобрать сказанное.

Она уже знала ответ.

Я опустил взгляд на ногу, где лежали мои руки. Сначала слова никак не хотели выходить из моего рта, хотя они были здесь, в моей голове, крутились на кончике моего языка. И как только я произнесу их, то уже не смогу забрать их обратно. Когда я вновь взглянул на нее, то увидел, что она подготавливала себя к тому, что должно было прозвучать, поэтому просто выложил все, как есть.

— Он хочет, чтобы я вновь вернулся к боям, — выпалил я. — Хочет, чтобы я участвовал в еще одном бою насмерть.

Ее глаза распахнулись.

— Он хочет... он хочет... он хочет, чтобы ты что? — она забралась с ногами на диван и притянула их к груди. Ее рот все еще был открыт, словно Рейн собиралась сказать что-то еще, но не могла принудить себя произнести ни слова. Но выражение ее лица говорило само за себя. Сказанное мной было совершенно не тем, что она ожидала.

Так, возможно я недооценил масштаб проблемы.

— Рейн, мне придется участвовать в еще одном бою насмерть, — повторил я. — Всего в

одном, и затем он отдаст моего ребенка.

— Ты имеешь в виду... ты имеешь в виду... опять убивать людей?

Ах, черт возьми, дела обстояли гораздо хуже, чем я ожидал. Не сказать, что я ожидал, что она воспримет это хорошо, но Рейн просто вышла из себя от ярости.

— Нет, — прокричала Рейн. Ее глаза вновь распахнулись. — Нет, Бастиан! Ты не можешь начать делать это вновь! Просто не можешь участвовать... в этих боях насмерть снова!

Она поднялась на ноги и приблизилась ко мне. Ее руки были сжаты в кулаки, она свирепо смотрела на меня.

— Ни за что, Бастиан! — пронзительно повторила она. — Если ты примешь решение участвовать в боях снова, то это означает конец! Мы расстанемся, несмотря на то, будешь ты пить или нет! Я не смогу быть с тем человеком, который будет вновь делать что-то подобное!

Главный вопрос, который я планировал задать, просто потерял всякий смысл. Ужас от происходящего пронесся волной покаяний по моей коже, когда смысл ее слов дошел до меня. Возможно, она могла смириться и простить единственный проступок, когда я пришел пьяный, но это было слишком для нее. Сам факт того, что мне придется кого-то убивать вновь, был тем, с чем она не смогла бы справиться и принять, и в итоге она бы ушла.

Я не смогу сделать это без нее. Если она уйдет... если уйдет...

Если она уйдет — умрет.

Мой самый великий страх воплотился в реальность. По крайней мере, сейчас я собирался говорить, не раздумывая.

— У меня, мать твою, нет гребаного выбора, Рейн! — неистово прокричал я. — Я не горю желанием убивать людей! Если бы я так этого хотел, то в этом сраном жилом комплексе полно людей, которых я бы желал видеть мертвыми!

Ну что ж, бл*дь. Я как чувствовал, что все испоганю, но часть меня знала заранее, что она догадается о реальной причине встречи с Лэндоном. Ничто из того, что он сказал, по большому счету, не удивило меня. Да, я не ожидал услышать такое, но как только слова вылетели из его рта, я сразу принял их.

— Не смей говорить такие вещи! — прокричала Рейн в ответ мне.

— Ну что ж, смирись с этим. Это, мать твою, правда! — я уже потерял нить того, на чем планировал сосредоточиться, когда рассуждал на пляже. В настоящий момент я был буквально переполнен адреналином и смирился с тем, что мог сделать это все в сто раз хуже, благодаря моему мерзкому рту.

Мне следовало бы рассыпаться в извинениях.

— Некоторые из них определенно заслуживают этого!

— Ради всего святого, Бастиан! — прорыдала она. — Ты больше не такой человек!

— Возможно, я больше так себя не веду, — прорычал я, — но это не значит, что я не чувствую этого. Просто очень сильно сдерживаюсь.

Каждое слово, что вырывалось из моего рта, только ухудшало ситуацию и увеличивало бурю, что назревала в моем разуме. Если ситуация непростая, а вам нужно сделать ее еще более дерьмовой, то я тот парень, который вам нужен. У меня долбаный дар в этом.

— Очевидно, ты не очень сдерживаешься, — сердито посмотрела она на меня. — Так после того, как Лэндон вывалил это, он благополучно напоил тебя? Поэтому ты был настолько пьяным, когда я вернулась домой?

— Нет, он не делал этого, — выдохнул я. Моя злость немного поутихла, когда я ощутил страх, что сковал мое тело. Ну, вообще-то, это было даже кстати, теперь я мог свалить всю вину на Лэндона. Мне следовало бы поразмыслить над этим, прежде чем что-то говорить. Она, возможно, поверила бы в это, но мой девиз по жизни: говорить прежде, чем включаются мои мозги. — Я напился сам после того, как он ушел.

— Иисус, — пробормотала раздраженно она, затем спрятала лицо в ладонях и откинулась спиной на край дивана. — Ты не можешь сделать это. Только не снова.

— Мне придется, Рейн.

— Нет!

— Черт возьми, Рейн! — сорвался я. — Если я не буду драться, тогда они просто придут сюда и убьют нас обоих! Что тогда произойдет с моим ребенком, а? Если они решат оставить его в живых, то когда-нибудь он закончит тем, что будет бандитом.

— Но они же не могут просто так войти сюда, — наивно запротестовала Рейн. — Мы же находимся в охраняемом жилом комплексе. Внизу стоит охранник.

— Ты что, бл*дь, говоришь сейчас на полном серьезе? — взревел я. — На самом деле считаешь, что мы можем сидеть здесь и быть в полной безопасности от таких людей? Ты что, гребаная идиотка?

Я сразу же пожалел о последних словах, что произнес, но было уже поздно.

В рот мне ноги. Туда же тазовую кость и, возможно, всю руку.

— Это то, что ты обо мне думаешь на самом деле?

— Бл*дь, нет... естественно, нет, — промямлил я, когда попытался пойти на попятную, — но, когда ты говоришь дерьмо, вроде этого... ну просто, малышка, это не так работает. Они могут делать все, что им захочется. Это правда. Кроме того, один из них уже был тут.

— Что ты имеешь в виду, кто был здесь?

Ох, черт. Я не должен был это говорить.

Я попытался отмахнуться, но она не купилась на эту хрень. И мне, наконец, пришлось рассказать ей о том дне, когда у меня было ощущение, что кто-то побывал в нашей квартире. Страх в ее глазах помог сосредоточиться, успокоиться, и мне удалось вспомнить, что моя задача была как можно меньше напугать ее, чтобы все, в конце концов, закончилось хорошо.

Если я потеряю ориентир, то абсолютно точно потеряю и ее.

— Я понятия не имею, кто, — заключил я, — но судя по тому, что мне сказал Лэндон, сомнений в этом у меня не осталось. Это мог быть кто угодно из людей Франка или даже, возможно, кто-то из участников будущего турнира от другой мафиозной организации.

— Ты говоришь серьезно? — расстроено пробормотала она. Затем обхватила себя руками и забилась в угол дивана, словно это могло каким-то сраным образом уберечь ее от происходящего. — Ты на самом деле собираешься сделать это.

Я поднялся с дивана и опустился на пол. Встал на колени напротив нее и положил ладони на ее бедра. Я ненавидел видеть ее настолько напуганной, и в то же время мне нужно было, чтобы Рейн поняла, что будет в безопасности со мной, пока я буду покорно исполнять каждый чертов приказ, который они мне отдают.

— Рейн, малышка, мне придется сделать это, — сказал я в сотый раз. — Я не хочу этого, видит Бог, не хочу, но мне приходится. Нет ничего в этой жизни важнее тебя, а я не собираюсь рисковать тобой.

Ее глаза широко распахнулись, когда она уставилась на меня.

— Но... мы могли бы сбежать, — неуверенно предложила она.

Я даже не собирался отвечать на это предложение, потому что мог сказать, что она сама не верила в то, что говорила. Рейн цеплялась за последнюю возможность спасения, пыталась найти что-то, чтобы остаться на плаву, что-то, что я даже не рассматривал, потому как на самом деле это был отстойный вариант. Я медленно покачал головой.

— Некуда бежать, малышка.

— Должен быть какой-то другой выход.

— Нет другого выхода, малышка. Мне нужно защитить тебя, и если это значит драться, тогда я буду драться. Делал это много раз до этого. Это будет не так сложно.

— Дождись, когда ты на самом деле выполнишь задачу, а не оценивай заранее ее простоту, — заявила Рейн.

— Что?

Она покачала головой.

— Услышала от преподавателя. — Она не смотрела на меня, и это было достаточно странно, но я знал почему.

До этого Рейн никогда не лгала мне. Но несмотря на это я кожей ощущал, что она что-то утаивала. Я привстал на коленях и пристально посмотрел ей в глаза.

— Где ты на самом деле слышала это? — спросил я.

Рейн прикусила нижнюю губу и начала рассматривать свои пальцы, прежде чем

ответила.

— На встрече группы, — призналась она.

— Какой еще группы?

Сжав челюсти, она, наконец, посмотрела мне в глаза.

— Это группа поддержки для людей, которые живут с алкоголиками, — наконец произнесла она. — У меня не было дополнительной учебной группы по вечерам вторника. Вместо этого я ходила на встречи туда.

Она говорила, что посещала учебную группу каждую неделю на протяжении последней пары месяцев и, вероятнее всего, лгала мне на протяжении всего этого времени. Понимание этого подвело меня к тому, что я не знал, что думать по этому поводу, не то что отвечать.

Что она услышала в этой группе? Чем занималась эта организация, пытались ли они образумить людей, донести до них, что нет смысла жить с такими, как мы, или же они пытались объяснить, как жить с такими?

Неприятное ощущение давления вновь навалилось на меня изнутри.

— Ну, так что? — оскалился я. — Они просветили тебя, как ладить с такими, как я? Помогли советом, как отделаться от меня?

— Нет, — озадаченно пробормотала она. — То есть, да, мы говорили об этом, но я не за тем туда ходила. Считала, что они помогут мне понять тебя немного лучше.

— Помогло?

— Честно, не очень, — заключила она. — Я правда надеялась, что это поможет, но на самом деле нет. В большинстве своем, люди, которые приходят туда, пытаются похвастаться друг перед другом, у кого была самая сложная жизнь. Там было парочку полезных вещей и приятных людей, но все оказалось без толку. Понимать тебя это в своем роде... прикоснуться к чему-то неизведанному.

Я издал крошечный смешок.

— Могу поклясться, что так есть. Ты имеешь в виду, что я самый поганый говнюк из всех тех алкоголиков? — я ухмыльнулся, и уголки губ поползли вверх.

— Нет, что ты, — пристыжено проямлила она, — просто у тебя самая оправданная причина.

Я поразмыслил об этом несколько мгновений. Возможно у меня была оправданная причина на пристрастие к алкоголю, а может, и нет. Думая про огромное количество пережитого ненормального дерьма в прошлом, она, вероятно, была бы на первом месте среди тех, кто делился своими историями, потому как была самой сумасшедшей из всех, только вот она никому не могла рассказать о ней.

Внезапно на меня обрушился вопрос... она ведь понимала это, не так ли?

— Ты... ты же никому ничего не рассказала... — выдохнул я с замиранием сердца.

— Нет, — твердо ответила Рейн, — естественно, нет.

Бл*дь, Слава Господи.

Когда я задумался над этим, то осознал, в какое именно положение поставил ее. По крайней мере, остальные люди имели место, где могли выговориться — место, чтобы попытаться рассказать, что именно произошло в их жизни, а у Рейн не было ничего из этого. Она не могла рассказать людям ничего обо мне, а это означало, что у нее не было совершенно никого, чтобы облегчить душу. Даже Линдсей не знала обо всем том дерьме, которое произошло в прошлом. Конечно, она имела представление о том, что было обнаружено по телевидению, но тот айсберг информации, что мы держали в секрете, мог с

легкостью потопить целый гребаный флот Титаников.

Такое дерьмо.

Я уставился на Рейн, а она продолжала говорить:

— Несмотря на то, что мне известны причины, которые привели тебя к этому, это совершенно не значит, что я потворствую тому, что ты сделал, — неумолимо заявила она. — Я все равно зла на тебя за то, что ты напился. Хотя и понимаю причину произошедшего, то, что подтолкнуло тебя к этому. Даже я сейчас испытываю желание выпить.

— Понимаю, — ответил я, подтвердив сказанное кивком. Я на самом деле почувствовал облегчение, что мы вернулись к обсуждению алкоголя и того, что я выпил, основываясь на том, что еще должно быть сказано. — Не то, чтобы я был доволен произошедшим или всем остальным дерьмом, что совершил. На самом деле я чувствую себя полным подонком. Даже не знаю, что еще можно прибавить к сказанному. Я не совершу эту ошибку вновь. Не мог позволить себе совершить ее вновь.

— Почему не можешь?

Моя грудь сжалась.

— Потому, что ты бросишь меня, — произнес я. И ощутил нестерпимое болезненное давление на глаза, наряду с чувством тяжести, что сдавило мою грудь. — Я могу сказать это, основываясь на том, что увидел прошлой ночью. Если... если ты это все-таки сделаешь, ну что ж, я все равно буду участвовать, но, вероятнее всего, проиграю. У меня не будет гребаной цели, чтобы стремиться одержать победу.

— А как же твой сын?

Я задумался на мгновение, но откровения, которые приходили ко мне на пляже, остались там же. Бл*дь.

— Это больше не будет иметь никакого значения, — признался я. — Мне и до этого было известно, что он существовал. Поэтому без тебя ничего больше не будет иметь значения, даже он.

— Честно признаться, я даже не знаю, что чувствую по этому поводу, — проговорила она едва слышно. — Тебе следует позаботиться о нем.

— Следует, — ответил я. — Он — главная причина, почему я сорвался и напился. Хотя даже не видел его фотографии или хотя бы чего-то, что принадлежало ему, но не мог прекратить думать о нем, о произошедшем и обо всей этой ситуации с боем. Просто не мог справиться со всем этим.

— А теперь ты можешь?

— Нет, — честно признался я. И постарался вновь собраться с силами. — Но когда я увидел твое лицо прошлой ночью... черт.

Я почувствовал, как поднял щиты в попытке защититься от того, что глубоко внутри меня, и четко осознавал, что мне следовало отпустить Рейн, ей будет лучше без меня. Вся эта ситуация доказывала, что находиться рядом со мной опасно и, в конечном счете, это было ей невыгодно. Я повторял это себе много раз, хотя раз за разом она убеждала меня, что я достоин, но это было легко забыть.

Сосредоточься.

— Я просто знаю, что не могу позволить этому произойти еще раз, — сказал я. Бл*дь, я думал, что ты бросишь меня. Был в этом так чертовки уверен.

Давление, которое нарастало в ходе нашего диалога, достигло своего апогея, и я потерял контроль над собой. Бросился к ней, не в состоянии больше удерживать расстояние между

нами. Рейн ахнула, когда я схватил ее и притянул к себе.

— Не могу потерять тебя!

— Я с тобой, — ответила Рейн и обняла меня в ответ.

— Прости меня... Я больше никогда не сделаю этого вновь, — пообещал я. — Я смогу вывести нас из этих неприятностей. Смогу спасти тебя, клянусь тебе!

— Ох, Бастиан! — промолвила она.

Рейн прижалась губами к моему лбу, и я быстро поднял голову, чтобы поцеловать ее в губы. Это был всего лишь легкий поцелуй, и как только мы оторвались друг от друга, я взглянул в ее глаза.

— Не могу выжить без тебя, Рейн, — произнес я. — Я так чертовски сильно люблю тебя, что эти мысли буквально разрывают меня на части. Это вызывает во мне отчаянное желание разбить все здесь, потому что, если ты покинешь меня, каждая мелочь будет напоминать о тебе. Ничто из этого больше не будет иметь значения, потому что ты весь мир для меня, Рейн.

— Я не уйду от тебя, — ответила она. Поднесла руку к моему лицу и нежно погладила мою щеку. — Я все еще здесь. Недовольна тем, что произошло, но не брошу тебя. Я люблю тебя, Бастиан. Это никогда не изменится.

— Я не совсем все испортил? — поинтересовался я, как нуждающийся придурок, каким и был. Мне было необходимо, чтобы она сказала это еще раз.

— Ты испортил все, что только можно, — отрывисто бросила она, — но я понимаю, почему ты это сделал. Каждому позволено совершать ошибки. Если признаться, то я по-настоящему удивлена, что ты продержался так долго.

Я задался вопросом, что если это говорили в ее группе поддержки — что я, вероятнее всего, начну выпивать вновь, это лишь вопрос времени. Я хотел вспылить, выйти из себя по поводу этого, но доказательства были у нее на руках.

— Это был первый и последний раз, — едва слышно произнес я. — И больше никогда не повторится.

— Я могу смириться с единственной ошибкой, — согласилась она. — Это не значит, что я буду мириться с этим постоянно.

— Мы в порядке? — черт бы побрал мое острое желание убедиться в правдивости сказанного, но мне было необходимо услышать это от нее. Необходимо слышать это вновь и вновь, потому что глубоко внутри меня все еще сидел маленький мальчик, который знал — да, который знал — что он был нежеланным. Он был не нужен ни ей, ни кому бы то ни было, независимо от обстоятельств. Он просто был одиноким потерянным мальчишкой. Неважно, каким идеальным мужчиной этот мальчик старался быть, он прекрасно знал, что никто и никогда не полюбит его.

— Я люблю тебя, — твердо заявила она, — мы в порядке.

Напряжение внутри меня лопнуло, словно натянутая струна. Я притянул ее лицо к своему, постаравшись из-за всех сил быть нежным. Хотел сжать ее в объятиях так крепко, чтобы она никогда не смогла избавиться от меня. Я хотел всецело обладать ей и знать, что она принадлежала мне и только мне, без остатка.

В следующее мгновение я ощутил, что остро нуждаюсь в ней. Хотел, чтобы она была рядом, если мне придется пройти через все это дерьмо, которое называлось моей жизнью. Она была моим спасением, и я должен был почувствовать физическое подтверждение ее прощения.

Вначале я неспешно целовал ее, но все те мысли, что переполняли мой разум, грозили вырваться наружу, и я излил всю энергию, которая переполняла меня, на нее, вложив все силы в поцелуй. Я провел невесомым прикосновением языка по ее губам.

— Я, мать твою, нуждаюсь в тебе, — прорычал я. — Прямо сейчас.

Рейн сжала край моей футболки своими пальцами и начала стягивать ее через голову в ответ на мои действия. Я принялся за ремень, пытался его расстегнуть, в то время как она быстро сняла свою футболку и расстегнула бюстгальтер. Как только я увидел ее грудь, тут же забыл про ремень. Склонился к ее соскам, втянув один в свой рот и ласкал другой подушечками пальцев, кружил по чувственной ареоле соска. Потом прикоснулся к вершине соска, и Рейн издала протяжный стон.

Мой член болезненно вжимался в молнию шорт, которые были лишь наполовину расстегнуты, старался вырваться наружу, но все его попытки были тщетны. Я был слишком занят тем, что стремился прикоснуться к каждой ее части, погладить кожу, завладеть ее ртом. Мне удалось избавиться от своих кроссовок, и я уложил ее так, чтобы она лежала на спине, вытянувшись на диване, а затем вновь вернулся к ее груди.

Рейн скользнула ладонями вниз по моей спине, опустив их до уровня поясицы, пока не достигла задницы. Она сжала ягодицы в ладонях, и я толкнулся твердым членом в ее ногу. Рейн прижалась ко мне своими бедрами и издала стон.

— Я хочу тебя, — прошептала она. Взяла мое лицо в свои ладони и прижала свои губы к моим. — Пожалуйста... отнеси меня в кровать.

Я не собирался спорить.

Поднял ее с дивана, все еще до конца не освободив член из шорт, и понес ее в спальню на руках, как относили невест. Опустил Рейн на край кровати, захватив пальцами ее штаны для йоги, которые все еще были на ногах, и стремительно стянул их с нее. Я сжал в ладонях ее щиколотки и забрался на кровать, расположил ее ноги на своих плечах, затем взглянул на нее.

Обо всем, что произошло, было позабыто ради момента отчаянной нужды и чистого вожделения. Надо мной взяло верх яростное желание наблюдать за тем, как она кончала в моих руках. Это затмило все остальные мысли об ужасе, через который нам предстояло пройти.

Ее губы слегка приоткрылись, взгляд потемнел, когда я начал приближаться к ней. Прижался приоткрытыми губами к внутренней стороне ее правого бедра, в то время как другой рукой скользнул по левому бедру. Но не стал приближаться слишком близко к центру — еще не время. Мне нравилось наблюдать за тем, как она умоляла.

И она умоляла.

— Пожалуйста... Бастиан...

— Пожалуйста, что? — я поддразнил Рейн, когда оставил поцелуй на ее бедре и приближался все ближе и ближе к заветной цели. Оставил поцелуй на ее лобковой кости и затем сбоку от нее. — Ты что-то хочешь?

— Ах...

Захихикав, я поцеловал верхнюю часть ноги с внутренней стороны бедра, где она переходила в складочки плоти, а затем прошептал у ее кожи.

— Ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя, детка? Хочешь ощутить мой язык на своем клиторе? Потому что именно это я собираюсь сделать.

— Да... пожалуйста!

— Ты хочешь ощутить мои губы здесь? — я оставил поцелуй сначала на одной ноге, затем на другой. — Или может быть здесь?

Каждый раз, когда я оставлял поцелуй на ноге, то избегал прикосновения к ее клитору, а она старалась повернуть или приподнять бедра таким образом, чтобы продемонстрировать мне, где она хотела почувствовать прикосновения моего рта, но я крепко удерживал Рейн на месте.

— Нет, по-видимому, ты не хочешь, — я шутливо нахмурился. — Не думаю, что ты готова к этому.

— Я... я...

— Не готова...

Ногтем я провел по коже внутренней стороны ее бедра и поднялся вверх к самому клитору. Последовал губами за движением пальца, проложив дорожку из жадных поцелуев, в то время как она продолжала извиваться подо мной. Я мог ощутить запах того, насколько сильно она желала этого, и мой член буквально пульсировал от желания, пока Рейн лежала, заключенная в ловушку между мной и кроватью, умоляя меня о том, чтобы я уделил внимание клитору, но пока я не собирался делать этого.

Ее удовольствие было на первом месте.

Всегда.

Наконец, когда она больше уже не могла терпеть, я скользнул неспешным движением языка прямо к ее лону и провел кончиком языка до жемчужины клитора. Она изогнулась, чуть ли не поднявшись в сидячее положение, и затем вновь напряженно опустилась всем телом на кровать.

Я не смог сдержаться, и на моих губах растянулась улыбка.

Я кружил кончиком языка по ее клитору, затем поднес руку к ее плоти. Легко скользнув подушечками пальцев по ее киске, я исследовал ее, пока ласкал клитор своим языком. Дрожь сотрясла все тело Рейн, и я почувствовал прикосновение ее рук на моей голове, когда она старалась приблизить мое лицо ближе к своей плоти, чтобы увеличить темп ласк.

На этот раз я все-таки смягчился и повиновался ей.

— Ты кончишь так чертовски сильно, что даже люди, которые находятся на пляже, услышат тебя, — пообещал я ей.

Я мог видеть, как вздымалась и опадала грудь Рейн, когда с ее губ срывалось прерывистое дыхание, но она ничего не сказала в ответ. Ее глаза говорили громче слов — темные, полуприкрытые и полные желания.

Я скользнул пальцем внутрь нее, затем выскользнул из ее киски и в следующий момент вошел в нее еще раз, только на этот раз двумя пальцами. Двигался неспешно внутри ее лона и продолжал ласкать ее языком. Я кружил, лизал и легко обдавал теплым дыханием возбужденную плоть ее твердого клитора, затем изогнул пальцы внутри ее лона и прижал их к той самой точке внутри ее тела.

Бедрами Рейн сжала с двух сторон мою голову, крепче впиваясь пальцами в кожу моей головы, самым что ни на есть восхитительным способом, когда я сильнее прижал язык к ее клитору. Мои губы сомкнулись вокруг него, и я жестко втянул его в свой рот, и Рейн выкрикнула мое имя.

Чертовски восхитительная музыка для моих ушей.

Опустив ее ноги со своих плеч, я потянулся вниз и спустил шорты и боксеры вниз по ногам, забрался на нее и полностью накрыл ее своим телом. Наконец избавившись от

одежды, я начал оставлять поцелуи между ее грудей до того момента, пока она не изогнула назад шею от нестерпимого удовольствия. Я ласково втянул ее кожу в рот и слегка посасывал, в то время как расположился у ее лона.

Мой член нашел свой гребаный храм, и ощущение наслаждения пронеслось по моему телу. Я почувствовал, словно получил со всего маха удар кувалдой. И это не ощущение физического единения заставило меня испытать такие сокрушительные чувства, а мгновенное понимание, что ворвалось в мое сознание, касательно того, где именно должно было быть сосредоточено мое внимание.

Мое внимание должно было быть всецело сосредоточено внутри нее.

«Найди опору внутри себя и намертво прикуй себя к ней».

Я всегда расценивал слова Лэндона как призыв к тому, чтобы найти что-то в себе, и, возможно, в какой-то момент времени так и было, но все изменилось. Как и все остальное в моей жизни, это изменилось, когда Рейн стала частью ее частью. Она сделала из меня человека, который мог любить и прощать. Помогла стать мне тем человеком, которым я был раньше, до того, как все в моей жизни превратилось в гребаную катастрофу. Она помогла мне понять, кто я такой на самом деле — со всеми недостатками и остальными качествами — и помогла мне стать лучше, благодаря тому, что всецело приняла меня.

Рейн была моей жизнью.

Не было ничего — абсолютно ничего — чего бы я не сделал, чтобы защитить ее. Убил бы любого, сокрушил до основания любую, мать ее, организацию и сразился с гребаной толпой, только бы это помогло мне сохранить ее, защитить и сделать безгранично счастливой. Я бы больше никогда не прикоснулся к алкоголю. Был бы вежлив и мил, терпелив с ее друзьями и принес бы ей на блюдечке целый долбаный мир, если бы она того захотела.

Ее тело неистово стиснуло мой член, а ее сущность сжала в своих невидимых руках мою душу. Я издал плач, но не от боли или даже не от облегчения, а от полного прозрения. Это был экстаз, который возвышался над любым пониманием, и для меня это ощущение было более реальным, чем все чувства, которые я испытывал в своей жизни.

Они были за пределами понимания любви, за пределами ощущения биения жизни.

Я неспешно устремился вперед с легким толчком, когда ее ладони легли на мою спину и сжали кожу. Она посмотрела на меня, и в ее взгляде я нашел все, о чем только мог мечтать. Рейн скользнула ладонями вверх по моей спине до затылка и притянула меня к своему телу, захватила мой рот в поцелуе и глубоко проникла языком, двигалась внутрь-наружу и наращивала темп. Кровать двигалась под каждым моим толчком, и спинка кровати ударялась стену. Ритмичные удары о стену только заставляли меня вколачиваться в нее сильнее и издавать звуки, которые были смешаны с ее криками.

— Ох... Господи... Бастиан! — Рейн обвила ноги вокруг моей задницы, стиснула мой член внутренними мышцами лона и заставила меня войти в нее еще глубже. Ее голова была прижата к подушкам, и она зажмурила свои глаза, когда с ее губ слетали непостижимые для моего понимания звуки.

Рейн выглядела невероятно красиво, мне никогда в жизни не доводилось видеть такой красоты. Это заставляло меня ускорить свой темп.

Спинка кровати ударялась стену все сильнее и сильнее, заставив Рейн издавать отчаянные крики наслаждения. Я не позволял своему собственному удовольствию завладеть моим телом, хотя чувствовал, как освобождение поглотило ее тело, и спина Рейн опустились

на поверхность матраса. Я продолжил вколачиваться в нее в том же ритме, когда почувствовал, как влажные дорожки пота начали скатываться по моим лопаткам.

Моя спина изогнулась, когда я вошел в нее вновь и замер, кончив внутрь нее и издав крик в потолок. Почувствовал, как ее ноги сильнее сжались вокруг моих бедер, когда она при помощи этого прижала наши тела еще ближе для того, чтобы всецело ощутить наслаждение последним мгновением нашего единения, прежде чем я рухнул на ее тело.

Самая лучшая тренировка за всю неделю.

По моему телу прокатилась последняя волна дрожи, когда я лежал поверх ее тела, тяжело дышал и пытался помешать своему сердцу вырваться из груди. Рейн вздрагивала всем телом, и на мгновение мне показалось, что это происходит из-за повторного оргазма, но затем я понял, что она просто-напросто плачет.

— Рейн? — я приподнялся на руках, пока не смог увидеть ее. Слезы дорожками бежали по ее щекам, и она поняла руку, чтобы стереть их, и прежде чем Рейн успела сделать это, она притянула меня к себе, прижав свой лоб к моей груди.

— Я не знаю, как справиться с этим! — Рейн вновь всхлипнула у моей груди. — Что же мы будем делать?

Я обернул свои руки вокруг нее и перекатился с ней в объятиях. Расположил ее поверх себя и ласково откинул волосы с лица, нежно провел по ним рукой.

— Ш-ш-ш, — прошептал я. — Все будет в порядке, малышка. Я все сделаю правильно. Клянусь тебе.

— Ты не можешь знать этого наверняка! — пронзительно прокричала она. — Ты не можешь знать этого! Ты можешь погибнуть... О, Боже мой, Бастиан, они могут убить тебя.

Я прикрыл глаза и стиснул ее сильнее в своих объятиях.

— Этого не произойдет, — заверил я ее. — Я не желаю делать этого. Ты прекрасно знаешь, что я, Господь свидетель, не хочу делать этого, но должен. Я собираюсь выиграть этот смертельный бой. Никто не сможет убить меня.

Я надеялся, что прозвучал убедительно.

— Ты не можешь знать этого, — вновь проговорила она. — Бастиан, ты просто не можешь обещать этого.

Я выпустил Рейн из своих объятий и взял ее прекрасное лицо в свои ладони, заставив посмотреть на меня.

— Я могу, — уверил я и посмотрел в ее темно-карие глаза. — Я, черт побери, могу пообещать тебе это! И собираюсь сдержать обещание и одержать гребаную победу. Никогда не проиграю, Рейн, никогда. Я делал это раньше из-за долбанных денег. Ты на самом деле считаешь, что теперь, когда на кону ты и мой ребенок, я не смогу сделать этого? Никто, мать твою, не сможет причинить мне вред. Никто. Я всех сравню с землей еще в самый первый день, ты меня слышишь?

Слезы вновь покатились жемчужинами по ее щекам, но она послушно кивнула.

— Ты меня поняла? — спросил я.

— Да, — выдохнула она, — Бастиан...

— Ш-ш-ш, — я выпустил ее лицо из своих ладоней и обнял ее вновь. Поцеловал Рейн в макушку и крепко прижал к себе, и она сжала мои плечи в ответ. Ее всхлипы прекратились, но я все еще мог ощущать ее слезы на своей коже.

— Если что-то произойдет с тобой, — захлебывалась она рыданиями, — если тебя ранят или... или...

— Со мной все будет в порядке, — терпеливо повторил я.

— Нет, не будет, если что-то произойдет с тобой, — запротестовала она. — Я умру, ты слышишь меня, я умру!

— Ничего такого не произойдет со мной, — мягко прошептал я. — И с тобой тоже.

Она издала пронзительный вздох, и воздух защекотал мою кожу. Я почувствовал, как она расслабилась в моих объятиях, и склонил голову, чтобы оставить ласковый поцелуй на ее щеке.

— Я с тобой, — едва слышно выдохнул я у ее щеки.

В конечном счете ее дыхание успокоилось, и я понял, что она заснула на мне, эмоционально истощенная. Я прикрыл глаза и попытался понять, как собирался исполнить данное ей обещание. Я подразумевал каждое слово, что сказал ей, но также отлично понимал, что этот бой не будет похож на все предыдущие. На кону не стояли ни деньги, ни моя репутация — на кону была Рейн и мой сын. Она была моей чертовой Вселенной. И теперь также ей был и мой сын. Я отчаянно желал, чтобы он стал частью нашего мира.

Алекс.

Мне предстояло одержать победу. Это даже не обсуждалось. Я не мог даже подумать о другом исходе, кроме победы. Мне предстояло в ближайшем будущем столкнуться с тем, что меня ожидало. И узнать каждого из моих противников в лицо, на что они были способны, пронюхать обо всех их слабостях, и что точно мне необходимо было предпринять, чтобы уничтожить каждого из них.

Нужно было собрать кое-какие сведения.

Решение было принято. По крайней мере, на данный момент мне пришлось начать подготовку к бою.

Я рано проснулся в своей обычной позе: руками крепко обнимал Рейн, а мое тело частично лежало на ней. Я также перекинул одну ногу через две ее, а ее голова была надежно прижата к моему плечу. В голове мелькали угасающие мысли о снах, но я не мог вспомнить их.

Смотрел на лицо Рейн сверху вниз, и гнев, страх и страсть прошлой ночи превратились в необычное чувство покоя.

Убрав маленькую прядь волос с ее лба, я уставился на закрытые глаза и подумал о списке причин, по которым она любила меня. Рейн всегда в первую очередь перечисляла мою силу. Я планировал обезопасить ее с помощью своей физической силы и навыков бойца, но знал, что мне нужно больше. Мне нужна была сила духа, чтобы преодолеть происходящее.

Я нуждался в хорошем плане, но это не было моей сильной стороной. Обычно я действовал более импульсивно, реагировал на ситуацию по мере ее развития, а не подготавливал почву для обеспечения выбранного мной результата. Убийство крупного криминального авторитета не могло произойти без четкого плана, и я это знал. Мне предстояло придумать способ приблизиться к Фрэнксу на достаточно долгое время, чтобы убить его и выбраться оттуда живым.

Рейн придется держать в неведении обо всем этом. Я ни за что не собирался посвящать ее в свой план убийства Фрэнкса. Не хотел, чтобы она волновалась еще больше, чем сейчас, и боялся дать ей слишком много информации о том, что должно было произойти. Она уже знала достаточно и ненавидела то, что таило в себе неизбежное будущее. Моя Рейн ценила жизни людей так, как я не привык, и ей не понравилась бы мысль о том, что я собирался забрать еще чьи-то, чтобы обеспечить дальнейшую безопасность ей и моему сыну.

Я все еще не был уверен, что делать с Лэндоном, но это было второстепенно. Я бы предпочел найти какой-нибудь выход из всего этого, не убивая его, но не был уверен, что это возможно. В конечном счете, он все еще оставался отцом, которого у меня никогда не было.

Я — отец.

Каждый раз, когда думал об Алексее, то пытался создать в своей голове какую-то картину того, как он может выглядеть. Мне было интересно, выглядел ли он так же, как я в том же возрасте, и это напомнило мне, что у меня даже не было фотографий, когда я был ребенком.

Рейн слегка пошевелилась, и, оглянувшись на нее, я подумал, как бы это прозвучало, если бы она добавила «*ты хороший отец*» к списку моих положительных черт. Эта мысль согрела меня, и я прижал Рейн немного ближе, когда ее глаза распахнулись.

Как и в большинстве случаев по утрам, когда не было срочной необходимости вставать с постели, мы проводили время, просто глядя друг на друга. Я убрал ее волосы с лица и нежно погладил по щеке, а Рейн улыбнулась мне, закрыла глаза от моего прикосновения и вздохнула.

— Ты прекрасна, — тихо сказал я.

— Я в этом сомневаюсь, — хихикнула Рейн. — Я всегда в беспорядке по утрам.

Мне пришлось ее поправить.

— В прекрасном беспорядке.

Рейн улыбнулась. Я собирался поцеловать ее, но мой телефон зазвонил с сообщением от Джона Пола.

Проснись, проснись!

Я закатил глаза.

— Кто это? — спросила Рейн.

— Джей Пи, — ответил я. — Мне нужно встать.

Я быстро принял душ. Закончив, обнаружил, что на кухне меня ждал свежий кофе. У Рейн в руке была собственная чашка, и она крепко держала ее, но не отпивала кофе.

— Что теперь будет? — спросила Рейн. Напряжение в ее голосе было очевидным.

— Я собираюсь тренироваться с Джей Пи, — сказал я. — Это будет в течение следующих нескольких дней. Лэндон сказал, что после этого будет три недели тренировок.

— Куда ты поедешь для этого?

— Я не знаю наверняка, — ответил я. — Пребывание Лэндона в Майами заставляет меня задуматься, состоится ли турнир где-нибудь здесь, что означало бы, что мы будем в той же атмосфере. Лучше всего тренироваться в той среде, в которой ты собираешься сражаться.

— Где буду находиться я? — тихо спросила Рейн.

*Бл*дь. Вот тебе и мои навыки планирования.*

— Я не заходил так далеко, — признался я. — Я поговорю с Джоном Полом.

— Я могла бы остаться с Ником и Линдсей, — предложила Рейн.

— Нет, — сказал я. — Они не смогут защитить тебя.

— Мы могли бы отправиться в путешествие или что-то в этом роде, — сказала она. — Держаться подальше?

Я покачал головой.

— Я хочу точно знать, где ты находишься, — ответил я. — Если тебя не будет в определенном месте, то я не буду знать, в безопасности ты или нет.

Я балансировал на грани того, чтобы напугать Рейн, чего мне не хотелось делать, но и отпускать ее далеко от себя в планы не входило. Я придвинулся ближе и обнял ее. Рейн положила голову мне на плечо и вздохнула.

— Ненавижу это, — прошептала она.

— Знаю, — сказал я. — Я тоже это ненавижу. Через месяц все закончится, и ты, я и Алекс... Ну, мы должны разобраться с этой частью.

Мне пришла в голову мысль, и я откинулся назад и положил ладонь ей на щеку.

— Мне нужно, чтобы ты помогла мне разобраться в этом дерьме, — сказал я. — Мне нужно, чтобы ты достала все, что, черт возьми, нам понадобится, когда рядом будет ребенок. Я ничего не знаю об этом дерьме.

— Ты думаешь, я знаю?

Я думаю, тебе нужно сосредоточиться на чем-то, что не связано с тем, что я убиваю людей.

— Я думаю, что у тебя больше шансов понять это, чем у меня. Если ты можешь мириться с моей детской задницей, то, вероятно, сможешь справиться и с шестилетним ребенком.

Рейн одарила меня натянутой улыбкой, когда еще одно сообщение от Джона Пола велело мне прийти и встретить его у входной двери.

— Я ненадолго уйду, — сказал я Рейн, — в спортзал внизу. Держи свой телефон при себе и никому не открывай эту чертову дверь, даже если думаешь, что знаешь, кто это.

— Хорошо, — сказала она, прикусив губу.

— Я с тобой, — шепнул я, и Рейн кивнула.

Я нежно поцеловал ее перед тем, как мы расстались, и спустился вниз, чтобы встретиться с Джоном Полом у входа в наше здание. Мы направились в спортзал и начали тренироваться.

— Забавно, как прошлое возвращается, — заметил Джон Пол, наблюдая, как я нажимал на тренажер ногами. — Все, как в старые добрые времена, не так ли?

— Ты знал об этом, да? — обвинил я.

— Может быть, — сказал Джон Пол, подмигнув мне. — Ничего не мог сказать, но все равно рад, что ты последовал моему совету.

— Я думал, это приказ, — пробормотал и сделал еще один подход жимов ногами, а затем переключился на гантели.

И продолжал это до тех пор, пока с меня не полился пот, и каждая мышца в моем теле не заболела. Я был рад, что в последнее время проводил некоторое время в тренажерном зале, потому что Джон Пол был безжалостен в силовых тренировках. Я мог идти в ногу, не едва-едва.

Однако не собирался давать ему знать об этом.

Так что я поднапрягся, насколько это было в моих человеческих силах. Это была территория, которую я знал — выходи за свои пределы и никогда не останавливайся, никогда не отпускай. У меня все болело, я потел, как маньяк, только для того, чтобы показать Джону Полу, на что способен.

Он точно знал, что я делал.

— Это все, что ты можешь? — Джон Пол фыркнул. — Ты слабак.

— Пошел ты, — сказал я, швырнув гири на пол. — Не вижу, чтобы ты делал так много повторений.

— Это не мое обучение, братан.

Я показал ему средний палец, завершив очередную серию повторений. По крайней мере, я не сильно потерял силу в своих бицепсах, но пренебрегал тренировками ног, и даже я должен был признать, что мой живот был немного дряблым из-за отсутствия работы на пресс. Я никогда не должен был позволять себе так много. Теперь, когда Рейн должна была рассчитывать на мою силу, я был не в лучшей форме.

И должен был это исправить.

Я также должен был убедиться, что она в безопасности, даже когда меня не будет рядом.

— Мне нужна защита для Рейн, — сказал я Джону Полу, переместив свой вес на скамейке и поменяв руки. — Я хочу, чтобы рядом с ней все время, когда меня нет, был кто-то, кому я доверяю.

— Не уверен, кто бы это мог быть, — сказал Джон Пол. — Есть ли кто-нибудь, кому ты доверяешь?

— Ты, — просто сказал я.

— Хочешь, чтобы я присмотрел за твоей цыпочкой?

— Кто еще?

Джон Пол почесал руку, посмотрел в потолок и на мгновение задумался.

— Могу я ее трахнуть?

Я встал, уронил гантели на пол и ударил его кулаком в лицо.

Он отшатнулся от удара, но быстро выпрямился, засмеялся и потер подбородок.

— Я думаю, что это «нет».

— Чертовски верно, это «нет», — сказал я и посмотрел на него. — Не смей, бл*дь, даже прикасаться к ней.

— Принято к сведению. — Он снова рассмеялся.

Мы закончили нашу тренировку, и Джон Пол вернулся со мной в квартиру. Рейн разложила свои учебники на диване и кофейном столике, но я мог сказать, что она не выполняла никакой реальной работы. Поэтому сел рядом с ней и закинул руку ей на плечо, притянув ее ближе, в то время как Джон Пол налил себе бутылку воды.

— Фу! — Рейн застонала, положив руки мне на грудь и оттолкнув меня. — От тебя воняет.

— Это ты еще не знаешь, как он пах во времена выпивки и шлюх, — сказал Джон Пол.

Как будто мне действительно нужно было, чтобы он поднял эту тему.

— Не заставляй меня, бл*дь, бить тебя перед ней, — огрызнулся я. — Держу пари, я смогу найти здесь какого-нибудь другого болвана, который будет тренироваться со мной.

— Не будет такого красивого, как я, — сказал Джон Пол. Он опустошил бутылку с водой и бросил ее в мусорное ведро. — Я уйду. Увидимся завтра рано утром.

Я тренировался с Джоном Полом в течение четырех дней — с утяжелителями, упражнения на выносливость и рукопашный бой. Я был весь в синяках и уставшим уже на пятый день, но он подошел к двери и сказал мне, что этим утром мы не тренируемся.

— Время встречи, — просто сказал он.

Мы встретились с Лэндоном в нескольких кварталах отсюда, в гостиничном номере. Он выглядел нехарактерно усталым и немного нервным. Мы сели за маленький круглый столик и стали ждать, когда он начнет.

— Твои конкуренты, — сказал Лэндон. Он подтолкнул ко мне папку через стол, и я открыл ее. Внутри было пять комплектов документов с именами и фотографиями. — Изучи их. Посмотри, что ты можешь узнать о них, и убедись, что знаешь, как избавиться от каждого.

Я просмотрел документы и сразу остановился, когда увидел знакомое лицо.

Трахните меня.

Даже без солнцезащитных очков я узнал на фотографии чувака с пляжа с нелепой, бл*дской скороговоркой, только теперь это не казалось таким уж нелепым. Теперь я видел в этом явную угрозу, которую он представлял.

«Ты — фазан».

Эван Арден. Он числился главным киллером Ринальдо Моретти. На снимке он был изображен на стрельбище с крупнокалиберной винтовкой в руках.

— Мне кажется, я, возможно, упоминал, что он — твоя главная забота.

— Я встречался с ним, — тихо сказал я.

Лэндон посмотрел на меня.

— Когда?

— Пару недель назад, — сказал я. — Он разговаривал со мной на пляже, когда я вышел на пробежку.

— Разведка — его специальность, — сообщил Лэндон. — Он, вероятно, к тому моменту уже бывал на крыше со своей снайперской винтовкой, направленной на тебя.

— Он снайпер? — спросил Джон Пол.

— Бывший морской пехотинец, — сообщил нам Лэндон. — Один из лучших стрелков, которого вы когда-либо видели. Я знал о нем по своим военным контактам еще до того, как он связался с Ринальдо Моретти. За эти годы он уничтожил сотни врагов Моретти, но исчез вскоре после того, как началась война.

— Кажется, странное время для исчезновения, — заметил Джон Пол.

— Я не смог получить больше подробностей, — ответил Лэндон, — но у меня возникла мысль, что он, возможно, был в центре проблемы, из-за которой началась эта война.

— Ты думаешь, он целился в меня, но не выстрелил?

— Арден знает правила. — Лэндон встал и подошел к окну, чтобы посмотреть на океан. — Удаление игрока после объявления турнира разожжет войну, а не положит ей конец. Он военный, выполнение приказов у него в крови. Он также, вероятно, следующий в очереди на то, чтобы возглавить эту организацию, если что-то случится с Моретти. Другие варианты Моретти — это его дочь Луиза, которая вполне может это сделать, или незаконнорожденный сын, которого он едва знает. Прекращение вражды в интересах Ардена.

— Но Арден в последнее время не участвовал в войне? — спросил Джон Пол.

— Не участвовал, — сказал Лэндон. — Похоже, он даже не проживает в районе Чикаго. Вероятно, у него есть место за пределами страны — похоже, никто точно не знает, где он был, даже сам Моретти. Но, очевидно, у него есть способ связаться с ним, иначе его бы здесь не было.

Джон Пол посмотрел на меня с беспокойством в глазах.

— Завтра мы встретимся со всеми, — сказал нам Лэндон. — Там будут все шесть глав семей и твои конкуренты, Бастиан. Остальные не слишком беспокоят, но я хочу, чтобы ты поближе познакомился и лично поговорил с Арденом, прежде чем тебе придется сразиться с ним. Разберись с ним. Трахни его голову, если сможешь — я понимаю, что он довольно крепкий орешек, чтобы его расколоть.

— Да, я это вижу.

— Он был военнопленным на Ближнем Востоке. Из-за этого он немного не в себе, и именно поэтому его выписали из лагеря в Афганистане, вскоре после того, как он выздоровел. Там есть видео — посмотри его. Используй это против него.

— Будет сделано. — Я взял папку, полную информации, и встал. Джон Пол последовал моему примеру и отвез меня обратно в квартиру, где Рейн все еще пыталась учиться.

— Тренировка прошла хорошо? — спросила Рейн. Она оглядела меня, но было очевидно, что я не был в спортзале.

— Я многому научился, — неопределенно ответил я. Она не настаивала на большем, и я подумал, что, может быть, она просто не хотела знать.

— Мы должны переехать, — внезапно сказала она.

— Что? Почему?

— Мы не можем разместиться с ребенком в этой квартире, — сказала она, — и мне не нравятся здешние государственные школы. Нам нужно переехать куда-нибудь, где Алекс сможет получить хорошее образование, и мы сможем найти жилье, где для него будет достаточно места.

Когда я оглядел квартиру, у меня не было особых возражений. Она была права: здесь не хватало места для еще одного человека, хотя у нас была дополнительная спальня.

— Может быть, дом? — спросил я.

— Думаю, что это было бы неплохо, — согласилась Рейн. — Куда-нибудь, где есть двор, чтобы он мог играть на улице. Я не хочу беспокоиться о пробках.

— Здесь, в Майами?

— Не в городе, — сказала она.

Я знал, что она на самом деле имела в виду — не слишком близко к пляжу. Мне это не понравилось, но, учитывая все остальное, я не собирался настаивать на этом вопросе. Она прикрывала мою спину, и я пожертвовал бы всем, чего бы это ни стоило, чтобы это сработало для всех нас. Может быть, мне удастся убедить ее, что Алексу пойдет на пользу жизнь рядом с пляжем.

Я подошел к дивану и опустился рядом с ней на колени, посмотрел ей в лицо и поймал ее взгляд своим.

— Все, что ты захочешь, — сказал я ей. — Куда захочешь. Я просто хочу, чтобы мы все были вместе, когда это закончится.

На этот раз я действительно имел это в виду.

Она наклонилась и прижалась своими губами к моим.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Я с тобой, детка. — Я улыбнулся и поцеловал ее.

* * *

Я последовал за Джоном Полом к его машине после того, как убедился, что Рейн хорошо проведет день. Понятия не имел, как долго продлится эта встреча, и куда мы вообще направлялись. Джон Пол некоторое время ехал на юг, и когда мы добрались до Хоумстеда и бесконечных полей, заполненных рабочими-мигрантами в широкополых шляпах, то свернули на гравийную дорогу и направились к большому амбару посреди гребаного нигде.

Я провел ночь за изучением файлов, которые дал мне Лэндон. Даже нашел видеозапись выпуска новостей о лейтенанте Эване Ардене и его нахождении в плену на Ближнем Востоке. В нем были кадры, на которых рядом с ним казнили человека. Я не изучал остальных так внимательно, но был готов встретиться со всеми ними и получить лучшее представление об их слабостях.

Когда мы вышли из грузовика Джона Пола, я поднял глаза и увидел в небе сверхлегкие самолеты и несколько планеров. Далеко за полем я увидел небольшой аэродром. Кроме этого, не было ничего и никого, кроме двух угрожающих парней, стоявших у больших двойных дверей амбара. Сапоги Джона Пола подняли пыльный гравий, когда мы приблизились, и охранники проверили нас обоих на наличие оружия, прежде чем открыли двери и впустили нас внутрь.

Я не был уверен, что ожидал увидеть, но там было много людей. Они образовали шесть небольших групп вокруг большей части открытой площадки. Я проверил каждую группу, молча называя связанных с ней криминальных авторитетов и их участников турнира.

Ближе всех к двери был Гэвино Греко из Чикаго. Над ним возвышался массивный парень с сотнями татуировок. На нем было достаточно чернил, чтобы я подумал, украшен ли его член. За исключением лица, они покрывали все его тело. Я вспомнил из документов, которые дал мне Лэндон, что его звали Охотник, и его было нелегко одолеть в ближнем бою, хотя в основном он был фанатиком охоты с луком. Из всех других бойцов у него было больше всего турнирного опыта, с оружием или без него.

Следующая группа тоже была из Чикаго. С начала войны и падения последнего босса в Чикаго организация почти полностью потерпела крах. Теперь ей управляли два парня из России — Сергей Дыталов и Игорь Северинов. Физически они были невпечатляющими фигурами, но в этой маленькой игре на карту было поставлено больше всего, и они внимательно наблюдали за мной расчетливыми глазами, когда я вошел.

Их представитель в игре был рядом, ссутулившись в кресле и уставившись на свои руки. Темные волосы немного падали на лицо, и выражение его лица было каким угодно, только не спокойным и собранным. Эрик Дыталов увлекался ножами, согласно информации, которой я располагал о нем, особенно ножами Буссе и Кунаи. Дальний родственник одного из новых боссов, но родом не из России, он выживал в играх в течение пары лет, прежде чем отступил и, в конце концов, бросил играть. Он уже давно не играл, и мне стало интересно, чем он занимался последние несколько лет, вместо того, чтобы сражаться.

Справа от меня был Грант Чемберс из Нью-Йоркской мафии. Рядом с ним стояла женщина, которую я был почти уверен, что узнал, хотя и не понял этого по ее фотографии. Она была высокой, темнокожей, и у нее было достаточно мускулов, чтобы заставить тебя посмотреть дважды, без сомнения. Когда я посмотрел на нее лично, то понял, что встречал ее раньше.

— Джей Пи?

— Да? — тихо ответил он.

— Это не та цыпочка, с которой ты встречался в Сиэтле? Стейси?

— Да, — сказал он, — знаю. Теперь она зовет себя Жницей. Участвует в играх уже около года.

Очевидно, он не был удивлен, увидев ее здесь. Джон Пол не смотрел на меня, и я не был уверен, волновало его или нет, что я собираюсь убить ее через пару недель. Если это и имело для него значение, то он этого не показывал.

По другую сторону от Нью-Йоркской группы стояла внушительного вида женщина с короткими волосами и сверкающими глазами. Методом исключения я предположил, что это, должно быть, Мария Хилл — женщина, которая руководила операциями в Лос-Анджелесе. Высокий афроамериканец, стоявший рядом с ней, был Тайроном Чимсом, экспертом по боям с ножами и к тому же хорошим стрелком. Он также участвовал в играх в течение последнего года или около того.

В самом конце сидел высокий лысый мужчина с руками, похожими на сосиски, и небольшим животом. Он представлял собой внушительную фигуру с двумя гигантскими телохранителями по обе стороны от него.

Джозеф Фрэнкс.

Я не видел его со времени суда, на котором давал показания против него и Гюнтера Дарка. Гюнтер был осужден и вскоре после этого убит в тюрьме. Фрэнкс, однако, остался безнаказанным, хотя я сказал присяжным, что он приказал убить всех в комнате.

Джон Пол шел впереди, пока мы двигались к Фрэнксу и его группе.

— Себастьян, — сказал Фрэнкс холодным голосом, когда мы приблизились, — давно не виделись.

Я кивнул, взял его протянутую руку и сделал глубокий вдох.

— Мистер Фрэнкс, — сказал я. Мы пожали друг другу руки, опустили их и мгновение смотрели друг на друга.

С такими парнями, как Фрэнкс, все дело было в эго. Все сосредоточилось вокруг того,

кто был дальше всех в его заднице в любой момент времени. Я совершил немислимое и осмелился перечить ему.

Впервые я подумал, что, возможно, меня обманули. Возможно, он просто заманил меня сюда, чтобы убить, но как только эта мысль пришла мне в голову, я понял, что это неправда. Если бы он хотел моей смерти, то просто назначил бы цену за мою голову, и, в конце концов, кто-нибудь ее забрал бы. У него не было бы никакой необходимости проходить через сложный заговор или вовлекать всех этих людей, если бы его целью была моя смерть.

Он прищурил глаза и наклонился ко мне поближе.

— Ты был плохим мальчиком, мистер Старк.

Я сглотнул.

— Да, знаю, что был, — тихо сказал я. — Очевидно, это была ошибка.

— Ошибка из-за того, что ты пытался сделать, — спросил он, — или потому, что это не сработало?

Я сделал долгий, медленный вдох. На его вопрос определенно был правильный ответ и неправильный, но слова, которые он хотел услышать, были не совсем очевидны.

Я решил быть честным.

— То, что это не сработало, — сказал я.

Он засмеялся, положил руку мне на спину и повернулся к одному из громил рядом с ним.

— Ты слышал это, Натаниэль? — сказал он. — Вот человек, который даст тебе знать, где твое место.

— Да, сэр!

— Не смей «да сэрать мне», ты, маленький говнюк, — заорал он так громко и без предупреждения, что мне пришлось сделать шаг назад. — Ты не можешь осыпать меня любезностями, когда забираешь себе мою прибыль!

Мгновение спустя раздался выстрел, и Натаниэль упал на пол у ног Лэндона. Пока у меня звенело в ушах, Фрэнкс убрал пистолет обратно в кобуру на боку и повернулся ко мне.

— Он пытался поиметь меня в прошлом году, — сказал Фрэнкс, пожав плечами. — У него был единственный шанс, но он снова попытался провернуть это дерьмо. Ты понимаешь, о чем я говорю, Старк?

Я посмотрел в его стальные глаза и кивнул.

— Да, понимаю, — сказал я. — Я не проблема для тебя.

— Хорошо! — сказал он, снова расплываясь в улыбке. — А теперь позволь мне начать эту вечеринку.

Слегка потрясенный, но не в силах этого показать, я немного отодвинулся и наблюдал, как тело вытаскивали из задней двери амбара. Лэндон посмотрел на меня, и на мгновение мне показалось, что я увидел облегчение в его глазах, но, вероятно, это были просто галогенные лампы, свисавшие с потолка и игравшие с моим восприятием.

Я стоял в стороне от группы Фрэнкса и проверил последнюю группу мафиозных группировок из Чикаго — Ринальдо Моретти и его команду. Их было несколько, включая трех телохранителей и женщину, которая, должно быть, являлась его дочерью Луизой. Парень с Ринальдо Моретти был интересным. Стройный, жилистый и высокий, он больше походил на школьного учителя, чем на человека, замешанного в организованной преступности. Я был слишком далеко, чтобы слышать, о чем они говорили, но, что бы это ни было, Моретти продолжал пристально смотреть на него. Однако я не обратил на это особого

внимания — мое внимание было сосредоточено на другом человеке, стоявшем рядом с ним.

Эван Арден.

Я знал его и по фотографии, и по нашей короткой встрече на пляже. Он стоял рядом с Моретти по стойке смирно, сцепив руки за спиной. Под его рукой висела наплечная кобура, но она была пуста. Судя по его виду, я был почти уверен, что ему не понадобилось бы оружие, если дело дошло бы до драки. Он был не моего роста, но хорошо сложен — худощавый, но мускулистый. У меня было такое чувство, что, где бы он ни прятался, все равно продолжал тренироваться.

В отличие от меня.

Я вспомнил инструкции Лэндона о том, чтобы сделать все возможное, чтобы заморочить голову Ардену. Подумал о том, как он выглядел, когда стоял на коленях со связанными за спиной руками, когда парню рядом с ним выстрелили в голову. Он был военнопленным, и я задавался вопросом, может ли упоминание о видео сбить его с толку или это было то, что он достаточно часто слышал. Я подумал о том, что еще мог бы ему сказать.

Не гребаная скороговорка, это уж точно.

Фрэнкс позвал всех в комнату, и все шесть семей собрались вокруг большого стола в центре амбара. Три семьи из Чикаго, из-за которых мы все здесь собрались, сидели как можно дальше друг от друга. Гэвино Греко и Ринальдо Моретти я знал по множеству турниров, но двое русских парней не были людьми, которых я видел до сегодняшнего дня. Игорь Северинов и другой, Сергей Дыталов.

Шестеро участников, включая меня, сидели рядом со своими боссами. Я был между Фрэнксом и Лэндоном. Джон Пол стоял в стороне и внимательно наблюдал, как Фрэнкс начал собрание.

— В этот раз будет немного по-другому, господа, — сказал Фрэнкс.

Мария Хилл, лидер группы Лос-Анджелеса, сидела в дальнем конце стола и подняла бровь, посмотрев на него.

— И дамы, — сказал он с улыбкой.

— О, нет, — сказала она саркастически, — я просто посижу здесь и буду выглядеть красиво для тебя, как тебе это? Не слишком вероятно, да?

Фрэнкс проигнорировал ее и ее тон.

— Каждый из вас будет с оружием в руках, — сказал он, — оружием, выбранным вашими боссами, и тем, которое вы доказали, что наиболее эффективно используете.

Было необычно начинать турнир вооруженным, но не неслыханно. Много случаев, когда на турнирных площадках можно было найти оружие, но быть сразу с ним, никогда.

— У Ардена будет огнестрельное оружие по его выбору, — сказал Фрэнкс, просмотрев список перед ним. — Дыталов, три метательных ножа Кунаи и боевая группа Буссе.

Он остановился и посмотрел на темноволосого мужчину рядом с русской группой.

— Что бы это ни означало, черт возьми, — добавил он.

— Хочешь, чтобы я пошел за ними и показал тебе? — вызвался Эрик Дыталов.

— Закрой свой рот, — сказал Северинов, — или я закрою его за тебя.

— Охотник будет вооружен луком в дополнение к пистолету, — сказал Фрэнкс, — а у Жницы будут кастеты.

Он посмотрел на женщину, сидевшую рядом с Чемберсом.

— И это все?

— Мне больше ничего не нужно, — ответила она.

Охотник рассмеялся.

— У меня есть кое-что еще, что тебе нужно.

— Принеси это сюда, — бросила она вызов, сверкнув темными глазами. — Я покажу тебе, что могу с этим сделать.

— Достаточно, — тихо сказал Чемберс. Этот парень всегда был крут, даже в прошлом, когда я только вышел из игры с кровью его парня на мне. Он отдавал свои деньги с легкой улыбкой, не сказав ни слова.

— У Тайрона Чимса будет множество тупых предметов, а мистер Себастьян Старк...

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Мистер Старк возьмет единственное оружие — удавку.

Ни пистолетов, ни ножей, ничего, кроме гребаного куска проволоки.

Может быть, он действительно хочет, чтобы я проиграл.

В группе послышалось несколько шепотков, прежде чем Фрэнкс продолжил.

— Ваше местоположение, — сказал Фрэнкс, — остров Букингем на канадской территории Нунавут. Это настолько недружелюбное место, насколько вы можете себе представить, но нам не нужно беспокоиться о том, что вы столкнетесь с туристами. Остров протяженностью около шести миль, и вас высадят вокруг льдин на южной стороне.

— Это будет быстро, — прокомментировал Греко. — Все замерзнут до смерти, если это займет слишком много времени.

— Верно, — сказал Фрэнкс. — Считайте, что это дополнительный стимул прекратить воевать со своими соседями.

Греко сверкнул глазами, но больше ничего не сказал.

— Некоторые виды оружия плохо работают на холоде, — заметил Эван Арден.

Я внимательно наблюдал за ним. В его глазах не было беспокойства, он просто констатировал факт.

— Тогда тебе лучше иметь запасной план, мистер Арден.

Я не видел никакой реакции в глазах наемного убийцы Моретти. Он был совершенно спокоен и ничего не выражал. И Охотник, и Жница улыбнулись противными маленькими улыбками в его сторону, но Ардена, похоже, это тоже не тронуло.

Трахните меня. С ним будет нелегко.

Я обдумал место боя и понял выбор оружия для себя. Во-первых, я чертовски эффективно душил людей в прошлых играх. Более того, для этого не потребуется никакого дополнительного или сложного оборудования — ничего, что могло бы дать осечку, никаких болтов, которые можно было бы потерять, и никакой возможности заклинивания на холоде. На самом деле, это было почти идеальное оружие в таких экстремальных условиях. Я мог бы использовать его без потери ловкости, которую другие испытали бы через перчатки и тяжелую одежду.

Может быть, Фрэнкс все-таки хотел, чтобы я победил.

Я оглядел стол, чтобы увидеть реакцию остальных на это место. Русские казались довольными, Моретти и Греко — раздраженными, Чемберс — невозмутимым, а Хилл — совершенно взбешенной.

— Полярный круг? — спросила она. — В самом деле? Это твоя лучшая идея для игр? Я имею в виду, что система наблюдения не будет работать на слишком большом расстоянии, что означает — мы все отморозим себе задницы. О, и давайте не будем забывать о мальчике-

серфере.

Она указала на Тайрона.

— Он потеряет свой загар во время поездки.

Раздалось несколько смешков, когда темнокожий мужчина посмотрел на своего босса и поднял бровь.

— Она права насчет наблюдения, — заметил Моретти. — Как сказал мистер Арден, оборудование имеет тенденцию выходить из строя в экстремальных условиях.

— Все принято во внимание, — пренебрежительно сказал Фрэнкс. — Вы найдете наше жилье самым приятным, пока остаетесь в помещении, и можете быть спокойны относительно механических неполадок — мы привезем только лучшее. Система предназначена для работы в окружающей среде.

Боссы еще несколько раз поворчали, но Фрэнкс быстро и эффективно ответил на все их вопросы. Я слышал Лэндона в его словах и решил, что они все это отрепетировали. Лэндон был специалистом по планированию, и он не позволил бы ни одному вопросу остаться без ответа.

Собрание подошло к концу, когда каждому из боссов вручили зашифрованную флешку со всей соответствующей информацией на ней. Фрэнкс и Лэндон отошли в дальний конец амбара, чтобы что-то обсудить. Охотник, прищурившись, наблюдал, как Джон Пол тихо подошел к Жнице сзади и наклонился к ней, чтобы заговорить. Однако я не мог слышать их слов, да и мне было все равно.

Мои мысли занимал мой главный противник.

Последовав инструкциям Лэндона, я проигнорировал других бойцов и направился к Ардену. Он стоял рядом с Ринальдо Моретти, пристально смотрел на мужчину и время от времени кивал головой. Я стоял немного в стороне от них, когда они закончили свой разговор, но был достаточно близко, чтобы услышать его конец.

— ...окажет влияние на оружие. Гористая местность также увеличивает вероятность схода лавины, когда я выстрелю.

— Я могу спросить, — сказал Моретти, — но думаю, что уже все готово.

— Он сделал это намеренно, чтобы дать себе больше шансов, — ответил Арден.

— Возможно, — согласился Моретти, — но сейчас с этим ничего не поделаешь. Так и должно быть, сынок.

Я обратил внимание на то, как Моретти обратился к Ардену, и посмотрел на них обоих немного внимательнее. Моретти был невысоким и коренастым, в то время как Арден — высоким и мускулистым. У него были голубые глаза, у Моретти — карие. У Ардена светло-каштановые волосы, коротко подстриженные по бокам головы на военный манер, и небольшая, растрепанная бородка, но у Моретти не было достаточно волос, чтобы определить, какого цвета они могли быть в его юности. Я не видел никакого сходства, но это не всегда имело значение.

— Я понимаю, сэр, — ответил Арден.

Моретти встал и направился к группе, в которую входили Фрэнкс и Лэндон, а я воспользовался возможностью поговорить с Арденом. Он поднял глаза, когда я подошел, его лицо было таким же пассивным, как и во время встречи.

— Мистер Старк, — вежливо ответил он. Затем встал и протянул мне руку, чтобы пожать ее, и снова сел за стол.

— Я действительно не вижу Моретти человеком-птицей, — сказал я и сел напротив

него.

Арден посмотрел на меня, и я увидел, как он подавил легкую ухмылку.

— Ринальдо больше, чем кажется, — сказал он. — Как и многих людей в этой комнате, недооценивать его обычно являлось ошибкой.

— Ты ведь на самом деле не его ребенок, не так ли? — спросил я.

— Не по крови, — просто сказал Арден. — Не то, чтобы это имело значение.

Я медленно кивнул. Его преданность была установлена, в этом не было никаких сомнений. Он явно не был тем, кто собирался наброситься на своего босса. Он ввязался в это не из-за крови или денег, а из-за более глубокого чувства преданности.

— Ты все еще думаешь, что я фазан, которого можно ощипать?

Арден уставился на меня, его лицо ничего не выражало. Я видел, как его грудь медленно поднималась и опускалась, как будто он сосредоточился.

— Я думаю, что, в конце концов, все сведется к нам с тобой, — сказал он. — После чего это не более, чем вопрос воли.

Он быстро оглядел меня.

— И цели, — добавил он.

— Ты думаешь, тебе этого будет достаточно? — спросил я.

— Более чем, — ответил он. В этом заявлении не было никакой бравады, он просто думал, что это факт. Арден не сомневался в своих способностях, и мне нужно было вывести его из игры.

— Это не уберегло тебя от вражеских рук в прошлом, — сказал я, пожав плечами. — Мне кажется, у тебя есть привычка позволять людям набрасываться на тебя.

Его взгляд напрягся, но лишь слегка и ненадолго. Я надеялся на более сильную реакцию, но, честно говоря, не привык играть в игры разума. Любая реакция этого парня казалась победой.

Арден встал, сделал два шага, чтобы обойти стол, и слегка наклонился, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Я слышал, ты борешься за ребенка, — тихо сказал он. — Может быть, когда закончу с тобой, я всажу пулю ему в череп, как и его матери.

Мгновенно мои руки сжались в кулаки. Как только это произошло, во мне больше не осталось контроля. Я замахнулся на него, коснулся его челюсти и отправил в полет назад. Секунду спустя вскочил на ноги и бросился на него, но это было все, что потребовалось двум головорезам Моретти, чтобы схватить меня за руки и попытаться удержать.

Это не сработало.

Я вырвал одну руку из хватки парня справа от меня и использовал ее для удара по левому достаточно сильно, чтобы заставить его отпустить. Затем направился обратно к Ардену, который лежал на полу и потирал подбородок, но снова начал вставать. Другая рука схватила меня, но я не мог стряхнуть ее.

— Остановись, — голос Лэндона ясно прозвучал в моей голове еще до того, как я понял, что это он удерживал меня. Джон Пол был с другой стороны и говорил мне, чтобы я успокоился, что для этого будет время и место, но не здесь и не сейчас.

— Ублюдок, — прорычал я.

Я стряхнул их обоих с себя, хотя Джон Пол держал руку на моем плече даже тогда, когда я топал к двери амбара. Но я не успел далеко уйти. Мгновение спустя Лэндон стоял передо мной, преградив мне проход.

— Просто дай мне обратиться отсюда к чертовой матери! — зарычал я.

Лэндон сверкнул глазами, и я почувствовал, как кто-то еще подошел ко мне. Быстро обернулся и обнаружил, что смотрю на очень разгневанного Джозефа Фрэнкса.

Бл*дь.

— Ты заходишь слишком далеко, — прорычал Фрэнкс мне на ухо. — Возможно, ты сейчас мне и нужен, но не делай больше ничего подобного, или я вышибу тебе мозги и найду себе другого бойца.

Я не был уверен, была ли угроза серьезной или нет, но не собирался рисковать тем, что он блефовал. Все, что я сказал, может быть использовано против меня, Рейн и моего сына в любое время. Решив пойти на покаяние, я посмотрел на землю, затем снова на него.

— Знаю, — сказал я, — я понял. Ни о чем, бл*дь, не беспокойся — я уберегу всех этих ублюдков.

— Это больше похоже на то, что я хочу слышать, — сказал он с улыбкой. Это не коснулось его глаз, но, по крайней мере, стоило усилий.

Я решил, что лучше всего убраться как можно скорее, и Джон Пол проводил меня до двери обратно к своей машине.

— Ты, бл*дь, сошел с ума, — сказал он, завел двигатель и начал объезжать другие машины. — Это было очень глупо.

— Пошел ты, — пробормотал я. Мне было известно, что он был прав, но я не собирался этого признавать. Просто хотел вернуться домой, к Рейн. Откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и притворился, что спал остаток пути до Майами.

В этом не было никаких сомнений — Эван Арден был моей главной заботой. Остальные должны были пасть быстро и легко, либо передо мной, либо перед Арденом. Пара из них, вероятно, убрали бы друг друга, что меня вполне устраивало. Я не считал осколки, значение имела только победа.

Последний герой.

Как он и сказал, все будет зависеть от нас двоих. Когда это произойдет, все будет зависеть от того, кто кого найдет первым — мои руки или его прицел.

К сожалению, он уже однажды напал на меня на пляже. Я не мог допустить, чтобы это повторилось снова. Этого бы не случилось, если бы я был начеку. Я не собирался терпеть неудачу в этом отношении, когда дело дойдет до турнира. На кону стояло слишком многое.

Если он серьезно собирался преследовать Алекса...

Мне было интересно, есть ли ему тоже что терять, или, скорее, кого. Почему-то я в этом сомневался. Он не походил на типа с отношениями, и я не мог представить, чтобы какая-нибудь цыпочка влюбилась в парня, который был таким холодным, таким пустым. Да, в прошлом я убил больше, чем несколько человек во время турниров, и я собирался сделать это снова по уважительной причине, но он убил гораздо больше людей, пока служил Моретти и его семье. Какая девушка стала бы мириться с этим?

Ну, Рейн терпела мою задницу, так что, наверное, это было возможно.

В конечном счете, это не имело значения. Даже если бы у него был кто-то, о ком он заботился, я не мог бы использовать это в своих интересах — не сейчас. Игры были назначены, территория выбрана, и все, что сейчас меня ожидало — это подготовка к бою. Как только это было объявлено, никому не разрешалось вмешиваться в шансы того, какой игрок выиграет.

Мое направление было ясным. По крайней мере, сейчас Эван Арден не беспокоил меня.

Меня окружают лед и снег. Я взбираюсь по отвесному склону скалистого утеса, когда ветер пытается сдуть меня с края. Поднимаю руку и нахожу опору на скалах наверху. Когда подтягиваюсь, то слышу, как раздается выстрел.

На другом конце плато я вижу тело. Бросаюсь к нему, но знаю, что уже слишком поздно.

— Рейн!

Что она здесь делает? Она не должна быть где-то рядом с боями...

Я опускаюсь на колени и тянусь к ее холодной руке. Она не двигается. Звук хруста снега под ногами привлекает мое внимание, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть дуло винтовки, направленное мне в лицо...

Я проснулся в холодном поту со сдавленной грудью. В какой-то момент ночи я откатился от Рейн и оказался на другой стороне кровати. Но я быстро исправил это, свернувшись калачиком рядом с ней и крепко прижав ее к своей груди. Закинул ногу на ее ногу и просто держался за нее. В течение нескольких минут только тяжелое дыхание и многократные повторения для самого себя, что она находилась в безопасности и в тепле.

Сон, не реальность.

Это казалось реальным. Действительно чертовски реальным. Я боролся с неудержимой дрожью, но мне все же удалось успокоиться и осмотреть Рейн, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

Конечно, она была в порядке. Все это было в моей гребаной голове. Когда я достаточно расслабился и позволил себе отпустить ее, то вышел на балкон покурить. Дым наполнил мои легкие, а никотин расслабил разум. Алкоголик внутри меня пытался сказать мне, чтобы я немного выпил и успокоился, но я велел ему отвалить.

После того, как посмотрел ей в глаза, когда Рейн застала меня пьяным, я ни за что не собирался снова ставить себя в такое положение, чтобы вызвать это особое выражение на лице Рейн.

Я выкурил полторы сигареты, прежде чем вернулся внутрь. Быстро принял душ, чтобы смыть с себя кошмар и сигаретную вонь, а затем забрался обратно в постель. Не думал, что снова засну в ближайшее время, но я был доволен тем, что просто обнимал Рейн и говорил себе, что с ней все в порядке.

Я позабочусь о том, чтобы она оставалась в порядке.

Когда наступило утро, я ничего не сказал ей о своем кошмаре. Она, вероятно, все равно знала, потому что я выглядел дерьмово всякий раз, когда не спал большую часть ночи. Рейн также приготовила очень большой кофейник с кофе, когда вошла на кухню, но не спросила, почему я не спал. Она знала, что я скажу ей, когда буду готов.

Хотя и не думал, что когда-нибудь буду готов снова думать об этом.

Я закончил завтракать и поставил посуду в раковину, чтобы она немного отмокла. Рейн подошла сзади и обняла меня за талию, пока я стоял у раковины, и я повернулся к ней лицом.

Она протянула руку и провела пальцами по моим спутанным волосам.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Конечно, — сказал я. Не думал, что она купится на это, но я пытался держать себя в

руках. Мне все еще нужно добраться до пляжа этим утром, а было уже поздно. Даже если бы я был склонен говорить, это означало бы отложить мою утреннюю пробежку.

— Вздремни, если хочешь, — предложила Рейн.

— Пока ты нависаешь надо мной? — ответил я с улыбкой. — Ни за что.

Она обвила руками мою шею, когда я наклонился и поцеловал ее. Поцелуи перешли в ласки, и вскоре мы уже направлялись обратно в спальню, а наша одежда была разбросана по полу.

Я попятился к кровати, и Рейн толкнула меня в плечи, пока я не оказался на спине. Она перелезла через меня и прижалась губами к моим. Я провел руками по ее голой попке и потянул вниз, чтобы прижать ее сердцевину к своему твердому члену.

Рейн качала бедрами, прижимаясь ко мне, и я выгнул спину, чтобы усилить трение. Мы продолжали глубоко целоваться и двигались вместе, а руками Рейн скользила по моей груди и животу, послав мурашки по моей коже. Когда она немного приподнялась и прервала поцелуй, то тяжело дышала, и я больше не мог ждать, схватил свой член и направил его внутрь нее. Она резко выдохнула, когда ее тело обхватило меня, и в течение долгого мгновения она просто оставалась там, балансируя и положив руки мне на грудь.

Рейн медленно опустилась на меня сверху, и я был рад этому. Сел и взял ее бедра в свои руки, приподняв и опустив на себя. Под таким углом мы могли смотреть прямо в глаза друг другу, и я чувствовал ее внутри себя так же сильно, как чувствовал себя внутри нее.

Наши рты соединились, а языки сплетались, пока мы двигались вместе. Рейн крепко обняла меня за плечи, прижалась губами к моим губам и тихо застонала в такт нашему ритму. Я протянул руку и обхватил одну из грудей Рейн, слегка приподняв ее, когда потер сосок большим пальцем.

Она застонала громче, и я обхватил другой рукой ее за талию, повернул нас обоих и приземлился на нее сверху. Рейн ахнула, когда я снова вошел в нее, быстро и глубоко. Я удерживал себя внутри нее и наслаждался ощущением, когда она потянулась и обхватила меня за спину. Поэтому прикусил кожу ее шеи и снова начал двигаться.

На какое-то время я мог притвориться, что за пределами кровати не было ничего, что угрожало бы причинить вред кому-либо из нас. Если бы я закрыл глаза и прислушался к шуму прибоя, доносившемуся через окно, то мог бы представить, что мы на нашем изолированном острове, вдали от всего остального.

Я медленно двигался внутри нее и мечтал, чтобы это чувство длилось вечно. Слушал прерывистое дыхание Рейн и чувствовал биение ее сердца под своей рукой. Вновь обхватив ее грудь ладонью, пососал сосок, а затем переключился на другой. Рейн схватила меня за затылок и выгнула спину, чтобы снова и снова отвечать на мои толчки.

Это был рай.

Я хорошо знал ее тело и прекрасно понимал, что она долго не протянет. Когда лицо Рейн порозовело от желания, я провел тыльной стороной пальцев по ее боку, протянул руку между нами и гладил ее, пока она не начала задыхаться и извиваться подо мной. С моими пальцами, прижатыми к ее клитору, Рейн раскачивалась, стонала и кричала, распадаясь на части. Я скользнул рукой вверх по ее боку и плечу, прижался к ней и быстро рванулся вперед. Она снова вскрикнула, и я повторял это движение снова и снова, пока у меня не закружилась голова от ощущений внутри.

Мои ноги начали дрожать, а руки тряслись от напряжения. Изо всех сил стараясь не упасть, я ускорил темп. Мое тело содрогнулось, и я застонал, когда глубоко заполнил ее и

рухнул на нее сверху. С минуту я тяжело дышал ей в плечо, пока собирался с силами, а затем перекатился в сторону, чтобы не раздавить ее. Заключил ее в объятия и притянул к себе.

— Ты чертовски феноменальна, — сообщил я ей.

Рейн хихикнула.

— Ты и сам не так уж плох, — сказала она, — если не считать того, что чуть не раздавил меня после.

— Тебе это тоже нравится, — сказал я. — Ты знаешь, что скучала бы по этому, если бы я этого не делал.

— Возможно, — признала она, положив голову мне на плечо.

Согревшись и успокоившись в ее присутствии, я пару минут гладил ее по спине. Когда мы были такими, все было просто в обугленном мире моей головы.

Рейн повернула лицо, чтобы посмотреть на меня.

— Мне страшно, — прошептала Рейн.

— Не бойся, — сказал я и крепче обнял ее. — Я с тобой.

— Я больше боюсь за тебя, чем за себя, — призналась она. — Ты можешь пострадать, или... или...

— Ш-ш-ш, детка. — Я притянул ее к себе. Ее расстроенный вид разрывал меня изнутри, заставив пожалеть, что вообще ей рассказал. Если бы я не напился, может быть, смог бы избежать того, чтобы она проходила через это.

Я такой засранец.

— Со мной все будет в порядке, — сказал я ей и наклонил ее голову так, чтобы она смотрела на меня. — Я всегда выигрываю.

— Ты не играл много лет, — напомнила она мне. — И был измотан после тренировки с Джоном Полом. Что, если ты не сможешь...

Ее голос затих, и на глазах выступили слезы.

— Со мной ничего не случится, — сказал я ей, пристально посмотрев в ее глаза. — Со мной все будет в порядке. Я собираюсь выиграть этот турнир, а потом мы увезем Алекса так далеко, как только сможем. Лэндон сказал, что это все — они никогда больше ничего от меня не потребуют. Скоро все это закончится.

Я все еще видел сомнение в ее глазах, но она шмыгнула носом и кивнула головой. Хотя я не хотел напоминать ей о нападавших на нее на острове, мне пришло в голову, что это может быть хорошей идеей.

— Помнишь парней на пляже? — спросил я. — Тех, кто преследовал тебя?

Это был довольно глупый вопрос. Не то, чтобы она могла забыть, как на нее напали.

— Да.

— Ты помнишь, что я с ними сделал?

Она слегка вздрогнула. Я видел по ее глазам, что она вспоминала все это — как они подошли к ней на пляже, и Рейн ошибочно подумала, что это спасательная группа. Они схватили ее, и когда я добрался до них на пляже, то забил каждого из них до смерти своими руками. Она была в ужасе, и я ненавидел заставлять ее вспоминать об этом, но мне нужно было, чтобы она вспомнила, на что я был способен.

— Тогда у меня даже не было оружия, — напомнил я ей. — Тогда я тоже много лет не играл в игры. Сейчас я в гораздо лучшей форме, чем был на острове, и на этот раз буду вооружен.

— Чем? — спросила она. — У тебя будет... пистолет?

Я покачал головой.

— Он мне не нужен, — ответил я. — Мне нравится бесшумное оружие. Обычное оружие говорит всем, где ты находишься.

Рейн на мгновение задумалась над этой информацией, прищурилась глазами и наморщив лоб. Она не стала расспрашивать о подробностях, и я был рад этому. Вместо этого она провела пальцами по моей руке, слегка сжав мой бицепс. Я напряг его, улыбнувшись ей в процессе.

Да, детка, я настолько хороша.

Я пошевелил бровями, посмотрев на нее, что заставило ее улыбнуться и покачать головой. Она не отпустила мою руку, и ее улыбка быстро исчезла. Рейн не хотела думать о некоторых вещах, которые я делал в прошлом, но ей казалось более важным знать, что со мной все будет в порядке, чем думать, что меня убьют.

Боль — это совсем другое дело. Мне будет больно, в этом нет никаких сомнений. На турнире было редкостью избежать какой-либо травмы — сломанной кости, неприятного пореза или еще чего похуже. Впрочем, это не имело значения. Остаться в живых было единственным, что важно.

Рейн, очевидно, думала о том же.

— Ты все еще можешь пострадать, — сказала она. — Тебя могут снова порезать.

Она провела рукой по моему боку, обвела некоторые из многочисленных шрамов на моем теле. Некоторые были от ножей, некоторые от кулаков, а другие — от пуль. Моя кожа была разорвана так много раз, что не было смысла пытаться сосчитать шрамы.

— Я буду осторожен, — сказал я ей. — Есть только пять других бойцов, и у меня гораздо больше опыта, чем у любого из них. Некоторые из них даже никогда раньше не соревновались. Меня никто не тронет.

Она, казалось, не была убеждена, поэтому я сел и потянулся к ее запястьям. Притянул Рейн к себе на колени и обхватил ее лицо обеими руками.

— У меня на кону ты, — сказал я ей. — Ты и мой ребенок. Нет ничего, что могло бы помешать мне делать то, что нужно. Ты меня понимаешь? Ничего.

Глаза Рейн немного расширились, когда она посмотрела на меня и обдумала мои слова. На этот раз я, должно быть, сказал что-то правильное, потому что она провела ладонями по моим рукам, пока не сжала оба бицепса.

— Я верю тебе, — сказала она.

Успокоенная моими словами, Рейн положила голову мне на плечо и снова сжала мои руки. Ей все еще это не нравилось, но я не мог винить ее за это.

— Ненавижу это, — тихо сказала она, прижавшись к моей коже.

— Знаю. — Я крепче прижал ее к себе. — Просто сосредоточься на Алексее. Если ты смогла справиться со мной, то сможешь справиться и с ребенком. Я сам практически ребенок.

Этим я наконец-то заставил ее искренне улыбнуться. Она расслабилась рядом со мной, и я поцеловал ее в макушку. Она повернулась, чтобы встретиться с моими губами, и мы нежно поцеловались, когда я обхватил ее лицо рукой.

— Я люблю тебя, — прошептал я, погладив ее по щеке. — Ты — моя жизнь. Я не позволю, чтобы с нами что-нибудь случилось. Клянусь.

На этот раз она приняла мои слова, даже если ей не нравилось, как будет обеспечена ее безопасность. Мы снова легли, и ее голова опустилась мне на грудь. Я откинулся на подушку и закрыл глаза еще на некоторое время. Меня клонило в сон, но солнце, пробивавшееся

сквозь жалюзи, не давало мне уснуть. Я не мог спать днем, даже если совсем не спал прошлой ночью. Впрочем, это не имело значения — я чувствовал себя спокойно, пока она была в моих объятиях, и этого было достаточно для отдыха.

Как бы нам обоим ни хотелось остаться в постели, в конце концов мы встали. Рейн направилась на кухню, пока я натягивал шорты для бега и футболку. Зашнуровал кроссовки, помочился, а затем вышел в гостиную.

Хотя была суббота, и Рейн обычно брала отгул от домашних заданий, она разложила свои учебные вещи аккуратными стопками на диване и кофейном столике. Должен отдать ей должное, несмотря на свои опасения, она четко расставила приоритеты. Поставила перед собой цель и твердо ее придерживалась. Как и я.

Рейн подняла глаза, когда я вошел в комнату.

— Пробежка?

— Да, — сказал я. — Мне нужно продолжать наращивать свою выносливость.

Она слегка съежилась.

Трахните меня.

Я только что дал ей еще одно напоминание о том, что собирался сделать, а это не входило в мои намерения. Не знал, как мне этого избежать, кроме как солгать о том, что я делаю, но она бы сразу же поняла это.

Выдохнув, я подошел к ней и присел на корточки, коснулся ее лица рукой и на мгновение пристально посмотрел на нее. Необходимость успокоить ее удерживала мое внимание там, где оно и должно было быть — прямо в ее сердце. Если бы я мог постоянно держать это в голове, то смог бы это сделать.

— Люблю тебя, — сказал я, коснувшись губами ее губ. — Все будет хорошо.

Она кивнула, показав, что приняла мои слова, даже если не до конца в них верила.

— Я тоже тебя люблю, — сказала она.

Мощь ее ментальной силы, как и всегда, произвела на меня впечатление. Рейн была крошкой физически, но, когда дело доходило до того, чтобы справиться с дерьмом, выходящим из-под ее контроля, она была зверем. И воспринимала все спокойно, даже когда ненавидела каждое мгновение этого.

Мне вспомнилось, как она заботилась обо мне на плоту, когда я страдал от алкогольной абстиненции. И был в такой плохой форме, что она не знала, выживу ли я. Если бы я умер, она осталась бы одна на этом плоту и, вероятно, вскоре погибла бы. Рейн страдала от голода и обезвоживания, не говоря уже о том, чтобы мириться с моими неприятными наклонностями, но справлялась со всем, что на нее обрушивалось. Стойко прошла через все это, и обычно с улыбкой на лице и добрым словом о том, что я лучше, чем думал.

По-своему испорченно, но я хотел поблагодарить Рейн за все, что она сделала и значила для меня. Я готов был провести нас через это единственным известным мне способом — грубой силой и насилием. Это будет некрасиво, но это задача, для выполнения которой я обладал уникальной квалификацией.

Я коротко обнял ее и поцеловал в висок, прежде чем уйти.

Если бы я знал тогда, то держал бы ее дольше.

Нет, если бы я знал, то никогда бы не отпустил ее.

Но неведение — это блаженство, поэтому я спустился по лестнице в кроссовках и направился на пляж, несмотря на то, что было позднее утро и повсюду сновали люди. Несмотря на это я бросил кроссовки в песок и побежал босиком.

Две маленькие рыжеволосые девочки в розовых купальниках подпрыгивали вверх и вниз на волнах и визжали, как чайки. Загорающие работали над своим и без того смехотворно темным загаром, а многочисленные туристы плескались в утреннем прибое.

Я чувствовал себя странно все время, пока бежал по песку, но не мог понять причины, просто мне было не по себе. Пытался стряхнуть это, но что-то в глубине моей головы продолжало говорить, что за мной наблюдали. Мне нужно было сосредоточиться на тренировках и предстоящем турнире, но что-то не давало покоя.

Может быть, моя параноя собиралась загнать меня прямо в психушку, прежде чем у меня появится шанс сразиться. С другой стороны, может быть, Эван Арден был где-то на крыше со снайперской винтовкой, нацеленной мне в череп, решив, что ему все-таки не нужно играть по правилам.

Его угроза в адрес Алекса все еще звучала в моей голове. Я подошел тогда с намерением забраться к нему в голову, и он обернул это против меня быстрее, чем я смог осознать. Это разозлило меня, и я не был уверен, злился ли на него за то, что он это сделал, или на себя за то, что позволил этому случиться, или на Лэндона за то, что он сделал это чертово предложение, которое я пытался провернуть с Арденом.

Если бы он так сильно взволновал меня перед началом турнира, то каким был бы сам бой?

По одной вещи за раз.

Завтра мы отправимся в место, которое Лэндон выбрал для тренировок. Он не сказал, где это, уточнил только, что мне нужно одеться по погоде. У меня даже не было одежды, подходившей для температуры ниже 15 градусов, так что я не знал, какого хрена он ожидал, что я упакую. Это не было похоже на то, что на пляже был отличный магазин, где можно было купить зимнюю куртку.

Я закончил свою пробежку с параноидальным чувством, все еще жившим в глубине моего сознания. Оглядел крыши рядом с пляжем, но этих зданий, достаточно высоких, чтобы скрыть кого-то на их вершине, было в изобилии. Если бы Арден находился где-то там, наверху, я бы никогда его не увидел.

Покачав головой, я взял кроссовки и пошел обратно по улице к зданию кондоминиума. Взглянул на бар, который не был открыт так рано днем, но ряды бутылок за стойкой все еще были видны через окно. Каждый раз, когда я смотрел на них, мой желудок сжимался от выражения лица Рейн, когда она увидела меня, пьяного в стельку.

У меня не было ни малейшего желания когда-либо снова заходить в это место.

Моя уверенность в том, что я справлюсь со всем этим алкоголизмом, заставила меня почувствовать себя немного легче, и ноющее чувство в затылке исчезло, когда я перепрыгивал через две ступеньки, чтобы добраться до нашей квартиры. Я даже насвистывал, когда отпер дверь, вошел внутрь и бросил кроссовки на ближайший коврик.

Внутри было тихо.

Телевизор не был включен. Не было слышно ни звука льющейся воды из ванной, ни звука Рейн, собиравшей белье в спальне.

— Рейн?

Ответом была полная тишина.

Холодный, изнуряющий страх, охвативший меня, не был похож ни на что, что я когда-либо испытывал раньше. Вся кровь в моем теле, казалось, прилила к ногам, и я не мог пошевелиться. Не мог сделать ни шага вперед или назад, и я не мог произнести ни звука,

когда мои глаза осматривали все вокруг.

Учебник Рейн по сохранению Эверглейдс лежал на полу лицевой стороной вниз, его страницы были смяты. На диване лежал маркер, колпачок был снят и прижат к подушке спинки, как будто он туда закатился. Рядом лежала бумага со слабой желтой полоской на полях.

Это были не совсем признаки борьбы, но их было достаточно. Достаточно доказательство, чтобы не оставить у меня никаких сомнений. Она занималась на диване. Никто не звонил в квартиру и не стучал в дверь. Если бы они это сделали, Рейн бы, по крайней мере, положила свою книгу другой стороной вверх, а не уронила ее на пол, и она бы закрыла маркер.

Кто-то удивил ее. Она уронила все, что держала в руках. Теперь ее нет. Ее похитили.

Арден.

*О, бл*дь, бл*дь, бл*дь! Она мертва? Он, черт возьми, убил ее?*

— РЕЙН! — я выкрикнул ее имя, когда снова обрел способность двигаться. Знал, что ее нет, но не мог удержаться, чтобы не проверить каждый уголок в квартире, даже шкафы. Каждый раз, когда прикасался к следующей двери, то был уверен, что найду ее свернувшейся калачиком с пулей в голове.

*Меня здесь не было... Меня здесь не было ради нее... Когда она, бл*дь, нуждалась во мне, меня здесь не было...*

Я обещал оберегать ее.

— *Я с тобой,* — сказал я ей. Теперь она была у кого-то другого, и я не знал, жива она или мертва. Возможная сцена развернулась в моей голове, когда я вернулся в гостиную и посмотрел на ее разбросанные вещи, и у меня внутри все сжалось. Она, должно быть, была так чертовски напугана, а меня здесь не было ради нее.

Я подвел ее.

Я даже не надел кроссовки, когда на полной скорости сбежал по лестнице в гараж, вскочил на мотоцикл и набрал отметку сто двадцать за короткий путь до отеля Лэндона. Наплевав на то, что с ним будет, я бросил мотоцикл на бок, ключи все еще были в замке зажигания, и побежал внутрь, жав на кнопку лифта, пока он не приехал.

Кнопка четырнадцатого этажа пассивно светила мне, когда я мысленно отметил, что Лэндон на самом деле был на тринадцатом этаже. Я раскачивался вперед-назад на ногах, пока во мне бурлил адреналин, и как только двери открылись, побежал по коридору к его комнате.

Дверь была открыта маленькой металлической перекладной, прикрепленной к раме, и я не думал о том, что это может означать, когда ворвался в комнату, где Лэндон сидел за круглым столом и пил из стакана.

— Они, бл*дь, забрали Рейн!

Лэндон просто уставился на меня, его глаза были полны разочарования. Я ожидал от него большей реакции, с учетом того, что такая ерунда определенно могла повлиять на исход игры.

Потом я понял, почему он не удивился.

Я также увидел пистолет в его руке.

Он не был направлен на меня, но Лэндон слегка сжимал его в правой руке, а при отпивал из стакана при помощи левой. Он был так спокоен, мои слова несколько его не удивили.

Если бы Эван Арден или кто-нибудь из другой организации забрал Рейн, он бы разозлился. Это испортило бы шансы на игру, когда игроки турнира имели друг друга перед матчем, что влияло на шансы того, какой игрок выиграет. Это был смертельный поединок, эквивалентный подсчету карт, и этого просто не терпели. Если Лэндон знал и не был расстроен этим, то он также знал, что Рейн не была похищена ни одной из других семей.

Был лишь один верный ответ.

— Она у тебя, — тихо сказал я.

Он кивнул, и я почувствовал, как струйка холодного пота побежала по моей шее сзади. Бросил взгляд на закрытую дверь в спальню люкса.

— Она здесь?

— Нет.

Я оглянулся на него. Его палец все еще лежал на спусковом крючке «Глока», но он не поднимал его. Это было не более чем страховкой на случай, если я решу быть неразумным.

— Почему? — спросил я.

— Ты его разозлил, — сказал Лэндон, пожав плечами. — Ты смутил его тем, что не смог контролировать себя на официальной встрече.

Он наклонился вперед и указал на меня одним из своих пальцев.

— Ты знаешь, как сильно он хотел твоей смерти? — спросил Лэндон.

— На днях или с самого начала?

— Не в самом начале, — сказал Лэндон, покачав головой. — Он любил тебя тогда. Ты заработал ему кучу денег и никогда не попадал в большие неприятности вне турниров. Эта чушь с Джиллиан была началом, а потом ты набросился на него самым худшим из возможных способов. Теперь он решил дать тебе еще один шанс, а ты все испортил.

Рейн у Фрэнкса.

Мне пришло в голову, что в его руках ей на самом деле может быть хуже, чем в руках Ардена.

Святое дерьмо.

— Я извинюсь, — сказал я, едва в состоянии произнести слова в моем сжатом горле.

— Не думаю, что его интересуют твои извинения, — просто сказал Лэндон. — Он хочет, чтобы ты сосредоточился на игре. Хочет быть уверенным, что ты победишь, и не позволить другому дерьму встать у тебя на пути.

— Она не мешает.

— Сейчас нет. — Он продолжал пристально смотреть на меня. Это был вызов и предупреждение. Он, не колеблясь, выстрелил бы в меня, если бы ему понадобилось, но в этот момент он также знал, что я не стану нападать на него. Не тогда, когда я даже не знал, где она была.

— Я хочу ее видеть, — мои слова прозвучали с низким рычанием.

— Нет. — Лэндон откинулся на спинку стула и стал ждать.

Это было оно. Тупик, который я не мог преодолеть. Я чувствовал, как мое сердце колотится в груди, и зарождающиеся во мне гнев и страх угрожали заблокировать все остальные чувства. Я сделал шаг вперед и сжал руки в кулаки.

— Если ты прикоснешься ко мне, то знаешь, что произойдет.

Чтобы подчеркнуть свою точку зрения, он положил пистолет на стол и взял свой стакан правой рукой. Одно этого действия было достаточно, чтобы я понял, насколько чертовски беспомощен был, когда дело касалось его, Фрэнкса и их коварства.

Мне придется убить их обоих, но не сейчас.

— Она жива? — спросил я. Знал, что это так, мне просто нужно было услышать, как он это скажет.

— Очень даже, — кивнул Лэндон. — Присядь на минутку, и позволь мне рассказать тебе, как все изменилось.

В интересах того, чтобы в моей голове не было дырок, я посадил свою задницу на кресло в нескольких футах от Лэндона, опустил голову на руки и попытался нормально дышать.

— Попытка следить за ней — это отвлекающий маневр, — сказал он. — Я не могу позволить тебе отвлекаться, поэтому убрал ее из уравнения. Заказ Фрэнкса просто заставил это произойти немного раньше, чем я планировал. Как бы то ни было, она в полной безопасности — в большей безопасности, чем если бы находилась под твоей опекой, — и на самом деле оказывает небольшую услугу самому Фрэнксу.

Услугу?

Все худшие возможности грозили привести меня в ослепительную ярость.

— Он... ему лучше не...

— Нет, нет, — быстро сказал Лэндон, поняв, как я воспринял его слова, — ничего подобного. Вообще-то она няня.

Няня?

— Алекс?

— Естественно. — Лэндон допил свой напиток и поставил стакан на стол. — На самом деле, похоже, она неплохо ладит с твоим сыном. Интересная женщина — очень спокойная в критические моменты. Понимаю, почему она тебя так привлекает.

Образ Рейн и ребенка — моего ребенка — возник в моей голове и успокоил меня. У них была причина пока оберегать ее, не только потому, что я, бл*дь, кинул бы их, если бы они причинили ей боль, но и потому, что Фрэнкс не хотел иметь дело с ребенком, пока ведет свои игры. Его эгоизм был ее спасением.

Держать их обоих в плену было еще одной причиной, по которой я должен был победить.

Как ни странно, я начал понимать точку зрения Лэндона. Если Рейн будет в безопасности где-нибудь вдали от турнира, мне не придется беспокоиться о ее безопасности до тех пор, пока бой не закончится. Мне не пришлось бы думать о том, что Арден пойдет за ней. Мне не пришлось бы задаваться вопросом, что происходит с моим ребенком, потому что я знал, что она будет заботиться о нем так же, как если бы он был ее собственным.

— Я хочу ее видеть, — повторил я. — Хочу увидеть их обоих.

— В конце концов, — сказал Лэндон. — Прямо сейчас мы направляемся в аэропорт.

Он встал, пересек комнату и полез в портфель, стоявший на столе. Подошел к креслу и протянул мне посадочный талон.

— Куда мы направляемся? — спросил я, посмотрев на него. В посадочном талоне четко указывалось, что рейс направлялся в Нью-Йорк, но я сомневался, что это был наш конечный пункт назначения. Путешествие с Лэндонем всегда включало стыковочные рейсы, чтобы было труднее отслеживать его передвижения.

— Стыковочный рейс в Томпсон, город в Манитобе, — сказал Лэндон. — Там мы сможем тебя должным образом одеть.

Он посмотрел на мои босые ноги.

— Полагаю, нам нужно, по крайней мере, купить тебе какую-нибудь обувь перед отъездом.

Я посмотрел на себя сверху вниз. Если не считать отсутствия обуви, я был одет в шорты и футболку. Конечно, я не был готов к холодной погоде, и нигде в Майами не было магазинов с куртками. Лэндон не хотел больше терять времени, но позволил мне забрать свой мотоцикл. Там, где я его уронил, была большая царапина, но, по крайней мере, его не украли и не отбуксировали.

Я отвез мотоцикл обратно к квартире, а затем зашел внутрь, чтобы взять свои кроссовки. Старался не думать о том, как Лэндон пришел сюда без предупреждения и утащил Рейн, потому что, если бы я думал об этом слишком много, то вернулся бы туда и убил его на парковке. Сомневаюсь, что он дал ей время что-нибудь упаковать, поэтому я бросил несколько предметов первой необходимости для нас обоих в небольшую ручную сумку и взял ее с собой.

Лэндон ждал меня у черного входа, и, не говоря ни слова, мы направились в аэропорт Форт-Лодердейла. Я слепо последовал за Лэндоном, который вел меня через охрану. И был немного ошеломлен тем, как быстро все происходило, мне было трудно просто не сойти с ума. Не успел я опомниться, как мы уже сидели в самолете в креслах первого класса, и одна из стюардесс предложила мне выпить.

Да, я чертовски хочу выпить. На самом деле несколько порций.

— Нет, спасибо, — тихо сказал я, покачав головой.

Лэндон заказал один, *ублюдок*. Я видел по его глазам, что он делал это только для того, чтобы поймать меня. Он, вероятно, думал, что мне полезно проявлять самоконтроль, когда я находился рядом со всем этим. Как только стюардесса отошла, он начал давать мне больше информации о том, куда мы направляемся.

— Мы будем тренироваться рядом с Томпсоном в течение следующих трех недель, чтобы ты мог привыкнуть к боям в более холодном климате. После тренировки мы возьмем несколько небольших самолетов, чтобы долететь до местечка, расположенного на северных территориях. Это недалеко от острова, где будут проходить игры.

— Где Фрэнкс? — спросил я.

— Он присоединится к нам в Томпсоне, — сказал Лэндон.

— А Рейн? — я настойчиво требовал от него дополнительной информации с тех пор, как мы покинули отель ранее в тот день, но Лэндон не дал мне много.

— В конце концов, она будет там, — сказал он.

— Ты должен позволить мне увидеть ее, — сказал я, попытавшись убедить его подчиниться, — или просто поговорить с ней. Мне нужно знать, что с ней все в порядке.

Больше всего на свете я хотел услышать ее голос. Хотел сказать ей, что все будет хорошо и что ей не нужно бояться. Я обещал защитить ее, но уже терпел неудачу в этом отношении.

— В конце концов, — сказал он в миллионный раз.

— Лэндон... — я предупреждающе зарычал.

Он только усмехнулся себе под нос.

— Ты всегда был таким нетерпеливым, — тихо сказал он. — Тебе все еще нужно получить некоторый контроль над этим. Она в безопасности, я уже говорил тебе об этом. На данный момент этого достаточно.

Это было не так. Этого было недостаточно. Мне нужно было самому сказать ей, что с ней все будет в порядке, потому что Рейн не собиралась верить никому другому.

Она может и тебе не поверить, придурок.

— Просто дай мне две минуты поговорить с ней по телефону, — сказал я.

Лэндон бросил мне на колени журнал, полный отличных предложений по покупкам, которые я мог бы получить, не платя пошлины. Я хмуро посмотрел на него.

— Займись чем-нибудь другим, — проинструктировал он. — Не зацкливайся на вещах, которые ты не можешь контролировать.

— Мудак, — пробормотал я. Он явно не собирался сдаваться в этот момент. Я открыл журнал и уставился на какое-то странное приспособление, которое гарантированно научит кошек гадить в туалете.

Самолет начал взлетать. По крайней мере, сейчас я последовал совету Лэндона.

— Когда ты собираешься позволить мне поговорить с ней? — спросил я.

Было чертовски холодно, и мы усердно тренировались в течение трех дней возле крошечного, почти заброшенного старого шахтерского городка под названием Лиф Рапидс. Лэндон сказал, что это недалеко от Томпсона, но это была полная чушь. Нам потребовалось больше трех часов, чтобы добраться сюда. Это было самое непригодное для жизни место, которое я когда-либо видел, а место проведения турнира предполагалось гораздо более отдаленным.

Лэндон вздохнул. Я схватил флягу с почти замерзшей водой и попытался прийти в себя после своей последней прогулки по ледяной земле. Опустившись задницей на пенек у озера, я вытащил из кармана сигарету. Она была слегка помята, но пригодна для использования. Однако мне пришлось вынуть руку из перчатки, чтобы прикурить.

Я задавал один и тот же вопрос, по меньшей мере, дюжину раз с тех пор, как мы начали тренироваться. Меня встречали молчанием или каким-нибудь комментарием о том, что терпение — это гребаная добродетель.

Лэндон поднял на меня глаза, уставился на сигарету, потом перевел взгляд на заходящее солнце.

— Сегодня ты выкуришь последнюю сигарету, — сказал он, — а вечером позвонишь ей.

Я чувствовал себя ребенком в гребаное Рождество. Ребенком с настоящей семьей и настоящими родителями, которым было не все равно, и они позаботились о подарках, завернутых в красную и зеленую бумагу, и тарелке печенья и молоке для эльфа. Такого я никогда не испытывал, но мне хотелось убедиться, что я узнаю, на что это должно быть похоже, чтобы появилась возможность дать все это Алексу.

Я хотел дать ему все.

Знание того, что Рейн была с ним, даже если и против своей воли, заставляло меня чувствовать, что существовала какая-то реальная надежда на будущее. Это заставило меня поверить, что когда все это закончится, мы сможем заставить это работать.

В тот вечер, когда я подбрасывал поленья в дровяную печь, Лэндон подошел ко мне сзади и протянул свой сотовый телефон.

— Пять минут, — сказал он.

Я взял у него телефон и поднес к уху.

— Рейн?

— Бастиан? Боже мой, Бастиан!

— Это я, детка, — ответил я и услышал, как она плачет. — С тобой все в порядке?

— Я в порядке, — фыркнула она.

— Где ты находишься?

— Где-то в Канаде.

— Томпсон?

— Может быть.

Я посмотрел на Лэндона, и он кивнул.

— Я всего в нескольких часах езды отсюда. Все хорошо, детка.

— Этот человек, — шепотом сказала Рейн, — Лэндон... Он пришел в квартиру. Схватил меня и... и...

— Я знаю, Рейн, — сказал я и посмотрел на него. — Знаю, что это он. Но не знал, что он собирается сделать, однако это все, чтобы защитить тебя.

— Защитить меня? — Рейн практически кричала. — Он вытащил меня из здания с пистолетом, прижатым к спине!

Я прикрыл трубку рукой.

— Ты забрал ее под дулом пистолета? — прошипел я.

— Я же не мог вытащить ее оттуда, брыкающуюся и кричащую, правда? — пожал плечами Лэндон.

Я зарычал и вернулся к Рейн.

— Прости, — сказал я, хотя не знал, что заставило меня извиниться за него. — Ему не следовало этого делать. Может быть, если бы он просто *поговорил со мной*, — я повысил голос и многозначительно посмотрел на него, — мы могли бы решить это немного лучше.

Лэндон закатил глаза. Знаю, что он ненавидел, когда я использовал логику против него.

— Теперь ты в безопасности, — сказал я Рейн. — Никто не причинит тебе вреда, обещаю. Они просто следят за тем, чтобы ты не оказалась на линии огня или что-то в этом роде.

— Как ты?

— Я в порядке. Всего лишь отмораживаю себе задницу во время тренировок. Я позабочусь о том, чтобы Лэндон поскорее отвез меня к тебе.

— Так ты с ним?

— Да.

— Ну, скажи ему, что я назвала его гребаным ублюдком.

Если бы я пил, то выплюнул бы все содержимое.

— Я передам сообщение, — ответил я сквозь улыбку.

— Сделай это!

Лэндон дал мне понять, что мое время истекло.

— Мне нужно идти. Я просто хотел, чтобы ты знала, что все в порядке. Алекс ведь с тобой, верно?

— Да, — ответила Рейн, — но не все в порядке, Бастиан.

— Но будет, детка. Обещаю.

Когда Лэндон забрал телефон, я задумался, значили ли еще что-нибудь для нее мои обещания.

* * *

Снег, лед и тренировки; попытки взбираться на скалы пальцами, такими замерзшими, что они едва могли двигаться, не говоря уже о том, чтобы ухватиться за тонкий выступ сквозь перчатки; бежать милью за милей с ледяным воздухом, обволакивающим мои легкие, и ногами, настолько уставшими, что я даже не мог их чувствовать. Очевидно, это было представление Лэндона о развлечениях.

— Был бы ты со мной, когда я проходил обучение на флоте, — сказал он. — Мы отправлялись из таких мест в Карибское море за одну неделю. Я думал, что умру от перепада температуры.

Он рассмеялся.

— Почти уверен, что у тебя не все в порядке с головой, — пробормотал я.

— Вот почему ты мне нравишься, — ответил он. — Мы одинаковые. Давай повторим еще раз, хорошо?

Вдохнув холодный воздух, я кивнул и последовал за Лэндоном по гравийной дороге прочь от деревьев и озера туда, где был припаркован его джип. На обочине дороги, где он припарковался, валялась пара поваленных стволов деревьев, и мы сели на один из них.

— Остров Букингем находится намного выше линии деревьев, — сказал Лэндон, — поэтому не планируй искать деревья для укрытия. Там не так уж много растительности или животных, только несколько лишайников и мхов, но не ешь лишайники — они не принесут тебе никакой пользы.

— Понял. Думаю, это закончится быстро, и я смогу нести все с собой.

— Да, — согласился Лэндон. — Кроме того, тебе придется часто останавливаться и есть. За двадцать четыре часа ты легко сожжешь семь или восемь тысяч калорий, просто от попыток согреться.

Это объясняло, почему я был так голоден каждый день, когда мы были здесь.

— Температура в это время года около минус двадцати, — продолжал Лэндон. Он вытащил из кармана грубо начерченную карту и разложил ее на гравии перед нами. — Она может опуститься до минус двадцати четырех — двадцати шести с холодным ветром. Единственная форма рельефа — гора Виндзор, которая занимает почти весь остров. Это вулканическое образование с глубокими вертикальными гребнями, идущими сверху вниз к льдинам. Они будут твоими лучшими друзьями, когда дело дойдет до защиты от снайпера.

Я осмотрел местность на карте. Это было чертовски скучно — ничего, кроме камня и льда. Я мог видеть хребты, о которых говорил Лэндон, бегущие вверх и вниз по склонам горы.

— Они обеспечат некоторую защиту, — согласился я, — но также и возможность попасть в ловушку. У того, кто выше меня, будет определенное преимущество.

— Может быть, — сказал Лэндон. — Когда дело доходит до чистой силы — будь то сила в твоих руках или сила исключительной огневой мощи — захват высоты даст тебе преимущество. Когда дело доходит до стратегии, это то, что все будут предполагать.

Я откинулся назад и посмотрел на него, почти сразу поняв, что он имеет в виду. За те годы, что я тренировался с ним, мы много раз говорили об этом.

— Мне следует поступить наоборот.

— Это будет неожиданно, — кивнул Лэндон. — Тебе стоит быть там, где другие не подумают. Оставаться скрытым — вот, что принесет тебе победу.

— Понял.

— Я хочу помочь тебе еще кое в чем.

Лэндон встал и направился к своему джипу. Он открыл заднюю дверь и вытащил большую спортивную сумку, которую бросил к моим ногам, прежде чем наклонился и открыл ее.

— Кевлар, — просто ответил он.

Я посмотрел поверх грубой на ощупь черной жилетки.

— Арден, безусловно, человек, способный убить одним выстрелом, — сказал Лэндон, — но это все равно может тебе помочь.

— Он каждый раз стреляет в голову и не часто промахивается.

— Если он это сделает, то это может спасти тебя.

— Это сработает и против ножей Дыталова, — заметил я.

— Да, — согласился Лэндон. — Это также даст немного дополнительного тепла, которое тебе понадобится.

Я скинул парку и надел под нее жилет. Было немного тесно, но я вполне мог двигаться. Если ему удастся уберечь меня от порезов или выстрелов, то это определенно стоило того.

— На этом закончим, — сказал Лэндон, когда я снял жилет. Он положил его в сумку и передал мне.

Я посмотрел на солнце, которое, казалось, не создавало заметной разницы в температуре. Оно было все еще высоко в небе.

— Рановато, нет?

Но я не собирался с ним спорить. И даже собрал свои вещи, чтобы убедиться, что он не передумал. Мы трудились над этим много дней, и моя голова была перегружена. Я даже не был уверен, какой сегодня день...

— Ну, в город ехать долго.

— Мы едем в Лиф Рапидс?

— Нет. В Томпсон. Фрэнкс хочет поболтать, и я подумал, что ты заслуживаешь небольшого вознаграждения за свои усилия.

Двадцать минут спустя мы уже сидели в «Рендж Ровере» Лэндона и ехали по заснеженным проселочным дорогам к шоссе 391. Путь до Томпсона был долгим и без происшествий, отчего казался еще длиннее. Знание того, что Рейн ждала в конце пути, совсем не помогало воспринимаемому течению времени.

Я увижу ее — по-настоящему увижу, поговорю с ней, прикоснусь к ней.

Мы провели врозь не больше нескольких часов с той ночи, когда я вытащил ее на плот, подальше от тонущей шхуны. Находиться без нее было физически больно.

Мы проехали мимо аэропорта, въехали в город с северной стороны, а затем направились на юг через весь город. Лэндон свернул с главной дороги и направился к группе зданий рядом с карьером.

Я нервно вытер руки о штаны. Не был уверен, почему так нервничал, кроме как из-за желания увидеть Рейн. Может быть, потому, что я разговаривал с ней всего один раз с тех пор, как Лэндон вытащил ее из нашей квартиры. Я действительно не знал, как меня примут и через что она прошла с тех пор, как я видел ее в последний раз.

Мою кожу покалывало от этой мысли.

Если на ней будет хоть царапина, кто-нибудь заплатит за нее кровью.

Лэндон объехал вокруг главного здания и припарковался на заднем дворе возле группы построек поменьше. Я выскочил из машины и последовал за ним по гравию к одной из дверей. Здание казалось неохраняемым, но когда я огляделся, то увидел несколько человек с оружием. Они наблюдали за нами, пока мы шли к двери.

Лэндон постучал, и я пошаркал по гравию носком ботинка, пока кто-то не открыл дверь и не впустил нас.

— Мистер Старк, — сказал человек за дверью.

— Здравствуй, Роджер, — вежливо поздоровался Лэндон. — А где Фрэнкс?

— Сзади, — мужчина указал большим пальцем через плечо. — Он ждет Вас.

— Сделай одолжение, — попросил Лэндон, — отведи Себастьяна в другое здание. Он собирается навестить мисс Гейл.

— Конечно. — Роджер протянул руку, пожал мою и повел меня к небольшому зданию позади того, в которое вошел Лэндон. Мое сердце забилось быстрее, когда мы приблизились.

Она там, внутри.

Несмотря на холод, мои ладони начали потеть. Я наблюдал, как Роджер достал ключ и отпер висячий замок с внешней стороны двери.

Интересно, был ли замок больше для того, чтобы держать ее внутри или других снаружи.

Он открыл дверь.

Внутри здание было устроено как маленькая квартира. С одной стороны стояли диван, журнальный столик и телевизор, а слева — кухня-столовая. Прямо от двери вел короткий коридор, и я увидел четыре входа в другие комнаты, предположительно спальни и ванную.

Рейн сидела на диване, одетая в джинсы и длинный синий свитер. Когда дверь открылась, она подняла голову и широко раскрыла глаза.

— Бастиан!

— Оставлю вас, — тихо сказал Роджер, сделал шаг назад, вышел и закрыл за мной дверь.

Рейн почти задушила меня, когда обхватила руками и вцепилась мертвой хваткой. Я крепче обнял ее и зарылся лицом в ее волосы. Почти забыл, как она пахла, и запах ее волос и кожи был невыносим. Я зажмурился и прижал ее к груди, а Рейн обняла меня за плечи и прижала к себе.

— Я здесь, детка, — сказал я ей. — Я с тобой.

Одни только слова, исходившие из моих уст, разжигали раскаленную докрасна ярость по моему телу. Я заскрежетал зубами и сжал руки на ее спине. Подобно священному обещанию, которое я дал ей на спасательном плоту, когда не было никакой гребаной надежды на выживание, я прижал ее к себе и сказал: «Я с тобой». Но когда она действительно нуждалась во мне, меня не было рядом.

— Я так чертовски сожалею обо всем этом, — сказал я.

Она покачала головой у меня на груди.

— Это не твоя вина, — заявила она.

— Вряд ли я так уж невинен, — возразил я. — Мне не следовало ничего рассказывать тебе о своей жизни. Если бы я этого не сделал, возможно, они оставили бы тебя в покое.

— Ты этого не знаешь. Они вполне могли прийти за мной в любом случае. Ты же понимаешь, что они могли бы.

Рейн была права. Даже если бы она ничего не знала о моих связях с организованной преступностью или о смертельных турнирах, в которых я участвовал, чтобы развлечь слишком богатых подхалимов преступного мира, Фрэнкс и его группа все равно могли бы решить, что лучше убрать ее с дороги.

— Я так скучала по тебе, — тихо сказала Рейн.

— Я тоже скучал.

— Мы никогда раньше не расставались. Мне это не нравится.

— Знаю. И ненавижу это.

Снова вдохнул ее запах и пытался заставить воспоминание поселиться где-нибудь в моем мозгу, чтобы я мог держать его при себе. В ее присутствии я чувствовал себя и лучше, и хуже — лучше, потому что мог прикоснуться к ней и быть с ней, но хуже, потому что ее держали пленницей посередине гребаного нигде, в Манитобе.

Я немного отстранился и оглядел ее.

— С тобой все в порядке?

Моя грудь сжалась, пока я ждал ее ответа.

— Да. Немного раздражена всем этим, но со мной все в порядке.

— Тебя никто не обижал?

Я приготовился к ее ответу. Если кто-нибудь дотронулся до нее, я перережу глотки еще до начала турнира.

— Нет. Немного напугали, но никто не причинил мне вреда.

Я вздохнул с облегчением и прижал ее к себе.

— У тебя есть все необходимое? Они дают тебе много еды и всего, что ты хочешь?

— В основном. — Рейн нахмурилась.

— В чем дело? — потребовал я ответа. Если прихвостни Фрэнкса не давали ей что-то, в чем она нуждалась, им придется ответить передо мной.

— Мне не дают доступ в интернет, — вздохнула она. — У меня не было с собой телефона, когда Лэндон появился в квартире, так что я никому не могу позвонить. Не могу дозвониться до своих профессоров, а экзамены на следующей неделе. Я провалю весь семестр.

Учеба Рейн была самой далекой вещью из моих мыслей. Если быть до конца честным, мне было все равно. Она могла бы бросить учебу, и это не имело бы для меня никакого значения. В обозримом будущем не было ничего, что потребовало бы от нее диплома по экологии.

Однако это было важно для нее и явно напрягало ее. Рейн много работала и получала высшие баллы по всем предметам. Хотя, в конечном счете, мне было все равно, но я мог понять, почему она не хотела, чтобы вся эта работа пропала даром.

Это все равно, что построить шикарное убежище из ничего, а потом попросить вертолет увезти тебя подальше от всего этого.

— Я посмотрю, что можно сделать.

— Если бы я только могла связаться с ними и сказать, что я... *нездорова*, может быть, они позволили бы мне закончить работу летом или что-то в этом роде.

Лэндон ни за что на свете не позволил бы ей с кем-нибудь поговорить, но мне пока не хотелось поднимать эту тему. У меня была пара идей, которые, как мне казалось, могли бы сработать.

— Я позабочусь об этом, — пообещал я. — Пока не знаю, как именно, но что-нибудь придумаю.

Рейн кивнула, и я был рад, что она поверила мне на слово. Учítывая, во что я ее втянул, она имела полное право не верить ни единому гребаному слову, слетевшему с моих губ. Я бы не стал ее винить. Даже если бы она поняла, что все это было для ее собственной защиты, это все равно был дерьмовый способ жить, даже временно.

Рейн протянула руку и провела пальцами по моей челюсти.

— А ты как? Спал?

Я пожал одним плечом.

— Я так устаю, что почти валяюсь с ног, как только заканчивается дневная тренировка.

Это была не совсем правда, но мне не хотелось, чтобы она думала, что я вообще не спал. Меньше всего ей нужно было беспокоиться обо мне. Однако это не сработало, и, когда Рейн посмотрела на меня, стало ясно, что она не купилась на это.

— Ночью просыпаюсь от холода, — признался я. — Тянусь к тебе, но тебя нет. После этого я обычно не могу заснуть. Думаю, плюс в том, что не хватает времени на кошмары.

Я слегка улыбнулся ей, надеясь, что она поймет шутку, но Рейн ответила на мой жест.

— Я тоже не могу уснуть, — кивнула Рейн. — Все время думаю о тех случаях, когда просыпалась с тобой практически на мне, и о том, как раздражалась, потому что ты был потный. Теперь я совсем не возражала бы против этого.

— Мне нравится заставлять *тебя* потеть, — сказал я, приподняв бровь.

Рейн прижалась ко мне всем телом и обвила руками мою шею. Я обнял ее за талию, а она прижалась щекой к моей груди и просто стояла так с минуту.

Я посмотрел поверх ее головы и оглядел комнату. На самом деле все было не так уж плохо. Было достаточно просторно, но мне оставалось только гадать, работает ли телевизор здесь, в глуши. Я не мог себе представить, чтобы кто-то взял на себя труд подсоединить для нее кабель.

Рядом с диваном лежала небольшая кучка Лего.

— Бастиан, — тихо сказала Рейн, посмотрев мне в лицо, — тебе нужно кое с кем встретиться.

— Алекс?

Я с трудом сглотнул, продолжив смотреть на пластиковые детали.

— Он в другой комнате, — сказала она, указав на одну из дверей дальше по коридору.

Я кивнул и ослабил хватку, глубоко вздохнул и хотел отойти, но Рейн схватила меня за руку.

— Бастиан?

— Да?

— Он *потрясающий*.

То, как загорелись ее глаза, сказало мне все. Она уже любила его и любила глубоко.

Я не стал больше ничего спрашивать, а сделал несколько шагов к двери спальни. Внутри стояла двуспальная кровать и небольшой комод из темного дерева, а также неподходящая тумбочка с маленькой лампочкой в форме черепахи. В углу стояла книжная полка, уставленная книгами «Доктор Сьюз» и «Капитан подштанник». На полу перед книжной полкой лежала дюжина или около того книг с несколькими фигурками героев «Звездных войн».

В центре беспорядка в комнате за маленьким пластиковым столиком сидел светловолосый мальчик. Стол был завален мелкими, фломастерами и цветными карандашами, а мальчик склонился над листом бумаги и что-то лихорадочно строчил. Он не поднял головы, поскольку был полностью сосредоточен на своей задаче.

Несколько минут я просто наблюдал за его работой и изучал все, что мог о нем узнать. Алекс был правшой, и даже с учетом того, как он наклонился, я мог сказать, что его глаза точно соответствовали моим. Было что-то в том, как он наклонился к своей работе, и в напряженном выражении его лица, что тоже было очень знакомо.

У меня не было никаких фотографий с тех пор, как я был ребенком. Очевидно, никто из моих приемных родителей никогда их не делал, а если и делал, то не давал мне. Я никогда не задумывался над тем, как выглядел тогда, но теперь знал. Я представил себя шестилетним ребенком, сидевшим за этим столом в такой же комнате, как эта.

У меня не получалось разглядеть рисунок, который рисовал Алекс, и когда я сделал шаг вперед, чтобы получше рассмотреть его, мальчик посмотрел на меня. Мгновение мы молча смотрели друг на друга. Он склонил голову набок и изучал меня, и я понял, что делал то же самое, что и он. Мальчик опустил взгляд на мои ноги, а затем снова поднял его на мое лицо.

— Ты высокий, — сказал он.

Я усмехнулся. Открыл было рот, но понял, что фраза, сформировавшаяся в моей голове, включает в себя бл*-бомбу, что, вероятно, было бы не очень хорошей идеей. Я быстро подумал о чем-то другом.

— Может, это ты невысокого роста, — предположил я.

Алекс посмотрел на меня и выпустил долгий преувеличенный вздох, вскинув руки в воздух.

— Мне всего шесть. Когда-нибудь я стану больше.

— Держу пари, ты будешь такой же большой, как я, когда вырастешь.

Он склонил голову набок и пристально посмотрел на меня.

— Может быть, — сказал он и вернулся к своему рисунку.

— Что делаешь?

— Рисую.

— Что?

— Тебя.

Мое сердце подпрыгнуло, а грудь сжалась. На мгновение у меня перехватило дыхание.

— Меня?

Он кивнул и вернулся к раскрашиванию.

Я прошел остаток пути в комнату, чтобы получше рассмотреть. На рисунке определенно был изображен человек, но я не был уверен, что кто-то подумал, что это я. Голова фигуры была такой же большой, как и его тело, а ноги Алекс обтянул красными шортами. Руки были похожи на большие воздушные шары, а кисти — на маленькие круглые шарики с пятью крошечными палочками, выходящими из них.

Я не мог не улыбнуться.

— Откуда ты знаешь, что это я?

— Вот, — сказал Алекс, указав на синие точки на огромной голове. — У тебя глаза того же цвета, что и у меня. Так сказала Рейн.

— Она так сказала, да?

— Угу.

Интересно, что еще она ему рассказала?

Я отодвинул еще один стул с другой стороны стола и сел рядом с Алексом. Моя задница едва помещалась на сиденье, и я немного боялся, что он сломается под моим весом. Немного поерзав, я решил, что стул, по крайней мере, удержит меня какое-то время, и посмотрел на простой лист бумаги для принтера, разрисованный мелками.

— Что это такое? — спросил я, указав на пару предметов у ног фигуры.

— Гантели, — он поднял голову, и его взгляд скользнул по моим рукам. — Ты много тренируешься. Вот почему у тебя такие большие мышцы.

Он указал на руки-шары.

— Что ж, в этом есть смысл, — ответил я.

Мы сидели молча, а Алекс продолжал рисовать. Я понимал, что должен сказать что-то еще, но не знал, что именно. Не был рядом с детьми с тех пор, как сам был одним из них, и понятия не имел, как с ними общаться. Он явно что-то знал обо мне, но как далеко простиралось это знание, оставалось загадкой.

Знал ли он обо мне только через Рейн или Джиллиан тоже поделилась информацией? Если она это сделала, то что сказала?

Я был совершенно потерян, поэтому решил, что лучше всего будет придерживаться чего-то простого.

— Хороший рисунок, — сказал я наконец.

Он перестал рисовать и посмотрел на меня, наморщив лоб и слегка прищурился.

— Теперь ты будешь моим отцом?

Что бы ему ни говорили, этого было достаточно, чтобы понять кое-что из происходящего. Мне хотелось спросить его, что он знает обо мне и о смерти его матери, но я не мог заставить себя изменить направление разговора. Это был первый раз, когда мы увидели друг друга, и я не собирался все испортить.

— Мне бы этого хотелось, — сказал я.

— Ладно. — Он снова повернулся к рисунку и начал рисовать вторую фигуру. Этот человек был меньше, чем мое изображение, без надутых рук, но с такими же синими точками вместо глаз.

— Кто это?

— Я, — сказал Алекс, пожав плечами. — Если ты собираешься стать моим отцом, я тоже должен быть в кадре.

— Думаю, в этом есть смысл, — кивнул я. — А кто-нибудь еще будет в кадре?

Он приложил кончик карандаша к губе и задумчиво уставился на рисунок.

— Думаю, Рейн тоже. Она не моя мама, но твоя.

— Рейн — моя *мама*?

Меня позабавила эта мысль.

— Нет? — он нахмурился.

— Она моя девушка, — поправил я.

— Ох.

Эта новость, казалось, нисколько его не смутила. Некоторое время он изучал рисунок, потом взял фиолетовый карандаш и добавил к нему рубашку. Брюки он сделал желтыми, а ботинки — синими.

Ничего не мог с собой поделаться — кое-что мне просто необходимо было знать.

— Откуда ты знаешь, что я твой отец? Мы раньше не встречались.

— Рейн рассказала мне, как ты выглядишь.

Это было не совсем то, к чему я стремился, но для меня это была совершенно новая территория. Мне и так было нелегко держать язык за зубами.

— Я имею в виду, откуда ты знаешь...

Я прикусил язык, чтобы остановить естественное проклятие, которое сформировалось. Прошло совсем немного времени с тех пор, как убили Джиллиан, и меньше всего мне хотелось расстраивать ребенка при нашей первой встрече. И все же мне нужны были ответы.

— Ты знал, что... муж твоей мамы... Ты знал, что он не твой отец?

— Да, — ответил Алекс, не поднимая глаз.

— Откуда ты это знаешь?

— Мама и Йен часто кричали друг на друга, — объяснил Алекс. — Когда она злилась на него, то говорила, что он не мой настоящий отец. Я не знал, кто мой настоящий отец, пока Рейн не рассказала мне о тебе.

Мысль о том, что Джиллиан затеяла ссору со своим мужем, меня нисколько не удивила — эта женщина могла быть адской кошкой. Я был немного зол, что она, очевидно, ссорилась перед Алексом, но не очень шокирован этим.

— Что Рейн тебе сказала?

— Она сказала, что ты сильный. Что у тебя большие мускулы, чтобы всегда оберегать нас. Она также сказала, что, хотя тебя здесь еще нет, ты именно этим и занимаешься. Вот почему мы должны были остаться здесь, чтобы ты мог снова обеспечить нам безопасность.

Я внимательно оглядел Алекса и попытался определить какие-либо признаки беспокойства, но ничего не увидел. Его слова звучали буднично, как будто он практиковался произносить их или, по крайней мере, часто думал о них. Я не мог понять, испугался он или нет, и это меня беспокоило. Я хотел, чтобы он знал, что с ним все будет в порядке.

— Именно это я и собираюсь сделать, — решительно заявил я. — Как и сказала Рейн, я собираюсь убедиться, что вы оба в безопасности, а потом мы найдем дом, в котором сможем жить все вместе. Что ты об этом думаешь?

— Это было бы хорошо, — сказал Алекс. — Рейн сказала, что мы нашли бы дом в интернете, но здесь нет компьютера.

— Ну, когда мы найдем дом для всех нас, я позабочусь о том, чтобы у нас был самый лучший компьютер. И ты смог играть в игры и делать на нем домашнее задание.

— Фу! — Алекс вскрикнул, напугав меня. Он раскинул руки и пара цветных карандашей упала на пол. — Ненавижу домашние задания!

Я усмехнулся, оглядев книги, фигурки и мягкие игрушки на полу.

— Бьюсь об заклад, ты также не любишь убирать свои игрушки, не так ли?

— Конечно, нет!

— Держу пари, Рейн заставляет тебя их убирать, да?

Он сделал глубокий вдох и раздраженно выдохнул.

— Ага.

Я усмехнулся.

— Открою тебе секрет, — сказал я, наклонившись к нему.

— Какой? — спросил он с живым интересом.

— Она и меня заставляет убирать свои вещи.

Я был вознагражден улыбкой.

— Пойду поговорю с Рейн. Ты покажешь мне рисунок, когда закончишь?

— Конечно.

Алекс выпрямился на стуле и вернулся к работе.

Когда я вернулся в гостиную, Рейн была на кухне с хлебом и арахисовым маслом на столе перед ней. Она остановилась и посмотрела на меня, когда я вышел.

— Ты была права, — сказал я и не смог сдержать улыбку. — Он потрясающий.

— Он действительно такой. — Выражение лица Рейн отражало мое собственное. — С каждым днем я вижу в нем все больше и больше тебя.

— А что он знает? Я имею в виду, он сказал немного, и ты, должно быть, сказала ему, что я его отец...

— Я ему не говорила, это Лэндон сказал, — сообщила Рейн. — Когда он привел меня сюда и Алекс вышел из своей комнаты, Лэндон сказал ему, что я буду заботиться о нем, пока не приедет его отец.

— Черт, — пробормотал я. — И как он отреагировал?

— Думаю, он уже знал, что муж Джиллиан ему не отец, — сказала Рейн. — Он не казался удивленным, просто воспринял все это спокойно. Я пыталась немного поговорить с ним о его матери, но он мало что говорит. Он знает, что они оба мертвы, но я не могу

добиться от него особой реакции. Мне кажется, он в шоке от всего этого.

— Почему ты не знаешь, кто твои родители?

— Я их не помню.

— Как ты можешь не помнить своих родителей?

— Я просто не хочу, ладно?

— Все помнят своих родителей. Твои мертвы?

— Я не знаю.

— Как ты можешь этого не знать?

— Просто заткнись на хрен!

Я попытался выбросить эти воспоминания из головы, но они задержались ненадолго. Во всяком случае, это укрепило мою решимость выиграть этот турнир и дать Рейн и Алексу нормальную жизнь — такую, какой у меня никогда не было. Я ни за что не позволил бы засыпать Алекса вопросами, с которыми мне всегда приходилось сталкиваться в детстве.

Ни за что на свете это не случится с моим ребенком.

— Бастиан? Ты в порядке?

— Да. Просто задумался. Не хочу, чтобы он рос, как я.

Рейн опустила нож с арахисовым маслом и подошла ко мне. Она обвила руками мою спину и прижала меня к себе. Я поднял руки и ответил на объятие.

— Он такой умный, — тихо сказала Рейн. — Ты не поверишь, насколько умный. Думаю, пока он знает, что мы о нем позаботимся, с ним все будет в порядке.

Я не был уверен, будет ли это так просто или нет, но был готов поверить в это. Мне хотелось в это верить. Хотелось знать, что с ним все будет в порядке, когда все это закончится.

Я услышал звук открывающейся двери и, обернувшись, увидел, что Лэндон жестом приглашает меня выйти. Я сказал Рейн, что сейчас вернусь, и вышел на пронизывающий ветер, чтобы поговорить с ним.

— Все готово. Турнир начнется послезавтра.

— Какой у нас план?

— Останься здесь на ночь. Утром мы сядем в самолет и полетим туда. Завтра вечером состоится обычная предтурнирная вечеринка для элиты, а потом все и начнется.

Я кивнул.

— Останусь с ней.

— Я так и думал. Но не позволяй этому отвлекать тебя.

Я проигнорировал его тон.

— Дай мне свой телефон, — попросил я Лэндона.

— Зачем? — спросил он, прищурившись.

— Эта маленькая вечеринка испортила Рейн семестр, и я собираюсь это исправить.

Он раздумывал всего несколько секунд, прежде чем передать мне телефон.

— Мне ведь не нужно говорить тебе, чтобы ты был осторожен, не так ли?

— Не нужно.

Я просматривал веб-сайт университета на крошечном экране, пока не узнал, как связаться с первым из профессоров Рейн.

— Доктор Майклс?

— У телефона.

— Это детектив Мастерсон из Майами-Дейд, — спокойно представился я. — Я звоню по поводу одной из ваших учениц, мисс Рейн Гейл.

— Да, сэр, — ответил он. По его голосу я понял, что он уже заинтригован. — У нее какие-то неприятности?

— Боюсь, сейчас я не могу обсуждать с Вами детали, — ответил я. — Мне просто нужно Ваше понимание и сотрудничество. Следующие несколько недель мисс Гейл будет находиться под охраной в ожидании важного судебного разбирательства за пределами штата. Излишне говорить, что она не закончит свой семестр, но ее беспокоит тяжелая работа, которую она уже проделала в вашем классе.

— Конечно! Сделаю все, чтобы помочь. Мисс Гейл — отличница. Мне было интересно, что с ней случилось.

— Она в полном порядке. Нам просто нужно сделать для нее все, что в наших силах, прямо сейчас. Не могли бы вы собрать все ее оставшиеся задания и переслать их?

Он согласился, как я и предполагал. Остальные ее преподаватели сделали то же самое, и Лэндон помог мне организовать доставку ее работ в университетский студенческий центр курьером под контролем Фрэнкса. Она получит все это в течение нескольких дней, и у нее будет время до первого мая, чтобы закончить и вернуть его. Это давало ей достаточно времени.

И теперь ей было о чем подумать, кроме того, что я должен был сделать.

Завтрашние мероприятия были назначены. По крайней мере, сейчас я был готов провести время со своей семьей.

Вернувшись в помещение, которое Фрэнкс выделил для Рейн и Алекса, я неловко сидел за столом на кухне, пока они ели сэндвичи. Рейн предложила мне один, но это была нездоровая пища в моем понимании, поэтому я отказался.

— А ты не можешь дать ему что-нибудь более здоровое? — пробормотал я.

— Он всего лишь ребенок, Бастиан. Это арахисовое масло и желе, а не шоколадные батончики.

Я посмотрел на содержание сахара на этикетке банки с желе и съежился. Хлеб, который Рейн использовала для сэндвичей, тоже был мягким и белым.

— Господи, Рейн. Это же чистое дерьмо!

— Следи за языком! — прошипела она.

Я закатил глаза, но знал, что она права. Посмотрел на Алекса, но он был увлечен арахисовым маслом и не обращал на меня никакого внимания.

— Он меня не слышал, — сказал я.

— Может быть, не *в этот* раз, — возразила она.

— Все равно это дерьмовая еда.

— Ну, это то, что мне дают. Не то, чтобы я сама ходила по магазинам. Ты же знаешь, я обычно не покупаю такие вещи, потому что ты всегда закатываешь истерику.

Ладно, с этим я не мог спорить. Хотя мог бы посоветовать придуркам, работавшим у Фрэнкса, купить ей еду получше. Конечно, я понятия не имел, что дети любили есть — разве они не должны быть придирчивыми или что-то в этом роде? Неужели мне придется извергать множество аргументов о том, почему овощи должны быть съедены?

Я был настолько не готов к отцовству, что это даже не смешно.

Пока сидел и думал об этом, я понял, насколько правильным было это утверждение. Я не знал, что делал. Рейн казалась такой естественной с Алексом, а я даже не знал, что он захочет съесть на ужин. Но потратил годы усилий на то, чтобы задвинуть воспоминания о его существовании как можно дальше на задворки своего сознания; я даже не думал о том, что была необходимость в какой-либо информации о детях. Не мог использовать свое прошлое преступника, перескакивающего из одной приемной семьи в другую, в качестве модели.

Понятия не имел, что делать с шестилетним ребенком. Я даже не знал, с чего начать.

— Бл*дь, — пробормотал я себе под нос.

— Бастиан! — зарычала Рейн. — Прекрати это!

Я уже собирался выйти из комнаты, чтобы выпустить целую череду ругательств, когда заговорил Алекс.

— Ты не должен говорить плохие слова, папа.

Это единственное слово растопило меня. Оно растеклось по моей плоти, как теплая вода в ванне, и погрузилось в меня так глубоко, что я мог чувствовать его в самом своем сердце. Мое горло словно сжималось, а в глазах нарастало жгучее давление. Я почувствовал, как пальцы Рейн коснулись моего бедра, и заставил себя сглотнуть.

— Ты прав, Алекс, — наконец сказал я. — Мне не следовало этого говорить.

Алекс и Рейн закончили с сэндвичами, и остаток дня мы провели с Алексом на полу в гостиной и складывали небольшие пластиковые кирпичики так, чтобы они выглядели как

маленькие космические корабли. В кабинах стояли фигурки астронавтов, и Алекс летал ими по комнате, вызвав воспоминания из моего собственного гребаного прошлого.

Сжимая в руке пластиковый самолетик, я издаю жужжащие звуки, держу его высоко над головой и бегаю кругами по комнате. Это самый лучший самолет из коробки. Все остальные поцарапаны или ржавые.

Джаред, новенький в приемной семье, заканчивает деревянную головоломку, над которой работал, и смотрит на меня.

— Теперь моя очередь играть с самолетом!

— Нет, это не так, — отвечаю я и дрожу всем телом, когда прижимаю игрушку к груди. Вчера он играл с ним весь день. Он у меня всего несколько минут, и я не собираюсь отказываться от него сейчас.

Это нечто. Это что-то важное, и если я отдам его, у меня ничего не останется.

— Теперь моя очередь! — настаивает Джаред. Он смотрит на мисс Джанет и кричит ей: — Себастьян не делится!

— Поделись игрушками, — говорит мисс Джанет, не отрываясь от кроссворда в газете. Она нацарапывает какое-то слово, потом поджигает губы и снова стирает его.

— Она сказала, что ты должен делиться, — усмехается Джаред.

Мои руки дрожат, пока я крепко сжимаю самолет в пальцах.

Я не отдам его ему. Не отдам.

Джаред протягивает руку и пытается выхватить у меня самолет, но я отталкиваю его. Он приземляется на ковер и кричит.

— Он толкнул меня!

Мисс Джанет тем же усталым голосом велит мне остановиться.

Джаред встает и подходит ко мне, и я снова толкаю его — на этот раз сильнее. Пластиковое крыло самолета немного врезается в мои пальцы, когда я крепко держу его. Я делаю шаг вперед и пинаю его в бок.

— Это мое! — кричу я. — Ты не можешь с ним играть!

— Себастьян! — кричит мисс Джанет, глядя на меня. — Отдай Джареду самолет!

Это все, что у меня есть. У Джареда есть все, даже родители, которые только и ждут, когда судебная система скажет, что их дом в достаточно хорошем состоянии, чтобы он мог вернуться домой. У него есть они, у него есть дом, у него есть свои игрушки, а у меня ничего нет.

Крича во весь голос, я швыряю самолет о стену. Дрожь превращается в давление в моей голове и груди, когда я смотрю, как он падает маленькими кусочками на пол.

— Вот видишь, что ты наделал! — кричу Джареду, бросаясь на него.

Страхнув воспоминания, я снова поклялся себе, что у Алекса не будет той жизни, которую мне навязывали в детстве. Я не позволю этому случиться с ним.

Ровно в восемь Рейн заставила Алекса принять ванну. Я смотрел, как он играл в воде с маленькими лодками, а Рейн мыла ему голову. Увидев ее с ним, я почувствовал гордость за нее, но в то же время и крайнюю собственную несостоятельность.

Откуда она знала, как это нужно было делать?

Я был в полной растерянности.

— Можешь принести ему пижаму? — спросила Рейн.

— И где же она?

— Второй ящик.

Я пошел в его спальню и покопался в комод, пока не нашел выцветшую пижаму с человеком-пауком по всей ткани в различных героических позах. Алекс держался за мое плечо, когда надевал ее, а Рейн вытерла ему волосы и протянула зубную щетку.

— Папа может выбрать сказку для чтения? — спросил Алекс.

Я посмотрел на Рейн почти в панике. Никогда в жизни не читал детям сказок.

— Конечно, может, — ответила Рейн. Она улыбнулась мне и наклонилась ближе. — Ему нравится та, что называется «*Голодное существо*».

Немного покопавшись, я нашел книгу на полу под грязной одеждой Алекса. Бросив одежду в корзину у двери, я придвинул один из пластиковых стульев к краю кровати. Алекс устроился поудобнее, а Рейн натянула ему одеяло до подбородка.

Я держал книгу на коленях и кусал кончик большого пальца, не зная, с чего начать. Рейн подняла брови и кивнула на книгу. Я глубоко вздохнул, открыл обложку и дрожащим голосом начал читать.

Это была странная история о существе, пришедшем в город и требующим разных вещей, чтобы поесть, но оно никогда не произносило правильных слов. Только один ребенок в городе мог понять, чего он хочет. Алекс смеялся каждый раз, когда существо требовало новое блюдо.

Когда я подошел к концу рассказа, Рейн поцеловала Алекса в лоб и пожелала ему спокойной ночи, прежде чем выйти из комнаты. Я постоял там с минуту, не уверенный, должен ли я сделать то же самое или нет.

Очевидно, устав от моих колебаний, Алекс посмотрел на меня и протянул руки. Обрадовавшись приглашению, я наклонился и обнял его.

— Спокойной ночи, папа.

— Спокойной ночи... сынок. — У меня перехватило дыхание.

Рейн стояла в коридоре с улыбкой на лице.

— Это было очень хорошо, — сказала она.

— Никогда не делал этого раньше, — признался я.

Она коротко поцеловала меня в щеку.

— Ты прирожденный отец.

Мне хотелось все отрицать. И сказать ей, что я понятия не имел, что делал, и смотреть, как ей хорошо с Алексом, было немного пугающе. Этот маленький, оскорбленный ребенок внутри меня хотел напомнить ей, что ей было бы лучше найти какого-нибудь чувака с постоянной работой, который мог бы время от времени выпить бокал вина, не потеряв над собой контроль.

Ее рука коснулась моей щеки, и я не захотел говорить эти вещи. Не хотел, чтобы Рейн нашла кого-то другого.

Я хотел быть этим человеком.

Ну, возможно, без бокала вина за ужином, но все остальное.

Смог бы я это сделать? Был ли хоть какой-то шанс, что я смогу дать ей все, чего она заслуживала в жизни, без того, чтобы мое прошлое всегда мешало ей? Я так долго думал об этом, позволил этому превратить меня в кого-то, кто не мог справиться с гребаной вечеринкой с друзьями своей девушки, что не был уверен, что смогу когда-нибудь стать другим.

К черту все это.

Она заслуживала большего, и я не собирался ей отказывать. Никогда не смог бы

отпустить ее, но могу изменить себя. Я мог бы быть тем, в ком она больше всего нуждалась. Я мог бы стать отцом Алексу, достойным этого титула, и в процессе превратился бы в мужчину, которого она с гордостью называла своим.

Я бы сделал это, но сначала, больше всего на свете, я хотел показать ей кое-что еще, что у меня было от природы.

— Иди в спальню, — сказал я. — Сейчас.

Глаза Рейн потемнели, когда она провела языком по губам. Быстро повернулась, чтобы подчиниться. Я последовал за ней, закрыв за нами дверь.

Схватил ее за талию, прежде чем она успела добраться до кровати, развернул и накрыл ее рот своим. Недели отсутствия ее тела, прижатого к моему, ошеломили меня с внезапной интенсивностью. Я нуждался в ней больше, чем когда-либо прежде.

Рейн отстранилась и пыталась отдышаться, когда я провел губами по ее шее. Схватив ее футболку, я стянул ее через голову. Потянувшись к ее обтянутой кружевами груди, я нашел ртом ее плечо и пососал кожу там, а она обхватила руками мою голову.

— Я так скучала по тебе.

— Я собираюсь наверстать упущенное прямо сейчас, — пообещал я.

Сорвав с себя футболку, я высвободил член из штанов. Рейн спустила их мне по ногам, и я отбросил в сторону и брюки, и боксеры. Схватив Рейн за джинсы, я стянул их и бросил на кровать. Трусики и лифчик быстро последовали за ними, и я снова притянул ее к себе, мой член сильно прижался к ее голому животу.

Подняв ее на руки, я прижал ее к стене. Она обвила ногами мою талию и задохнулась, когда я врезался в нее с ворчанием. Посмотрел ей в глаза, отстранился и снова толкнулся вперед.

— Ты так чертовски хорошо чувствуешь, — сказал я. — Готова принять это?

— Да! — Рейн вскрикнула и, понизив голос, посмотрела на дверь. — Пожалуйста, Бастиан!

— Умоляй меня, — прошептал я ей на ухо, втянув мочку в рот. — Я хочу услышать, как ты умоляешь мой член.

Я вытащил его почти до конца, оставив внутри только головку. Двигался взад и вперед неглубокими толчками бедер, подразнив ее.

— Уф, Бастиан! Пожалуйста... пожалуйста... еще. Мне нужно больше!

Я снова отстранился, затем медленно погрузился в нее, прижав Рейн к стене своим собственным телом.

— Ты хочешь, чтобы я двигался?

— Да!

— Ты хочешь быстро и жестко?

— Пожалуйста!

Одной рукой я обхватил ее задницу, а другой уперся в стену. Отстранился и снова вошел в нее, пока Рейн пыталась сдержать свои крики. Мышцы моих рук напрягались с каждым движением, пока поднимали ее задницу навстречу моим ударам. Я чувствовал, как каждое сухожилие изгибается в такт биению моего члена.

Наши губы слились, языки наши друг друга у нее во рту. Я царапал ее губы зубами, рычал и сильно прижимался бедрами к ее телу, пока она обвивала меня так крепко, как только могла. Она сгибала ноги с каждым толчком, погружая меня все глубже в себя.

— Так чертовски хорошо, — простонал я. — Господи, Рейн... так хорошо...

— Еще, Бастиан... Пожалуйста...

Я мог бы поклясться, что мой член затвердел еще больше от ее слов.

Я вышел из нее и отошел от стены, затем развернул нас и бросил ее лицом вниз на кровать. Рейн поднялась на четвереньки, а я подполз к ней сзади, раздвинул коленями ее ноги и снова вошел в нее.

Отстранившись, я обхватил ее бедра руками и толкнулся в нее так сильно, как только мог, заставив Рейн подпрыгнуть и закричать. Она прижалась лбом к матрасу и пыталась заглушить крик, пока я входил и выходил, извивался и двигал бедрами, чтобы изменить угол и давление. Хотел, чтобы утром у нее все болело. Хотел, чтобы она помнила каждую гребаную секунду пребывания моего члена внутри нее.

Насколько я знал, это мог быть наш последний раз вместе.

Я перевернул ее на спину и снова вошел в нее. Потянувшись к ее запястьям, я держал их вместе над ее головой, в то время как другой рукой ласкал кожу вверх и вниз по ее боку. Я схватился за одну грудь, потом за другую, не прекращая поглаживаний внутри ее тела, пока она лежала подо мной и смотрела вверх прикрытыми глазами.

Пока мы двигались, я видел в ее глазах все, через что она прошла с тех пор, как мы в последний раз были вместе: ее похищение и заключение в этом маленьком здании, вынужденное материнство, и силу воли, которую она сохранила, чтобы принять все это ради меня. Все, что у нее было, она предлагала мне своими глазами.

Ее сила вливалась в меня, и Рейн заставила меня чувствовать себя более могущественным, чем когда-либо прежде.

Благодаря ей я мог вынести все, что в меня бросали. Я бы с радостью сделал это для нее, потому что она рассчитывала на меня. Сейчас она нуждалась во мне больше, чем когда-либо.

Никогда больше не оставляю ее, как только все это закончится. Всегда буду рядом с ней. Она получит настоящий дом и диплом в любой области, в которой захочет. Я бы перестал быть таким капризным мудаком и стал тем мужчиной, которого она заслуживала иметь рядом с собой. Я бы, бл*дь, попросил ее выйти за меня замуж, если бы она этого хотела.

Когда все это закончится, я подарю ей этот гребаный мир.

Рейн выгнула спину и прикусила нижнюю губу. Она застонала, пока пыталась удержаться от крика. Я почувствовал, как ее тело содрогнулось подо мной, и ускорился. Зажмурив глаза, я наклонился к ней и яростно вколачивался, пока возбуждение не стало слишком сильным, чтобы сдерживаться, и я взорвался внутри нее.

Ноги Рейн упали с моих бедер, я замедлил темп и наконец остановился, почувствовав, как на меня накатила усталость. На мгновение уронил голову на плечо Рейн, прежде чем выскользнуть и перекатиться на спину рядом с ней, тяжело дыша. Она перекатилась вместе со мной и приподнялась на руке, прежде чем наклонилась и прижалась своими губами к моим.

Закрыв глаза, я расслабился на подушке и позволил ей целовать меня нежно и мягко, снова и снова. Провел рукой вверх и вниз по ее спине, успокоив нас обоих.

— Папа? Рейн? — дверь в спальню приоткрылась, и в комнате показалась взъерошенная голова Алекса.

Рейн двигалась быстрее, чем я когда-либо видел, когда скатилась с меня и схватила простыню. Она натянула ее до подбородка, посмотрела на меня расширенными глазами, а затем снова на Алекса в дверях.

— В чем дело? — спросила она.

— Не могу уснуть, — сказал Алекс. — Я слышал какой-то странный звук.

Мне пришлось прикусить щеку, чтобы не рассмеяться вслух.

— Я уверена, что ничего особенного, — сказала Рейн. — Ты же знаешь, что из-за ветра на улице все может показаться страшным.

— Ничего особенного, да? — усмехнулся я себе под нос.

Рейн ткнула меня локтем в ребра.

— Не думаю, что это был ветер, — сказал Алекс. — Можно здесь поспать? Мне страшно.

Рейн снова посмотрела на меня, и я пожал плечами. Каким бы ни был протокол для того, когда ребенок застукал тебя в постели, это было выше моего понимания. Я улыбнулся Рейн, которая прикусила губу и пыталась что-то придумать. Наконец она это сделала.

— Алекс, — сказала Рейн, выглянув из-под простыни, — ты почистил зубы перед сном?

— Эм... нет.

— Иди и сделай это, а потом можешь прийти сюда.

— У-у-у! — Алекс протопал по коридору в ванную.

— Надевай шорты! — быстро сказала Рейн и начала шарить по полу, пока пыталась найти свою одежду.

Я же пытался сдержать смех, когда поднял свои боксеры и натянул их на ноги. Рейн едва успела одеться, как мы услышали тихие шаги по коридору.

Алекс забрался на кровать рядом с Рейн, но не собирался оставаться там. Вместо этого он перелез через нее и втиснулся между нами, прежде чем натянуть одеяло до подбородка. Он посмотрел на меня и ухмыльнулся, прежде чем передвинуть плечи назад и вперед, чтобы освободить больше места для себя, подтолкнув меня немного дальше к краю кровати.

Он перекатился на бок лицом ко мне и закрыл глаза. Мгновение спустя он уже крепко спал.

Я осторожно потянулся через его тело и положил руку на бедро Рейн. Хоть и не мог притянуть ее к себе так, как обычно делал ночью, из-за Алекса между нами, я почувствовал удовлетворение, которое говорило мне, что это не имело значения. Они оба были со мной, в безопасности и под защитой.

Рейн потянулась и положила руку мне на предплечье, прямо над тем местом, где спал Алекс.

— Ты в порядке? — тихо спросила она.

Я перевел взгляд с нее на Алекса и снова на нее. Моргнул несколько раз, это теплое чувство снова охватило меня.

— Да. На самом деле лучше, чем в порядке.

Рейн улыбнулась, устроилась поудобнее и вскоре уснула вместе с Алексом.

Несколько минут я наблюдал за ними обоими и пытался понять, что происходило у меня в голове. Не было для этого слов, поэтому я сдался, закрыл глаза и заснул лучшим сном в своей жизни.

* * *

На следующий день я рано встал и просмотрел планы, которые оставил мне Лэндон. Через пару часов мы отправимся в аэропорт Томпсона. Самолет доставит нас в небольшой аэропорт на краю Гудзонского залива. Оттуда мы направимся на отдаленный аэродром,

расположенный где-то на северо-западе. Это был настолько негостеприимный район, что здесь не было никакого дорожного движения, только самолеты. Последний отрезок пути на остров мы преодолеем на вертолете. Турнир будет проходить к югу от аэродрома.

Я сильнее заботился о том, чтобы провести как можно больше времени с Рейн и Алексом перед отъездом на турнир, чем о наших планах. Однако они оба, казалось, были довольны сном, и я не мог заставить себя разбудить их.

Сидел за маленьким кухонным столом и пил черный кофе, когда вдруг понял, что не хотел выкурить сигарету. Это заставило меня улыбнуться. Допив остатки кофе, я заварил еще один кофейник и принялся готовить завтрак.

Запах разбудил Рейн, и она побрела по коридору, терла глаза и зевала. Ее волосы были в беспорядке, и она попыталась укротить их пальцами, но это плохо получалось.

— Доброе утро, — пробормотала она.

— Доброе утро, — ответил я с улыбкой. — Ты прекрасна.

— Ха, — сказала она.

— Так и есть.

— Как скажешь.

Она налила себе кофе и села за стол, наблюдая, как я переворачивал омлет.

— Нашел приемлемую еду? — спросила она.

— Пожалуй. В омлет мало что можно положить, кроме этих оранжевых квадратиков, похожих на сыр, но это не должно быть так уж плохо. Я использовал больше белков, чем желтков.

— Как спалось? — спросила Рейн.

— Неплохо. На самом деле очень хорошо.

Рейн улыбнулась в ответ поверх кофейной кружки.

На кухню вошел Алекс с затуманенными глазами и плюхнулся на один из стульев. Сначала он казался немного удивленным моим присутствием, но слегка улыбнулся, когда я поставил перед ним тарелку с беконом и омлетом с сыром.

— Можно мне тост? — спросил он.

Я закатил глаза, увидев единственный хлеб на кухне, но все равно поджарил его для него. Он использовал тост, чтобы сделать гигантский сэндвич из яиц и бекона.

— Он любит сэндвичи, — пожалала плечами Рейн.

— Очевидно.

Рейн взяла свою тарелку и села рядом с ним, а я сел напротив. Моя еда немного остыла, пока я смотрел, как он ест, но заметил маленькие черты себя почти в каждом его движении.

Это было нереально.

Когда он закончил завтракать и направился на ковер в гостиной, чтобы поиграть со своим лего, я продолжал наблюдать за ним, одновременно ошеломленный и довольный тем, что узнал себя в его манерах. Мог бы наблюдать за ним весь день, но не успела Рейн убрать посуду после завтрака, как нас прервали.

В дверь коротко постучали, и через мгновение она открылась. Рейн подняла голову, и ее лицо потемнело. Мне не нужно было проверять — я знал, что это Лэндон, и мы с Рейн оба знали, что это значило.

Мне пора было уходить.

— Эй, приятель, — окликнул я Алекса. — Подойди сюда на секунду.

Он вздохнул, отложил лего и зашлепал ко мне в носках. Когда Алекс подошел

достаточно близко, я положил руки ему на плечи и заглянул в глаза.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал для меня, малыш, — сказал я серьезно.

— Что? — спросил он.

— Мне нужно ненадолго уехать. Это значит, что мне нужно, чтобы ты позаботился о Рейн, пока меня не будет.

— Позаботился о ней? — спросил Алекс, прищурившись. — Мне шесть лет!

— Да, тебе еще предстоит немного повзрослеть, — ответил я с полуулыбкой, — но пока меня нет, ты здесь главный. Ты позаботишься о Рейн, делая то, что она тебе говорит. Кроме того, тебе нужно очень внимательно следить за ней.

— Почему?

— Потому что иногда она нуждается в объятиях, а меня здесь не будет. Мне нужно, чтобы ты делал это за меня.

Алекс на мгновение задумался.

— Мне обязательно ее целовать?

Я усмехнулся и потрепал его по макушке.

— Нет, поцелуи не требуются.

— Хорошо, потому что целоваться — это отвратительно.

— Да, посмотрим, как ты к этому отнесешься, когда подрастешь.

— Отвратительно, — повторил он.

Я рассмеялся. Глаза Алекса внезапно загорелись, и он побежал в свою комнату. Вернувшись, он протянул мне рисунок, над которым работал накануне.

— Это для тебя.

Я взял листок в руки. Он добавил к рисунку Рейн, ее фигуру сбоку от моей. Ее волосы струились до талии, а коричневые точки вместо глаз смотрели на меня.

— Ты должен взять его с собой, — сказал Алекс. — Тогда ты будешь помнить, как мы выглядим, пока не вернешься.

Мне пришлось с трудом сглотнуть, чтобы обрести голос.

— Спасибо.

Я аккуратно сложил листок и засунул его в карман куртки, прежде чем протянуть руку и быстро обнять Алекса. Он немного поерзал, а потом побежал обратно к своим игрушкам. Рейн стояла в стороне и ошеломленно наблюдала за нашим разговором, но теперь, когда Алекс снова был занят, выражение ее лица изменилось.

— Ты уходишь сейчас? — она уже знала ответ на свой вопрос, но я все равно кивнул.

— Я вернусь раньше, чем ты успеешь оглянуться.

Она кивнула и обхватила себя руками.

Взглянув на Лэндона, я увидел, как он дважды постучал по часам, повернулся и вышел через открытую дверь, предоставив нам минуту уединения. Я встал, пересек кухню и взял лицо Рейн в ладони. Наклонившись, я прижался губами к ее губам и медленно поцеловал ее. Когда мы отстранились, я увидел, как у нее выступили слезы.

— Не успеешь оглянуться, — прошептал я, посмотрев ей в глаза.

— Пожалуйста, будь осторожен, — попросила она.

— Всегда. Со мной все будет в порядке.

Она кивнула и еще раз сжала меня. Я поцеловал ее в макушку, потом взял за подбородок и еще раз крепко поцеловал в губы.

— Я люблю тебя, — сказал я.

— Я тоже тебя люблю.

Глаза Рейн увлажнились, она посмотрела на меня, прикусила губу и провела ладонями по моим рукам. На мгновение сжала мои пальцы, прежде чем отступила назад.

Я глубоко вздохнул, осмотрел ее лицо, запоминая, и повернулся, чтобы выйти за дверь. Лэндон ждал меня снаружи вместе с Роджером, Фрэнксом и двумя телохранителями.

— Пошли, — сказал я, и Лэндон склонил голову в знак согласия, а Роджер вытащил ключ от замка из кармана, чтобы надежно запереть мою семью внутри, пока все это не закончится.

Прежде чем дверь успела закрыться, Рейн протиснулась мимо Роджера и схватила меня за руку. Она притянула меня к себе и обняла за шею. Ее хватка на мне усилилась так, что мой запас воздуха был ограничен.

— Не уходи, — сказала она срывающимся голосом. — Не делай этого, Бастиан, пожалуйста. Не надо... не надо...

— Ох, детка. — Я обнял ее за плечи. — Я должен. Ты же знаешь, что должен.

— Нет, не должен! — сказала она, повысив голос. — Ты не должен этого делать! Останься здесь! Пожалуйста!

— Проклятье, Рейн...

Я чувствовал ее слезы на своей коже, пока она умоляла и рыдала. Это было почти, как если бы она ударила меня кулаком в грудную клетку и вырвала сердце прямо из тела.

— Ты можешь умереть, — воскликнула она. — О Боже, Бастиан, пожалуйста, пожалуйста, останься здесь!

Я обнял ее так крепко, как только мог, и попытался придумать, что сказать, чтобы успокоить ее, но ничего не получалось.

— Себастьян, — позвал Лэндон из-за моей спины. Он рукой похлопал меня по плечу, когда произнес мое имя.

— Знаю, — сказал я и стряхнул его руку с себя, а потом схватил Рейн за плечи, немного отстранив, чтобы посмотреть ей в лицо. Я смахнул слезы с ее щеки и коснулся лбом ее лба. — Мне нужно идти.

— Нет, — ответила Рейн, быстро покачав головой. — Мы можем просто уйти... Уехать далеко... Пожалуйста!

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать, детка. Тебе просто нужно продержаться еще немного. Скоро все это закончится, и тогда мы уйдем. Мы найдем идеальное место для всех нас, чтобы жить вместе, и все снова будет нормально. Обещаю, Рейн. Все будет хорошо.

— Ты этого не знаешь. — По ее лицу потекли слезы, а голова медленно качалась. — Ты можешь пострадать, ты можешь... ты можешь...

— Тсс... — я снова прижал ее к груди, что, вероятно, было ошибкой. Она вцепилась в меня так крепко, что я не знал, как затащить ее обратно, чтобы уйти. Вразумить ее не получалось. — Ты должна отпустить меня, детка. Я должен уйти.

— Нет! — она не отпускала меня, и хотя это чуть не убило меня, я оттолкнул ее руки, а Роджер схватил ее и не дал ей снова схватить меня. Секунду я смотрел ему в глаза, молча предупредив, чтобы он был с ней помягче. По выражению его лица я понял, что он уловил мой посыл — он заплатит за малейший синяк.

Я снова посмотрел на Рейн. Понимал, что она пытается взять себя в руки, но у нее ничего не получалось.

— Я люблю тебя, детка, — сказал я ей. — И скоро вернусь.

— Нет! Нет, Бастиан!

Я закрыл глаза, развернулся и последовал за Лэндоном. Крики Рейн терзали меня с каждым шагом.

Я все еще слышал ее голос, пока мы ехали через город. Слышал, как ее мольбы эхом отдаются у меня в голове, когда сел в первый самолет и пристегнулся. Мысленно я видел, как Роджер удерживал ее, пока самолет взлетал в утреннее небо. Ее слезы продолжали жечь мою кожу на протяжении всего путешествия на север.

Лэндон время от времени поглядывал на меня, но ничего не говорил.

Всю поездку мой разум был как в тумане. Даже когда Лэндон в сотый раз обсуждал стратегию и технику, я почти не отвечал ему. Во всяком случае, я уже все это знал.

Несмотря на страхи Рейн и неминуемую опасность, когда мы пересели на другой самолет возле замерзшего северо-западного берега Гудзонского залива, меня начала пробирать дрожь от возбуждения. Мои мышцы напряглись и расслабились, когда я подумал о прошлых турнирах, крови и победах.

Я хотел драться. По крайней мере, сейчас я жаждал крови.

Я осторожно спустился по лестнице из вертолета и огляделся по сторонам. Другие маленькие вертолеты выгружали пассажиров, и я мог видеть группу людей, закутанных в меховые парки и направляющихся к большому, явно недавно построенному зданию с дымом, выходящим из нескольких труб.

Фрэнкс и его телохранители направились к зданию, и Лэндон сделал мне знак следовать за ними. Когда мы приблизились, я начал узнавать всех людей, присутствовавших на первой встрече. Каждая семья была представлена, но вместе с ними было и много других.

Инвесторы.

Это были люди, которые бросили все свои деньги, чтобы турнир состоялся, сделали ставки на отдельных игроков и в конечном счете будут пожинать плоды нашего кровопролития. Каждый из нас будет оснащен камерой, и игроки будут смотреть по закрытому каналу, как мы убивали друг друга для их развлечения.

Раньше я не слишком задумывался о них, но теперь... Что за люди считали это развлечением? Что за общество потратило все свои незаконно заработанные деньги, чтобы посмотреть, как мы сражались насмерть, чтобы почувствовать силу через наши окровавленные руки?

Больные убудки, вот кто.

Мы прошли через широкие двери в здание. Внутри было до смешного роскошно, особенно учитывая расположение. Вдоль каждой стены стояли камины, чтобы согреть всех своей атмосферой. С потолка свисали хрустальные люстры, и каждый стол был украшен причудливой скатертью и центральными предметами, наполненными цветами и разноцветными светодиодными лампами. По краям зала располагалось несколько открытых баров, и даже была танцплощадка с ди-джемом в глубине. Люди толпились вокруг в костюмах и коктейльных платьях, как на вечеринке после голливудской красной дорожки.

Только это был не фильм — *мы* были событием. Все это вызывало у меня не только отвращение, но и возбуждение.

Был еще ранний вечер, и большинство групп разделились по принадлежности к определенной семье. Мы с Лэндоном слонялись с людьми Фрэнкса возле одного из баров, и я налил себе стакан воды, а Лэндон заказал виски. Я осмотрел комнату, чтобы найти других игроков турнира. Их было легко заметить, потому что они стояли в центре каждой группы.

Хотя это было не в моем стиле, турнирные игроки обычно одевались для своих ролей. Эрик Дыталов и Жница выглядели так, словно вышли из «*Бегущего по лезвию*» или какой-то жестокой компьютерной игры. Оба были одеты в черное, у нее на веках был яркий макияж, а на запястьях и шее — украшения с шипами. В чем-то это имело смысл. По сути, мы были живой видеоигрой для окружающих нас людей. Переодевание для этой роли было естественным для многих игроков. Эрик демонстрировал свои навыки владения ножом всем желающим, а Жница позировала для фотографий с мужчинами в костюмах.

С моей точки зрения, эта показуха была смехотворной, но инвесторам они явно нравились. Охотник в данный момент был окружен женщинами. Он был одет не так изысканно, как другие. На самом деле он был без рубашки, и я подумал, не собирается ли он замерзнуть насмерть еще до начала игры. Женщины толпились вокруг него, водили руками по его груди и требовали объяснений его многочисленных татуировок. На всей верхней

части его тела не было ни одного свободного места.

Отвернувшись от Охотника и его группы, я увидел Тайрона Чимса. Он стоял возле буфета с закусками, рядом с женщиной в ярко-красном платье. Он был в обрезанной футболке и рваных джинсах. Все, что ему было нужно — это немного зомби-грима, и он мог бы стать массовой в «*Ходячих мертвецах*».

Сначала я не увидел Эвана Ардена, потому что, в отличие от других игроков, он не был одет в нелепую одежду, но когда я заметил его, то отметил, что он был одет в высококачественный сшитый на заказ костюм и стоял рядом с Ринальдо Моретти. В руке у него была одна из этих электронных сигарет, и он выглядел скорее криминальным авторитетом, чем соперником. На моих глазах он улыбнулся и чокнулся с Моретти.

Я напомнил себе, что это не его конек — он не турнирный игрок. Это будет его первый раз. К тому же последний.

Насколько мне было известно, все они были здесь на своей последней вечеринке.

Я не чувствовал ни жалости к ним, ни сожаления о том, что собирался сделать. Они были здесь не только по собственному выбору, но и знали о риске и потенциальном исходе. «Убей или будь убитым», и у меня было больше причин выиграть этот турнир, чем любые другие в прошлом.

— Какие-нибудь опасения? — спросил Лэндон, сделав шаг ко мне.

— Никаких, — ответил я.

— А как же Арден?

— Ты был прав с самого начала, — сказал я. — Он опаснее остальных, даже если это не его конек, но пока я буду оставаться в укрытии, он не сможет меня поймать.

— Это будет нелегко, — ответил Лэндон. — В этом ландшафте не так уж много укрытий.

— Хребты на склоне горы должны сработать. Мне просто нужно продолжать двигаться. Все равно придется это сделать, чтобы согреться.

— Вода — твоя самая большая проблема, — сказал Лэндон.

— Разве это не всегда так?

Я задумался. Воспоминания о времени, проведенном в Карибском море на спасательном плоту с Рейн, закружились у меня в голове.

— Не думаю, что у меня будет дефицит воды. Все быстро закончится. Это должно произойти до того, как холод убьет нас всех.

— За исключением Жницы, у тебя будет преимущество, когда дело дойдет до оружия. У других будут проблемы с их эффективным использованием и одновременно с тем, чтобы держать руки в тепле.

Весь вечер я не сводил глаз с других игроков. Даже когда множество женщин подходили ко мне, чтобы задать вопросы о предыдущих турнирах и предложить свои кровати, чтобы согреться на ночь, я едва ли поддерживал разговор дальше того, что нужно было сказать. Ответил на их вопросы, вежливо отклонил предложения и перевел разговор на еду.

Еда была действительно очень вкусной. Заключение, приговоренные к смертной казни, не могли бы требовать лучшего. Это напомнило мне о том, что Фрэнксу насрать на еду на кухне Рейн и Алекса. Он рассмеялся, но сказал, что что-нибудь с этим сделает.

— Хорошо, что ты вернулся, Себастьян, — сказал он. — Во многих отношениях я скучал по тебе.

В этом утверждении было слишком много двойного смысла, чтобы дать мне хоть какое-

то чувство комфорта.

Интересно, как долго он искал меня после суда, и что заставило его в конце концов сдаться?

Я подумал было спросить его об этом, но решил, что в моих интересах пока оставить все это в покое. В глубине души я знал, что он никогда по-настоящему не простил меня за то, что я пытался посадить его, и я понимал, что единственный способ выбраться из-под его контроля — это покончить с ним.

Сначала пройди турнир.

Фрэнкс отошел поболтать с другими боссами. Я сел за один из столов, проглотил пару устриц и наблюдал за окружающими. Некоторые подходили поговорить со мной, и я старался быть как можно вежливее. В конце концов они перешли к преследованию одного из других игроков. Охотник и Жница придвинулись ближе друг к другу, и, хотя я не мог слышать их слов, их сексуальная химия была очевидна, когда они смотрели друг на друга. Не было сомнений, что они проведут ночь вместе.

Глупцы.

С другой стороны, это будет их последняя возможность для свидания. Это заставило меня вспомнить прошлую ночь и тело Рейн подо мной, и я на мгновение закрыл глаза. Воспоминание о ее запахе и ощущении ее кожи в моих руках согрело меня.

Я снова буду с ней. Должен быть. Я больше никогда ее не подведу.

Я открыл глаза и продолжал наблюдать за толпой. Через некоторое время Лэндон вернулся оттуда, где только что был.

— Слышал кое-что интересное, — сказал он и сел рядом со мной. Он подозвал официанта к нашему столику и заказал еще виски.

— Что?

— Моретти и Арден общались, — сказал Лэндон. — И, похоже, Арден действительно немного обеспокоен.

— Еще бы. Всего лишь удар кулаком в лицо опрокинул его на задницу.

— Ну, очевидно, что и арктические перчатки действительно *не* поднимают его настроение.

— Что ты имеешь в виду?

— Они, черт возьми, мешают ему целиться, — сказал Лэндон. — Вначале его в первую очередь беспокоила неисправность оборудования. У капсуля в патронах могут возникнуть проблемы со стрельбой при сильном холоде. Чего он не учел, так это того, сколько слоев нужно носить здесь, чтобы не получить мгновенного обморожения. Более толстая одежда мешает прикрепить винтовку к плечу. Он должен постоянно корректировать свою винтовку, чтобы поразить цель. Его перчатки или куртка немного сдвигаются, и он снова теряет прицел. Если бы мне пришлось угадывать, я бы сказал, что он немного зол из-за этого.

— Ты говорил, что такое может случиться. — Я вспомнил его слова во время тренировки, когда мы перебирали все припасы, которые мне понадобятся.

— Да. Арден не думал об этом до того, как они прибыли сюда вчера. Судя по его словам, он, должно быть, жил где-то на севере, но не сказал как далеко.

— Но это не то же самое, что здесь.

— Совершенно верно, — согласился Лэндон. — Он не учел, насколько это может повлиять на его точность.

— Это очко в мою пользу.

— Весомое очко.

— Что-нибудь слышал от других игроков?

— Дыталов нервничает, — сказал Лэндон. — Он давно этого не делал, и я вижу, как ему не по себе. Тайрон тоже, хотя думаю, это потому, что это только его четвертый турнир, и все остальные проходили в закрытом помещении. Ему определенно неуютно на холоде.

— Я не беспокоюсь ни о том, ни о другом, — сказал я пренебрежительно. — Почти уверен, что смогу убить их во сне.

Лэндон кивнул в знак согласия.

— Почти уверен, что Охотник и Жница трахались друг с другом, — сказал он. — Это должно обеспечить некоторое развлечение во время игр.

— Да, это неразумно, — фыркнул я.

— Тебе виднее.

— На меня это никогда не действовало.

— Это было близко. — Лэндон откинулся на спинку стула и сделал глоток.

— Ты всегда говорил: близость имеет значение только с ручными гранатами, — напомнил я ему.

— А ты говорил, что никогда не позволишь другой девушке приблизиться к тебе, — парировал Лэндон.

— Рейн — другое дело. — Я немного отвернулся от него и хотел прекратить разговор, но Лэндон не собирался этого делать.

— Рядом с ней ты другой, — сказал он. — Не такой, как с Джиллиан. Я никогда не видел тебя таким.

Я снова посмотрел ему в лицо.

— Это хорошо?

— Пока не знаю, — ответил Лэндон. — Ты позволишь этому мешать тебе сосредоточиться?

— Она — центр моего внимания.

— Тогда это может стать проблемой.

— Нет, — сказал я, — не станет. На самом деле, это причина, по которой я собираюсь победить.

* * *

Шесть утра.

Я уже час как встал и оделся, старался держаться достаточно близко к двери, чтобы не перегреться и не вспотеть. Единственное, что было хуже холода в этой среде — это быть мокрым, такое сочетание было смертельным. На моем теле четыре слоя тепла, включая кевларовый жилет и двойной слой перчаток на руках. У меня была фляга с водой. В многочисленных карманах моей парки лежало все, что мне было нужно — орехи макадамия, кусочки масла, тубики с едой, которые можно было легко разорвать, не снимая перчаток с рук, и три длинных отрезка струны от фортепиано — мое единственное оружие.

В левом нагрудном кармане лежал нарисованный Алексом рисунок нас троих.

Остальные участники толпились неподалеку и разглядывали друг друга. Встретившись со мной взглядом, Эрик Дыталов и Тайрон Чимс занервничали. Охотник и Жница стояли в противоположных концах дверного проема и смотрели друг на друга.

Арден стоял спокойно и стоически, не сводя глаз с аэродрома. Длинная снайперская винтовка, ответственная за его позор, была привязана к спине, а более короткая штурмовая покоилась между его рукой и телом. Он был воплощением спокойствия.

Снаружи шесть вертолетов стояли на взлетно-посадочной полосе. Лэндон разговаривал с пилотом, который должен был доставить меня на остров Букингем, но ветер дул так сильно, что я не слышал его слов. Через несколько минут он помахал мне рукой, и я присоединился к нему у вертолета.

— Ты готов? — спросил он.

— Готов. Что-нибудь изменилось со вчерашнего вечера?

— Нет.

— Хорошо.

Двигатели вертолета взревели, и лопасти начали вращаться. Лэндон поправил камеру, прикрепленную к очкам на моих глазах, и убедился, что она передавала правильную картинку. Удовлетворившись этим, он пожал мне руку и наклонился ко мне.

— Момент настал, — сказал он. — Иди и трахни этих ребят.

Я кивнул и отвернулся, не сказав больше ни слова. Ветер обжигал мои щеки, и я натянул на лицо маску, пока забирался в вертолет.

Мы поднялись в воздух над льдинами.

При других обстоятельствах эта сцена, вероятно, считалась бы прекрасной. Несмотря на безумный холод, небо было ясным, и солнце выглядывало из-за горизонта. Все под нами было белым, серым и тысячью оттенками синего.

Вертолет отклонился в сторону и начал снижаться вплотную к льдинам у подножия горы. Куски льда плавали в открытой воде у края острова, и ветер поднимал снег вокруг нас, пока мы приближались к поверхности.

— Готов? — крикнул пилот, перекрыв шум. — Я не могу здесь сесть, так что тебе придется прыгать!

— Понял! — крикнул я в ответ.

Вертолет опустился, и я ухватился за перекладину возле открытой двери. Когда пилот приблизил вертолет к земле и завис, он показал мне большой палец вверх, и я спрыгнул на белую поверхность вниз.

До земли было всего около двух метров, и я легко сгруппировался и перекатился по ледяной поверхности. Это было несколько неприятно, но мне, по крайней мере, удалось встать на ноги, не поранившись. Я сверился с компасом, окинул взглядом каменистую местность, ведущую к горе Виндзор, единственному реальному ориентиру на острове, и быстрым шагом двинулся в путь.

Игра началась.

Посмотрев в небо, я увидел, как остальные пять вертолетов поднялись в воздух и направились обратно на север, к аэродрому. Я мысленно зафиксировал позиции под ними, когда они улетали, отметил ближайшую к моему местоположению и направился в ту сторону.

Я не знал, в каком вертолете находится тот или иной соперник, но для меня это не имело большого значения. Все должны были направиться к вершине горы — месту с самым высоким и желанным наблюдательным пунктом. Я намеревался подойти сзади.

Давай, сделай это.

Мое тело и разум были готовы. По крайней мере, сейчас я точно знал, что делал.

Прикинув расстояние между ближайшей посадкой вертолета и наиболее логичным путем в гору с этой точки, я направился напрямик через нижний склон горы Виндзор, пока не нашел то, что искал — небольшие углубления в снегу. Несмотря на то, что ветер быстро скрывал отпечатки, я мог видеть очертания следов. Они были меньше моих, и я предположил, что они принадлежали либо Эрику, либо Жнице. Я посмотрел на склон горы, но никого не увидел.

Намотав один из отрезков фортепианной струны на пальцы в перчатках, я поправил очки и молча пошел по следам, держась поближе к высокому гребню слева от меня, пока ледяной ветер хлестал по лицу. Потребовалось совсем немного времени, чтобы догнать владелицу следов, и еще меньше усилий, чтобы найти ее. Жница не особо скрывала свои битвы.

Приблизившись, я услышал громкую возню и ворчание. Остался на корточках и отошел в сторону, чтобы лучше видеть, что происходило, но остаться незамеченным. Когда я подошел достаточно близко, чтобы видеть сквозь очки, то увидел, как Тайрон по широкой дуге замахнулся ломом на Жницу. Он возвышался над ней, но она увернулась и откатилась в сторону.

Она была быстрой и проворной, двигалась вокруг него быстрыми шагами, пока он пытался попасть по ней. Тайрон двигался слева направо, когда замахивался на нее ломом, но каждый раз промахивался. Жница отплясывала, смеялась, когда он снова и снова промахивался.

— Ты отстой! — крикнула она, хотя Тайрон отказался принять ее словесные насмешки. Он только сверкнул глазами и встал перед ней. — Ты что, думаешь, что борешься со своим парнем? Держу пари, мой член больше твоего!

Я проверил позади себя, а затем выше. Не увидев никаких силуэтов или движений, я также был совершенно уверен, что у Ардена не было достаточно времени, чтобы достичь вершины горы, чтобы выстрелить в меня прямо сейчас. Я прикинул, что все еще нахожусь в добрых четырех километрах от вершины, и даже с его модной снайперской винтовкой все равно буду вне досягаемости.

Если только он не изберет другую тактику.

Я услышал громкое ворчание и оглянулся, чтобы увидеть, как Тайрон получил удар кастетом Жницы, и она радостно крикнула. Кровь хлынула на лед из нижней части маски Тайрона. Мгновение спустя Жница уже была на нем и била кулаком в лицо. Он поднял руки к ее рукам и пытался удержать ее, но цыпочка была намного сильнее, чем выглядела. Ему удалось скинуть ее с себя и затеять борьбу, но она все равно оказалась сверху.

Ее кулак врезался ему в трахею, и он от толчка приподнялся и отпустил ее руки, вцепившись в свое сломанное горло. Жница спрыгнула с него и осталась стоять на месте, держа кулаки наготове. Тайрон схватился за горло, перекатился на четвереньки и начал отползать от нее.

Плохой ход.

Через секунду Жница уже лежала на его спине и била его металлическими костяшками по затылку снова и снова, пока он не рухнул с раскинутыми руками на холодную землю. Она не остановилась, а продолжала колотить его по черепу.

— Ага! Получи, сука! — вскрикнула Жница.

Ее победа была недолгой.

Из-за шума, который она производила, любой на острове мог слышать ее. К этому времени она привела всех к своему местоположению. Справа от нее — в самой дальней от меня точке — пролетела арбалетная стрела и вонзилась ей в плечо.

Взбешенная Жница повернулась в направлении стрелы и пробежала несколько метров. Она даже не потрудилась вытащить стрелу, упала на землю и перекатилась. Еще одна стрела просвистела над ее головой и врезалась в лед в нескольких метрах от меня.

Никогда не отказывался от дополнительного оружия, поэтому вытащил стрелу из льда и направился вверх по гребню, чтобы лучше видеть бой. Потребовалось несколько минут, чтобы добраться до места, через которое я мог бы перелезть — горный утес в этом месте был более крутым, — и мне пришлось быть осторожным, чтобы не упасть с внешней стороны уступа. Я упаду не очень далеко, но приземление будет трудным. Звуки боя здесь были громче и доносились чуть ниже меня. Резкие голоса и звуки драки привели меня к самому краю, где я посмотрел вниз и увидел Охотника и Жницу.

Я немного откинулся назад, частично устроившись между двумя скалами для защиты сверху и с боков. Если бы Охотник или Жница подняли глаза, они бы заметили меня, но они были слишком поглощены убийством друг друга. Мой наблюдательный пункт позволял мне смотреть прямо на битву. Как только один из них убьет другого, я смогу прыгнуть и покончить с ним прежде, чем победитель успеет прийти в себя.

— Почему бы тебе просто не оставить это и не дать мне немного рассказать о том, что ты получил прошлой ночью? — Жница танцевала вокруг, ее глаза были широко открыты и дикие.

— Думаю, что как только ты превратишься в кусок мяса в гребаной грязи, — огрызнулся Охотник, — я смогу трахнуть тебя в любую дырку, которая еще работает!

Я видел пистолет, засунутый в кобуру на боку, но он так и не потянулся к нему. Присмотревшись, я понял почему.

Его правая рука была обнажена. Я увидел его арбалет, лежащий в нескольких метрах от меня, разбитый на несколько частей с разбросанными по земле стрелами, и одинокую перчатку, лежавшую рядом с ним. Без чего-либо, закрывающего его кожу, металл на пистолете мгновенно примерзнет к его руке, если он дотронется до него. Даже если он выиграет эту битву, его пальцы обморозятся прежде, чем он сможет достать перчатку. Должно быть, он снял ее, чтобы лучше прицелиться из арбалета.

Жница продолжала насмехаться над ним, а он просто улыбнулся и ответил ей тем же. Я не был уверен, то ли он игнорировал опасность обнаженной кожи, то ли просто был слишком увлечен борьбой, чтобы обращать на это внимание. Охотник определенно казался слишком уверенным в своих боевых способностях, что было чертовски глупо. Даже с того места, где я находился, можно было сказать, что Жница была быстрее и смертоноснее, чем он, даже если и был на добрых сорок пять сантиметров выше ее ростом.

Никогда не трахайся с тем, кого собираешься убить.

У Жницы было преимущество в ловкости. Она надвигалась на Охотника и нанесла ему несколько ударов по голове. Каждый раз, когда он пытался ударить ее в ответ, она уклонялась и била его по почкам.

Он проигрывал, но все равно не полез за пистолетом. Наверное, я бы так и сделал, и будь проклята кожа, но он либо не понял, что ему скоро конец, либо просто забыл про

оружие.

Жница нанесла фантастический удар по лицу Охотника, и тот отшатнулся назад, упал на задницу и начал катиться вниз по склону к выступу внизу. Он протянул голые пальцы и ухватился за край скалы, наконец остановившись как раз за мгновение до падения. Он висел несколько неуверенно, хватался за камень и пинал его ногами, чтобы лучше держаться. Жница встала прямо над ним и дразнила гиганта.

— Это все, что у тебя есть? — усмехнулась она. — Я думала, что такой человек, как ты, собирается бросить мне вызов! Ты даже не смог довести меня до гребаного оргазма!

— Сука! — Охотник зарычал, когда его рука начала соскальзывать. — Я хорошенько надеру тебе задницу!

Она ударила его металлическими кастетами. Он ослабил хватку и снова начал сползать по скале, едва удержав равновесие на нижнем уступе. Он присел и позволил себе упасть, умудрившись свалиться всего на несколько метров, прежде чем нашел место для своих ботинок на выступе внизу. Отбежав в сторону, он поднялся в нескольких метрах от Жницы и побежал вверх по склону хребта, миновав место, где я прятался.

Я встал на цыпочки, мое сердце билось в предвкушении.

— Думала, ты хочешь поиграть, придурок! — крикнула Жница, когда Охотник исчез в каменистом ландшафте позади меня. Она направилась за ним, но когда подошла немного ближе ко мне, я решил, что сейчас самое подходящее время, чтобы вывести ее из игры.

Я спрыгнул с вершины скалы и приземлился ей на спину, отправив нас обоих на землю. Пока мы покатались вниз по склону горы, я перекинул струну через ее голову. Быстрым рывком струна врезалась ей под подбородком.

Я не совсем перерезал ей дыхательные пути, и Жница прислонилась ко мне в попытке вытащить голову из-под струны. Хотя я, как оказалось, не смог правильно расположить струну, чтобы задушить ее, она также не могла ее снять, поэтому начала бить меня по лицу и сбоку по голове. В ушах зазвенело от ударов, но хватка не ослабла.

Вот тогда-то она и решила на самый старый трюк.

Самый старый из-за того, насколько он был эффективен.

Она опустила одно плечо, подняла руку и ударила меня локтем по яйцам.

Даже кевлар не мог остановить это дерьмо.

— Сука! — закричал я, стараясь не согнуться пополам.

Даже сквозь толстую одежду, покрывавшую мое тело, удара ее локтя в промежность было достаточно, чтобы мой желудок сжался, и волна тошноты захлестнула меня. Этого было также достаточно, чтобы я полностью потерял хватку на удавке. Жница вынырнула из нее, повернулась в сторону и врезала мне в челюсть этим чертовым кастетом.

Я отшатнулся, но успел схватить ее за руку и потащить за собой. Мы споткнулись пару раз, прежде чем оба упали на колени в борьбе за контроль над ударами друг друга. Я схватился за арбалетную стрелу, все еще торчавшую у нее из плеча, и провернул ее, заставив закричать от боли. Видимо, это просто разозлило ее, потому что она умудрилась еще раз сильно ударить меня по плечу.

Черт побери, эта женщина умела бить кулаком!

Полностью отказавшись от струны, я позволил ей упасть на землю и снова пошел на Жницу, схватив стрелу в ее плече и обхватив рукой за горло. Она дернулась, и я ослабил хватку на стреле, но другую руку оставил на месте. Я крепче сжал ее шею, а другой рукой обхватил ее голову. Моя позиция была идеальной, и все, что мне нужно было сделать, это

повернуться, чтобы сломать ей шею, но у меня не было такой возможности.

Я услышал, как прозвучал выстрел, и не сомневался, чей он. Я приготовился к удару пули, а когда он последовал, на мгновение остолбенел. Но боль была не от пулевого ранения, а от простого тупого удара. Вместо того чтобы почувствовать выходное отверстие в спине, Жница обмякла в моих руках.

Спасибо Лэндону за Кевлар.

Я упал на землю и перекатился, заставив ее навалиться на меня как раз в тот момент, когда раздался еще один выстрел, из-за которого ее торс подпрыгнул в моих руках. Взглянув вниз, я увидел пару пулевых отверстий в ее теле — одно в центре груди, другое чуть ниже. За ее ногами я увидел скалистый утес, выступавший из горного склона всего в паре сотен метров. У самого края стоял Арден, швырнув снайперскую винтовку на землю, он протянул руку через плечо, развернул штурмовую винтовку и направил ее в мою сторону.

— Бл*дь!

Взрывы рикошетили от земли вокруг моих ног и вверх по телу Жницы, когда я нырнул головой под ее плечо. Линия пулевых отверстий пробилась сквозь толстый слой одежды вверх по ноге Жницы, и я почувствовал жгучую боль в бедре.

Выругавшись, я снова перекатился и потащил ее тело за собой в укрытие, пока не смог встать и вернуться за камни. Вне поля зрения Ардена, я быстро оценил свою ногу и определил, что она была только поцарапана. Я сделал паузу и старался держаться как можно тише, пока эхо выстрелов не затихло за утесами.

Я прислушался и постарался различить звук приближающихся шагов, но ничего не услышал, поэтому отпустил тело Жницы, опустился на колени, чтобы снять кастеты с ее холодных пальцев, и сунул их в один из многочисленных карманов своей парки. Я не собирался их использовать, но и не хотел, чтобы кто-то еще имел возможность использовать их против меня.

Мне нужно убираться отсюда к чертовой матери.

Поскольку Арден уже знал о моем местонахождении, лучшим шансом для меня было направиться вверх и лишить его преимущества на высоте, что я и сделал. Осторожно обошел каменный утес, пригнулся и как можно быстрее пошел вверх по склону горы. Как только немного поднялся, я побежал вправо и перепрыгнул через следующий гребень, а затем начал сползать вниз. В этом месте гора не была крутой, но моя нога немного пульсировала от напряжения, а небольшая рана делала путешествие более трудным. Это было не так уж плохо, просто раздражало настолько, что мне хотелось притормозить.

Раздался еще один выстрел, но не было ни боли, ни взрыва в земле рядом со мной. Либо Арден просто пытался меня напугать, либо целился в кого-то другого. Не думаю, что он способен на игры разума, и мне стало интересно, нашел ли он другую цель. Это казалось более вероятным, но я не был в этом уверен.

Меня так и подмывало прекратить свой крадущийся поход и осмотреть раненую ногу.

Но я этого не сделал.

Не мог.

Кроме Ардена, там были еще двое, у которых на уме было кровопролитие — Эрик Дыталов и Охотник. Если я поднялся бы достаточно надолго, чтобы обратить внимание на царапину от пули, то с таким же успехом мог задушить себя и покончить с этим, потому что шансы на то, что один из них найдет меня, когда я буду уязвим, сейчас были слишком велики. Мне просто придется не обращать внимания на боль.

Боль — это слабость, покидающая тело.

Двигайся. Всегда двигайся вперед, что бы ты ни чувствовал.

Поднимай свою гребаную задницу и двигайся!

К черту все это. Я не мог остановиться, потому что мне нужно было вернуться к Рейн.

* * *

Примерно через километр на горе Виндзор я наконец нашел достаточно безопасное место, ненадолго стянул штаны с правого бедра и взглянул на ногу. Это было не так уж плохо — просто царапина, как я и предполагал. Я немного почистил ее и остановил кровотечение, прежде чем снова прикрылся. Возможность обморожения в этот момент была более опасной, чем царапина.

Я был покрыт кровью Жницы, и вонь обожгла мой нос, когда я снял маску, чтобы немного поесть и попить. Вокруг меня была только тишина. С этого места в центре группы скал мне был виден весь путь до льдин внизу. Где-то поблизости были еще три человека, которые хотели убить меня, но сейчас все было тихо. Мне потребовалось время, чтобы сосредоточиться, вспомнить свои цели и обдумать то, что я должен был делать дальше.

Далеко подо мной вынырнули киты, выпустив потоки воды из своих отверстий и снова исчезнув подо льдом. Гигантские морские млекопитающие были единственными признаками жизни в этой суровой среде, если не считать нескольких покрытых коркой лишайников на северной стороне камней. На острове не было даже деревьев.

Фрэнкс не мог найти менее гостеприимного места в мире.

Хотя, вероятно, это было подходящее место для такой деятельности. Не мог не согласиться с ним. На острове не было никакого жилья. Здесь не было никаких поселений людей и очень мало растительности, привлекавшей животных. Здесь можно было найти только тех существ, которые действительно приспособились жить в Северном Ледовитом океане.

Конечно, осознание того, что вокруг не было живых существ, кроме тех, кто пытался меня убить, никак не влияло на мое душевное равновесие. Каждый раз, когда слышал, как камень падал на землю, я должен был предположить, что один из моих противников находился поблизости.

Я отпил из фляги холодной воды и вытащил из кармана тюбик геля с витаминами, белками и углеводами. Предполагалось, что на вкус он будет как шоколад с арахисовым маслом, но это было не так. На вкус это было просто отвратительно, но я все равно проглотил его вместе с горстью жирных орехов. Я никого не видел уже час и был благодарен за перерыв, хотя все еще оставался настороже. Услышал еще один выстрел, раздавшийся высоко в горах, но это было двадцать минут назад. С тех пор больше ничего не видел и не слышал.

Недостаток знаний был моим самым большим врагом. Я должен найти остальных трех игроков, прежде чем они смогли бы найти меня. Их лучшим шансом было застать меня врасплох, но я не мог этого допустить. Должен был продолжать двигаться.

Солнце стояло высоко в небе, но никак не согревало меня, когда я выбрался из скопления скал и снова начал подниматься на гребень. Я держался низко над землей и наблюдал повсюду вокруг себя — особенно вдаль — за любым движением. Прошел несколько сотен метров, ничего не заметив, а потом оказался у подножия невысокого утеса.

Высокие хребты по обе стороны от меня были бы так же трудны для подъема, как и скалы передо мной, поэтому я решил подняться на вершину.

В рукавицах, надетых поверх перчаток, карабкаться было трудно, но за последние несколько недель мы с Лэндоном отрабатывали это движение тысячу раз. Когда я подтянулся к краю небольшого плато и огляделся, мою кожу покалывало. Я никого не видел, но каждый инстинкт внутри меня говорил мне, что там кто-то был. Поэтому я осмотрел местность и пытался определить места, достаточно большие, чтобы скрыть человека. Слева были две группы скал, справа — углубление в земле и еще один выступ наверху.

Я обдумал все варианты.

Если бы я был в поле зрения Ардена, он мог бы убить меня в любое время. Это относилось к большинству мест, куда я мог пойти. Без прикрытия сверху он мог выстрелить в любой момент. Чтобы подняться дальше по склону горы, мне нужно было либо пересечь плато, либо спуститься вниз, чтобы найти другой путь наверх. Я потрачу впустую время и энергию, которой у меня не было, если снова отправлюсь вниз. Если кто-то из них прятался здесь, а я был почти уверен, что это так, они попытаются напасть на меня, когда я пересеку открытое пространство. Либо Охотник, либо Эрик.

Я был почти уверен, что Охотник не очень хорошо скрывался — он полагался на свою грубую силу, которая обычно работала в турнирной обстановке. Здесь же было разумно быть осторожным и молчаливым. Если бы Охотник был рядом, я бы его уже услышал. Оставались Эрик и его ножи, некоторые из которых можно было метать. Это было бы идеальное место для него, чтобы спланировать засаду. Метательный нож определенно может быть смертельным на расстоянии, но не тогда, когда ты покрыт кевларом.

Знание — это сила, так говорилось в «Школьном доме рока».

Я решил рискнуть.

Мои инстинкты редко ошибались.

Я был на полпути через плато, когда нож застрял в центре моей груди, прямо в центре кевларового жилета. Я взглянул на клинок, схватился за рукоять и с улыбкой вытащил его.

Эрик не успел спрятаться за камень достаточно быстро, чтобы я его не заметил. Не теряя времени, я помчался в его сторону. Должно быть, он услышал мое приближение, потому что вышел из-за своего укрытия, чтобы метнуть еще один нож. Еще до того, как он выпустил его из рук, я увидел панику в его глазах. Я был слишком близко, и он понял, что потерял преимущество. Нож, вылетевший из его руки, широко раскрылся и исчез за утесом.

С ухмылкой на лице я бросил ему метательный нож. Я наблюдал, как он сжал пальцы и наклонился, чтобы поднять клинок, посмотрев на меня с недоверием. Пока он колебался, я бросился в атаку.

Не было ни насмешек, ни подшучиваний, когда мы с Эриком двигались друг вокруг друга по кругу на вершине плато. В левой руке он держал Буссе, а в правой — метательный нож. Я не знал, что творилось у него в голове, но его глаза оставались широко раскрытыми, а шаги нетвердыми. Для опытного турнирного бойца он вел себя как новичок. Что-то изменилось со времени его последнего боя. У него не было той уверенности, которую я ожидал.

Хорошо.

Когда дело касалось тех, кто не был уверен в себе, выжидательная игра всегда работала в мою пользу. Он бросил в меня последний нож, но мы были слишком близко, чтобы такое метательное оружие могло быть эффективным. Потеря его только дала мне дополнительное

преимущество. Он был неряшлив и напуган, что делало меня спокойнее и увереннее в себе. Он надеялся, что я сделаю ход, но я победил благодаря терпению. В конце концов он сделал шаг ближе ко мне, тыча Буссе.

Он был быстр, но недостаточно.

Шагнув в сторону, я сжал пальцы вокруг его запястья и остановил движение оружия. Быстро развернувшись, я вывернул его руку и поднес к боку, вонзив лезвие сквозь его парку и внутреннюю одежду в живот чуть ниже грудной клетки. Когда я почувствовал, что его рука ослабла, я толкнул лезвие в сторону, рассек мышцы его живота, и он закричал от боли.

Я отпустил ручку и быстро обернул струну вокруг его шеи. Эрик двигался быстро, схватив ее пальцами в тонких перчатках, прежде чем я смог затянуть ее полностью. Я ударил его коленом в спину возле почек, и он охнул от удара. Если бы его не подвесили за шею, он упал бы на колени.

Быстрым движением он ударил меня затылком в лицо, и мы оба упали, когда боль пронзила мою челюсть. Он упал на меня, но я не ослабил хватки. Мышцы на моих руках напряглись, пока он боролся со мной. Его рука застряла между струной и шеей, так что я не мог как следует ухватиться за нее, чтобы задушить. Я видел, что струна режет его с одной стороны, и тянул все сильнее и сильнее, но сил у него оставалось достаточно, чтобы попытаться заговорить.

— Ублюдок! — он извивался и поворачивался, но я продолжал сжимать струну на его шее. Кровь сочилась из пространства между его пальцами, пока удавка врезалась в его плоть под перчатками.

— Сдавайся, — тихо сказал я. — Все кончено. С тобой покончено.

Он закричал и дернулся, чтобы сбросить меня, но у него не хватило сил, потому что кровь хлынула из его бока на землю. Я усилил хватку и продолжил резать его кожу, хотя и не мог повредить трахею. По мере того, как слабела его борьба, слабел и голос.

— У меня ребенок... — простонал он, тяжело задышав. — Девочка... у нее никого... бл*дь, нет...

Я разжал фортепианную струну левой рукой и оттолкнулся ногами назад, позволив его голове упасть на снег, когда струна соскользнула с его руки и шеи. Кровь сочилась из того места, где удавка вошла в его кожу возле яремной вены, но не настолько большой струей, чтобы я подумал, что перерезал ее. Это не имело значения. Обнаженная кожа от пореза и кровь, вытекавшая из его живота, этого было более чем достаточно, чтобы убить его.

Но его слова были для меня как удар.

Эрик попытался перекатиться в сторону, но не смог. Он пытался вытащить нож из тела, а я стоял в нескольких метрах от него и смотрел, как он истекал кровью. Мне следовало вмешаться и прикончить его быстрее, но я не мог заставить себя сделать это. Раны, которые он получил, были его концом. Не то, чтобы сюда приезжал какой-нибудь неотложный медицинский персонал.

Он поднял на меня остекленевшие глаза и открыл рот, собираясь произнести что-то еще, но не смог сказать ничего вразумительного. Я присел, чтобы не упасть, и затаил дыхание, пока его кровь растеклась лужей под ним. Он сделал еще пару вдохов, прежде чем затихнуть.

Где его дочь?

Эта мысль рокотала в моем мозгу, но я не мог знать наверняка. Поэтому надеялся, что она была с кем-то, кто позаботился бы о ней, потому что ее отец не вернется домой. Это

была цена, которую он заплатил за то, чтобы быть частью всего этого. Это была цена, которую мог заплатить любой из нас.

Только не я.

Я посмотрел в тусклый красный огонек очков Дыталова, зная, что в комнате было полно людей, наблюдавших за мной. Они могли видеть мое лицо через его камеру, а его — через мою. Если бы я мог их видеть, то стал бы свидетелем того, как большие пачки наличных передавались туда-сюда, а проигравшие раздавали свои деньги злорадствующим победителям.

Я уставился на свет, желая показать им всем средний палец, но не мог этого сделать, не сняв перчатки. Мне пришлось довольствоваться одним взглядом. Игра шла всего три часа, а половина игроков уже вышла. Если я продолжу в том же темпе, то смогу снова спать с Рейн сегодня вечером.

Тоненький голосок внутри меня — голос, похожий на голос Рейн, — сказал мне, что я должен пожалеть о том, что только что сделал. Тот же голос пытался сказать мне, что я делаю неправильно. У меня не было никаких аргументов против этого, но я также не мог заставить себя чувствовать угрызения совести.

Моя решимость укрепилась. По крайней мере, сейчас кровь на моих руках не имела никакого значения.

Прошел час с тех пор, как я убил Эрика Дыталова, а я не видел ни Ардена, ни Охотника. Несколько минут назад с запада раздались еще два выстрела. Я не был экспертом по оружию, но был совершенно уверен, что стреляли из пистолета, а не из снайперской винтовки Ардена. Я точно определил направление, откуда исходили звуки, и направился в ту сторону.

Ухватился обеими руками, подтянулся к вершине гребня и осторожно огляделся. Темная фигура лежала внизу на земле лицом вниз. По его размерам я понял, что это Охотник. Он выглядел мертвым, но я не собирался рисковать. Медленно приблизился со струной, обернутой вокруг моих прикрытых кулаков. Насколько я мог видеть, огромная глыба тела вообще не двигалась, но тактика опоссумов была распространена на турнирах, и я не был настолько глуп, чтобы делать какие-либо предположения.

Я обмотал струну петлей в одной руке, круг был достаточно большим, чтобы при необходимости проскользнуть над головой Охотника. В другой руке я сжимал окровавленный кастет Жницы. Медленно и тихо приблизился к телу. Подошел достаточно близко и увидел аккуратное пулевое отверстие в затылке Охотника. Его лицо превратилось в сплошное месиво на снегу.

В голой руке он держал пистолет. Опустившись на колени, я потянулся к нему, но его кожа практически приросла к рукояти. Я мог бы вырвать его у него, содрав кожу с мертвой плоти, но не стал этого делать. Я уронил его руку и оружие обратно на снег.

Мне лучше с тем, что у меня было.

Я посмотрел вверх и пытался угадать, где этот ублюдочный снайпер, и смотрел ли он все еще вниз на это место. Единственный способ узнать это — услышать выстрел перед смертью. Я сделал паузу немного дольше, чем должен был, проверив его или себя; я не был уверен. В конце концов, это не имело значения. Выстрела не последовало.

— Только ты и я, Арден, — прошептал я ледяному ветру.

* * *

Наступало изнеможение. Как бы мне ни хотелось двигаться дальше, но было чертовски холодно.

Все уже должно было закончиться.

Я понятия не имел, где Арден, и мог только надеяться, что он тоже не знает, где я, или, скорее, не догадается об этом до того, как мне удастся его найти. Каждый раз, выходя из укрытия хребта, я напрягался и ждал выстрела.

Может быть, он уже мертв.

Это была ошибочная мысль, которую я тут же отбросил. Если он мертв, они узнают об этом по его камере и пришлют за мной вертолет. Поскольку я не слышал никакого вертолета, он определенно был еще жив. Мне просто нужно продолжать искать.

Время поджимало.

Прошла большая часть дня, и солнце стояло низко над горизонтом. Единственным спасением было то, что в этой части света не будет ни заката, ни темноты. Хотя это не остановило и без того ледяную температуру от значительного падения. Я не был уверен, как

долго еще смог бы сражаться на холоде, ветер поднялся, а мои пайки истощились. В отличие от других местностей, здесь не было ни растительности, ни животных. Может быть, я мог бы проделать весь путь до подножия горы и попытаться счастья на рыбалке, но количество энергии, которое я потратил бы на этот процесс, не стоило моих усилий.

Кроме того, на скалистых и ледяных гребнях горы Виндзор не было реального места, где можно было бы укрыться, а это означало, что я должен был продолжать двигаться. Единственное, что удерживало меня от паники — это осознание того, что Арден в таком же затруднительном положении. В отличие от меня, он никогда раньше не играл в эти игры и не был так искусен в адаптации к окружающей среде. Мои шансы выжить на открытом месте были выше, чем у него.

Не стоит никого недооценивать.

Если бы этот чувак смог справиться с тем, что его связали в пустыне как военнопленного, может быть, он был в порядке и здесь, на холоде. Я, конечно, не мог рассчитывать на то, что он замерзнет насмерть. Если бы он это сделал, я бы все равно застрял здесь до утра. Вертолет не стал бы искать меня при таком сильном ветре.

Надо его найти.

Я перелез через другой гребень и встал на него. Было глупо здесь стоять, но это давало мне гораздо лучшую точку обзора. Если бы Арден был где-то рядом со мной, я мог бы найти его до того, как он выстрелит.

Ничего.

Я присел на корточки и положил руку на вершину гребня, прикинув расстояние до плоской земли внизу. Я вдохнул и прыгнул...

...как раз в тот момент, когда раздался выстрел.

Вздрыгнув, я неуклюже приземлился на плечо, но все же сумел перекатиться и встать на ноги. Не раздумывая, я побежал к дальнему гребню в поисках укрытия, когда еще один выстрел пронзил землю у моих ног, подбросив осколки льда в воздух и обратно к гребню, с которого я только что прыгнул.

Он передо мной.

Я прыгнул и постарался держать голову низко и прижатой к груди, и петлял, чтобы помешать прицеливанию Ардена. Я услышал еще один выстрел, но не увидел, куда он попал, только знал, что не в меня. Сделав свой последний шаг, я врезался в склон хребта и упал.

Взглянув вверх по склону скалы, я не увидел никаких темных очертаний, которые указывали бы на местонахождение Ардена. Это было хорошо, потому что означало, что он, вероятно, тоже не мог меня видеть. Однако это также означало, что я все еще не знал точно, где он был.

Нельзя терять времени.

Я направился в гору, и мои ботинки хрустели в ледяном слое снега. Продвигаться было все труднее и труднее, так как местность превратилась из льда, грязи и камня в лед, камень и снег. Я двигался так быстро, как только мог, все время оглядываясь через плечо в поисках любого признака противника.

Чем выше я поднимался, тем глубже становился снег. Я тяжело дышал и начал потеть, что было плохим сочетанием. Мне пришлось притормозить, чтобы не перенапрячься.

Я добрался до вершины высокого хребта и перелез через еще один выступ скал и снега. Моя нога немного соскользнула. Снег здесь был не таким плотным, как лед внизу. Это был зернистый порошок, и вокруг меня торчали темные пятна скал. Я сделал еще один

неуверенный шаг, рыхлый снег рассыпался и покатился по гребню, унеся с собой несколько камней. Пока я смотрел, куски снега скатились со скал, прежде чем я смог отдернуть ногу и найти другое место, чтобы встать.

*Бл*дь.*

Я восстановил равновесие и держался обеими руками, чтобы не упасть. Еще несколько покрытых льдом камней покатались вниз по склону горы подо мной, когда я сделал глубокий вдох и подтянулся. Мышцы напряглись, чтобы поднять мой вес вверх и через выступ.

Я пригнулся, перемахнул через небольшой плоский выступ и взобрался на гребень. Надо мной был еще один выступ, предлагавший укрытие с более высоких вершин горы. Мне показалось, что Арден не намного выше меня, и я начал оглядываться по сторонам.

По-прежнему ничего, кроме ненадежных скал и замерзшей местности.

Я вздрогнул, выхватил из кармана пригоршню орехов макадамия и начал карабкаться по следующему уступу. Снежный покров становился все более неустойчивым, когда я поднимался выше, и я держался поближе к вершине хребта и хватался за устоявшуюся скалу, пока полз вверх по склону горы.

Я достиг вершины южного края горы Виндзор. Если смотреть на север, то можно было увидеть глубокое ущелье из гладкого снега, разделявшее южную и северную стороны острова. Скалы, ведущие вниз, были очень крутыми, и нет никакого способа безопасно спуститься с того места, где я находился.

Я мог видеть весь остров вокруг себя, вплоть до Северного Ледовитого океана. Белый снег, серый лед и сверкающая бирюзовая вода выглядели так мирно с моего наблюдательного пункта, что я почти забыл о кровопролитии, которое уже произошло в этом отдаленном, безмятежном месте. Однако я не мог тратить время на то, чтобы наслаждаться пейзажем — мне нужно было продолжать двигаться.

Я медленно шел по ненадежному краю хребта, оглядываясь по сторонам. Мои ноги пару раз скользили, и я смотрел, как рыхлый снег образовывал небольшие холмики и скатывался вниз по склону горы. Впереди виднелась большая каменная глыба, и я направился к ней.

Скорчившись в расщелине, я остановился, чтобы перевести дыхание. Делал слишком много перерывов и терял время, но ветер начал проникать сквозь слои одежды, покрывающей меня, и даже начал задувать в щель в нижней части моей маски.

Заправив края маски поглубже в вырез парки, я убедился, что между ртом и тканью еще достаточно места для влажного дыхания, чтобы не намочить одежду.

Мои пальцы болели от интенсивного подъема. Я потратил пару минут, размяв их и убедившись, что не поранился. Я даже не был уверен, поскольку холодная температура часто маскировала травмы. Сейчас я даже едва ли чувствовал то место на ноге, куда днем попала пуля Ардена.

Мое внимание привлекла темная фигура.

Я не сомневался, кто это был, и мое сердце учащенно забилося, когда я увидел, как Арден пробирался через вершину хребта в двухстах метрах от того места, где я был скрыт между скалами. Штурмовая винтовка была перекинута через плечо и зажата в одной руке, в то время как он использовал другую, чтобы поддержать свой переход через неустойчивые камни. Он огляделся по сторонам, как будто искал путь вниз.

Это был лучший шанс за весь день.

Я попятился через скальное образование и не сводил с него глаз ни на секунду. Не мог

потерять его из виду. Соскользнув на самый край гребня, я держался руками и двигался справа налево по узкому выступу, одновременно с этим считал движения рук, пока не достиг двухсот. Согнувшись, я поднялся достаточно высоко, чтобы заглянуть через выступ, но мне пришлось быстро спуститься вниз, постаравшись не издать ни звука.

Он был прямо передо мной.

Я закрыл глаза и сосчитал до пяти, глубоко дыша, чтобы сосредоточиться. Согнув колено, я нашел устойчивую скалу, готовую принять мой вес, и взобрался на вершину хребта.

Арден повернулся на звук, но я уже прыгнул на него. Когда мы столкнулись, он попытался взмахнуть винтовкой перед собой, но выстрел, который он произвел, прошел далеко справа от меня. Мы приземлились в снег, он на спине, а я верхом на нем.

Мой первый удар пришелся ему прямо в грудь, второй — в висок. Я мог бы потянуться за фортепианной струной на поясе или даже за Буссе, который снял с тела Дыталова, но не стал этого делать. Мне хотелось ударить его. В этот момент я обвинил его во всем, что произошло за последний месяц.

Арден был таким же скользким, как лед у береговой линии. Каждый удар, который я наносил ему, попадал в цель, но не в жизненно важное место. Он положил руку мне на грудь и ухватился за куртку. Винтовка все еще была зажата в другой руке, но он не мог маневрировать ею, чтобы открыть огонь.

Однако он мог ударить меня ею, что и сделал.

Затылком я отметил, насколько это был хороший удар. Нужно много сил, чтобы ударить кого-то из положения лежа, и он умудрился это сделать. Это потрясло меня, и я начал падать на бок. Схватив его за лицо, я сорвал маску, защищавшую его от ветра, в то время как он толкнул меня обеими руками в грудь, и мы покатались прямо к основанию хребта.

Мы оба лежали боком, каждый из нас боролся за то, чтобы забраться друг на друга. Я был крупнее его и мускулистее, но ему все равно удавалось держать меня на расстоянии. Он прижал винтовку к моему боку, и я едва успел оттолкнуть его, прежде чем он выстрелил.

Взрывная волна вошла в скалу, осыпав нас обоих обломками. От этого шума у меня зазвенело в ушах, а тело отреагировало, заставив кровь стучать в голове. Мое зрение затуманилось, и я почувствовал, что моя хватка начинает ослабевать. Когда у меня закончились варианты, я врезался лбом в его лоб.

Это был не такой резкий удар из-за всех этих слоев одежды на нас, но этого было достаточно, чтобы отправить его на спину. Винтовка снова выстрелила в скалу, и вся гора протестующе загудела.

Арден подтянул ноги и пнул меня в живот. Удара было недостаточно, чтобы выбить из меня дух, но его инерции было достаточно, чтобы он откатился за пределы моей досягаемости. Он вскочил на ноги прежде, чем я успел сделать то же самое. К тому времени, как я приблизился к нему на два шага, он уже был на краю обрыва.

Я посмотрел через выступ и увидел, как он скользит вниз по крутому склону сквозь снег. Он едва контролировал свое падение и чуть не врезался в выступ скалы, но достиг своей цели — убраться от меня на хрен. Расстояние было его единственным преимуществом.

— Киска, — пробормотал я, спустившись по склону. — Думаешь, это тебя спасет?

Произнесенные слова просто сделали ответ очевидным для меня — да, это могло бы спасти его. У меня было очень мало вариантов: спуститься за ним с горы, поискать лучший путь вниз, позволить ему уйти и начать все сначала.

— К черту, — проворчал я.

Опустившись на колени возле выступа, я прыгнул вниз. Мне необходимо было догнать его, прежде чем он мог найти устойчивое место, чтобы перегруппироваться и как следует прицелиться.

Камни и снег каскадом сыпались со скалы вместе со мной. Я бежал параллельно снегу. Арден был далеко подо мной, пытался замедлить спуск и встать на ноги. Когда сползающий снег прекратился, я начал быстро догонять его, вытянув удавку из петли на моем поясе, и направился к нему.

Арден остановился, уперся ногой в выступающий из снега камень и обернулся. Ствол винтовки смотрел прямо на меня.

Я подпрыгнул в воздух, услышал выстрел и почувствовал удар в бок. Кевлар не дал ему войти в мое тело, но удар вывел меня из равновесия. Я наклонился к Ардену, схватил его за руку, и мы оба покатались вниз с горы, а снег скользил вокруг нас.

С ворчанием мое тело резко остановилось, когда я ударился о камни. Секунду спустя кулак Ардена оказался у меня перед носом, и пока я лежал оглушенный, он поднес винтовку к моему лицу. Мы были слишком близко, чтобы он мог эффективно использовать такое длинное оружие. Я ударил его по руке, когда он попытался поставить винтовку на место, и одновременно подтянул колено, чтобы ударить его в бок. Взрыв зазвенел у меня в ушах, когда пуля ударила о камень рядом со мной.

Мы изо всех сил пытались установить контакт друг с другом и с самой винтовкой, но ни один из нас не смог получить преимущества. Я получил пару ударов стволом оружия, а также нанес несколько в бок и лицо Ардена. Он принимал каждый удар с едва слышным ворчанием.

Отчаявшись получить преимущество, я отпустил винтовку и обеими руками ухватился за фортепианную струну. Накинул ее ему на голову и притянул лицо Ардена к своей груди удавкой. Я не мог надеть его ему на шею, но он, по крайней мере, не мог пошевелиться настолько, чтобы маневрировать с винтовкой. Зарывав, Арден развернул ее и трижды выстрелил в скалу прямо под моим лицом. На самом деле он не пытался меня ударить, но я сразу понял, чего он добивается.

Это тоже сработало.

Моя голова пульсировала, поскольку взрыв так близко от моего уха оглушил меня. Я ничего не слышал, но чувствовал, как грохочет земля подо мной.

Казалось, дюжина вещей происходит одновременно.

Вспышки оружия Ардена сопровождались оползнем снега и камней прямо над моей головой. Я моргнул, но все, что мог видеть, было тело Ардена, когда стена снега врезалась ему в спину и отправила в полет надо мной вместе с волной снега. Мое тело скрутилось, а ноги прижались к груди. Я откатился назад и схватился за камень, прежде чем перелетел через край.

Все кругом было белым. Снег накрыл меня, вторгся в мою маску и заполнил мой рот. Я почувствовал давление на свое тело, мои руки, казалось, вот-вот вырвутся из суставов. Если я отпущу камень, то буду погребен под лавиной, как и Арден.

«Я люблю твою силу».

Голос Рейн шептал у меня в голове, укрепив мою решимость, пока я держался. Куски камня врезались в мое тело, снег завалил меня полностью, давление возрастало. Я ничего не мог поделать. Не мог дышать. Не было никакой возможности удержаться. Я был недостаточно силен.

И потерял хватку. По крайней мере, сейчас я спускался с горы трудным путем.

Все полностью вышло из-под контроля. Единственное, что мне удалось сделать, это опустить голову и обхватить себя руками, чтобы не врезаться в камни жизненно важной частью своего тела. Мое зрение было затуманено снегом, и единственное заметное изменение заключалось в том, что все вокруг менялось от полностью белого к слегка голубому, снова к белому, а затем к черному.

Я продолжал падать. Мой затылок ударился обо что-то твердое, и белые вспышки заполнили мои глаза, а мои очки сначала наполнились снегом, а затем слетели. Я кувыркался, но пытался повернуться и выпрямиться, а рыхлый снег стал глубже, и я снова не мог дышать. Вспомнив все, что Лэндон когда-либо рассказывал мне о лавинах, я начал двигать руками и ногами так сильно, как только мог, в классическом австралийском стиле кроля — пытался выбраться из снега, пока не потерял весь воздух в легких.

Движение сработало, и серый снег снова стал белым. На мгновение моя голова высунулась из-под снега, и я смог сделать глубокий вдох. Это продолжалось недолго, и меня быстро снова похоронило. Я продолжал «плыть» и хватать ртом воздух при каждом удобном случае.

Грохот и тряска, наконец, замедлились, а затем полностью прекратились, я внезапно остановился, когда моя нижняя часть тела ударилась обо что-то твердое. Я ни черта не видел и понял, что полностью погребен под снегом. В голове стучало, и я даже не был уверен, в какую сторону двигаться.

Я вообще не чувствовал своих ног.

Сначала о главном. Мне нужно дышать.

Я поводил головой из стороны в сторону, а затем вперед, создавая небольшой воздушный карман вокруг своего лица. Но долго это не продлится — может быть, минуту или две, — так что мне нужно было как можно быстрее выбраться наружу. Чтобы сделать это, нужно было знать, в какую сторону копать. С моей головой, все еще кружившейся от падения, я понятия не имел куда.

Собрав слюну во рту, я посмотрел вниз на свою разорванную маску и позволил слюне сбежать с моих губ. Подчиняясь силе тяжести, она стекала прямо по моему подбородку, что означало, что мое тело находилось вертикально.

Чертовски хороший знак.

Я поднял руку вверх по телу до лица. Сделал воздушный карман побольше, прежде чем продолжить копать пальцами вверх. Лед и снег были не слишком плотными, и потребовалась всего минута, прежде чем моя рука вынырнула на поверхность. Я был под слоем снега примерно в полтора фута, но, по крайней мере, мог видеть и, что более важно, дышать.

Я глубоко вдохнул холодный, свежий воздух. Все еще не чувствовал своих ног, но, по крайней мере, у меня был кислород.

Шаг первый выполнен.

Я на минуту закрыл глаза и попытался вспомнить, что знал о лавинах. Все, что я вспомнил, говорило мне, что я был в полной заднице. Обычно в такой ситуации — не то чтобы попасть под лавину было нормальным — кто-то должен был быть поблизости, чтобы помочь. В моем случае я уже знал, что только один человек все еще искал меня, и надеялся,

что Эван Арден сейчас находился под десятью тоннами снега и льда. Это был не тот способ, которым я хотел убить его, но это все равно сделало бы свое дело.

В любом случае смерть Ардена не помогла бы мне выбраться отсюда, и я не одержал победу, если не смог выкарабкаться. Потеря моих очков во время схода лавины также означала потерю камеры и GPS-локатора, прикрепленных к ним. Ни один из инвесторов в лагере Фрэнкса не смог бы увидеть то, что видел я. Если Арден был полностью похоронен, у них также нет никакого способа найти его.

С образами Рейн и Алекса в моей голове я начал пробиваться сквозь снег.

Я двигал руками в отверстиях, которое проделал рядом с головой, расширил карман вокруг себя, а также отверстие в нескольких дюймах над головой. Часть снежного покрова вокруг меня осыпалась, но также расчистив пространство передо мной. Отверстие впускало больше свежего воздуха и давало мне возможность немного понаблюдать за окружающим миром. Правда, смотреть было особо некуда, кроме неба, но это было намного лучше, чем снег. Что беспокоило меня больше всего, так это вид передо мной.

Я лежал на спине под углом примерно в пятнадцать градусов, вокруг меня были снег и лед, но когда снег перед моим лицом исчез, я обнаружил, что смотрю на овраг. Я находился примерно на трети пути вверх по склону горы. Прямо подо мной был широкий скальный выступ. Если удастся выкопать себе выход, мне придется карабкаться вниз по скале передо мной.

Мысли о том, чтобы карабкаться по скалам, также заставили меня задуматься о своих ногах. Я снова начал чувствовать их, и то, что я чувствовал, было совсем не хорошо. Левая начала нестерпимо пульсировать, и я был почти уверен, что она либо сломана, либо, по крайней мере, сильно порезана от удара о камень. Не узнаю наверняка, пока не выкопаю себя, поэтому я начал разгребать снег вокруг груди и живота. Это было медленно, и я не мог повернуть голову, чтобы осмотреться или что-то в этом роде, поэтому просто сосредоточился на льду и снеге передо мной.

Мне казалось, что я занимался этим часами, хотя прошло не больше нескольких минут. Холод просочился в меня, и я дрожал, из-за чего было трудно убрать снег. Теперь передо мной было приличное отверстие, и я мог видеть намного лучше. Смахнул еще больше снега за спину и подальше от лица, в результате чего шее прибавилось маневренности.

Как только я подумал, что смогу освободить свои плечи, краем глаза заметил небольшое движение. Возле своего правого уха я почувствовал холодное давление, прижатое к моему виску, за которым последовал слышимый щелчок.

Нет.

О, черт возьми, нет.

Я не мог пошевелиться настолько, чтобы обернуться и даже увидеть его, не говоря уже о том, чтобы попытаться отбиться от него. Но мог, по крайней мере, надеяться, что звука выстрела будет достаточно, чтобы вызвать еще одну лавину и прикончить его жалкую задницу, если я умру в снегу, но я ничего не мог сделать, чтобы остановить его.

Эван Арден приставил пистолет к моей голове, и я ничего не мог с этим поделать. Мое и без того холодное тело стало еще холоднее.

Рейн.

*Я, бл*дь, подвел ее.*

Снова.

Я напрягся всем телом и готовился к тому, что должно было произойти, закрыл глаза и

попытался удержать в памяти ее лицо, но «Беретта» Ардена была слишком велика, чтобы ее игнорировать.

Ублюдок.

— Разве ты не должен был сначала произнести какую-нибудь речь типа «ха-ха-я-знал-что-я-выиграю-все-это-время»? — спросил я с рычанием.

Я услышал, как он фыркнул позади меня.

— Не совсем в моем стиле, — сказал он.

Дуло «Беретты» чуть сильнее прижалось к моему черепу, и, не сказав больше ни слова, Эван Арден нажал на спусковой крючок.

Раздался щелчок — громче, чем от удара молотком, — но на этом все.

Никакого выстрела. Никакого продолжения лавины. Никакой пули в моем мозгу.

— Черт, — пробормотал Арден.

Я расслабил свои мышцы.

— Кончились патроны? — спросил я и тихо усмехнулся, потому что гребаная ирония была идеальной, и я подумал, что это разозлит его.

— Нет, — сказал он невозмутимым голосом. — Заклинило. Наверное, из-за льда или удара о скалу, или еще из-за чего-нибудь.

Я почувствовал, как у меня все внутри перевернулось. Арден был слишком хорош, чтобы его остановил заклинивший пистолет. Через несколько секунд он снова начнет борьбу, а этого времени мне было явно недостаточно, чтобы прийти в себя настолько, чтобы развернуться, взять пистолет и забить его тупым концом до смерти. Это была всего лишь отсрочка неизбежного.

Рейн.

Я снова закрыл глаза и попытался быть благодарным за то, что у меня было немного времени, чтобы представить ее лицо, подумать о том, как она пахла, и вспомнить, как ощущалась ее кожа в моих руках. Я надеялся и молился, что Лэндон просто отпустит ее и Алекса, теперь, когда они ему были не нужны.

Я сделал долгий, прерывистый вдох и стал ждать неизбежного.

Но этого не произошло.

— Твою мать, — пробормотал Арден, и я понял, что думал о Рейн уже довольно давно, и все еще не был мертв.

— Проблемы? — я надеялся, что моя ухмылка была очевидна в моем голосе.

— Есть немного, — сказал он прямо, но не стал вдаваться в подробности.

У меня было такое чувство, что разговоры не были одной из сильных сторон Эвана Ардена.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Арден сделал глубокий вдох, и когда он выдохнул, водяной пар окутал меня. Я услышал и почувствовал, как он пошевелился в снегу, и понял, насколько близко он был ко мне. Нас обоих остановил скальный выступ прямо под нами. Если бы я мог развернуться достаточно, чтобы дотянуться до спины, то мог бы свернуть ему шею.

Почему он просто не забьет меня до смерти?

Прежде чем я успел отреагировать на одну мысль или обдумать другую, он ударил меня сбоку по голове тупым концом своего оружия.

— Ай! Ублюдок!

Угол был неудачный, иначе он вырубил бы меня. Он снова ударил меня, но в последний

момент мне удалось немного отклонить голову в сторону. Стиснув зубы, я услышал скребущий звук, пока он двигал рукой. Сосредоточившись, я подождал, пока звук хруста снега дойдет до моих ушей, поднял руку за голову и схватил его за запястье.

В итоге у меня остались два пальца и часть пистолета, которые я вывернул назад, пытаясь сломать ему пальцы. Мое запястье шаркнуло о камень, но толстая одежда не позволила ему оцарапать кожу. Он напрягся, приготовившись к движению, а я ждал, что он схватит меня другой рукой, но он этого не сделал. Он попытался отстраниться, но я этого не хотел. Как бы больно это ни было, я ухватился за его пальцы и неловко ударил рукой под углом назад о камень за моей головой.

Арден хмыкнул, наши руки разжались, и пистолет выпал из его хватки, каскадом скатившись с утеса и, ударившись о камень, высоко подпрыгнув в воздухе. Бесшумно вращаясь, он исчез из поля зрения, больше не являясь частью арсенала Ардена.

— Бл*дь, — пробормотал он совершенно монотонно.

— Почему ты просто не застрелил меня, черт возьми? — огрызнулся я.

— Он был все еще заклинившим.

— Я думал, ты гребаный эксперт по оружию, — бросил я вызов. — Ты хочешь сказать, что не мог этого исправить?

— Не одной рукой, — ответил он тем же тоном.

Одной рукой... Он потерял гребаную руку во время схода лавины?

Это было возможно, и я надеялся, что это правда. На таком холоде истекание кровью до смерти заняло бы довольно много времени, но то, что он умрет таким образом, звучало для меня довольно хорошо.

Я передвинул плечи, прижался к снегу позади меня и попытался создать небольшое пространство для маневра. Мне это удалось лишь отчасти, но дало мне достаточно места, чтобы повернуться и увидеть его.

Эван Арден лежал на боку, лицом ко мне, одна рука была не просто под ним, а полностью погребена под камнями и снегом. В отличие от моей ледяной могилы, гробница Ардена была сделана больше из камней, чем изо льда, и он был определенно придавлен. У него также была зажата одна нога.

Я издал короткий смешок.

— Ну, ты в жопе, — просто сказал я и вернулся к разгребанию снега вокруг своей нижней половины. Если бы я мог выбраться, то мог бы прикончить его без особого сопротивления.

Полчаса спустя я задыхался, обливался потом, замерзал и все еще был совершенно не в состоянии выбраться. Я уронил голову обратно в снег позади себя и наблюдал, как мое дыхание клубами поднимается вокруг маски и над головой.

Я повернул голову, чтобы увидеть стоическое лицо Ардена, пока тот, прислонив голову к камню, смотрел на утес. На снегу было много следов там, где он, очевидно, пытался высвободить руку, но камней и льда было слишком много. Ему понадобится гребаный бульдозер или, по крайней мере, какая-то помощь, которую я не собирался предлагать.

Его взгляд переместился на меня.

— Предполагалось, что это будет моя гребаная отставка, — пробормотал Арден.

— Ха! — я фыркнул. — У меня тоже.

— Ах, да? — он опустил голову ниже, чтобы положить ее на снег, и снова вздохнул. — Тогда что ты здесь делаешь?

— Убить твою задницу — таков план, — просто ответил я.

— Я слышал это раньше. Все, кто когда-либо говорил это, плавают в реке Чикаго.

— Все, кому я когда-либо говорил это, находятся на глубине шести футов.

Он перевел взгляд на меня и слегка кивнул.

— Я слышал, — сказал он, — но ты уже давно не участвуешь в играх.

Я ничего не стал комментировать. Моя нога начала пульсировать, и я был убежден, что она сломана. Разговор отвлекал, был бессмысленным и выводил меня из себя. Мне нужно было выбраться из этого и убить парня, лежавшего рядом со мной. Даже тогда мои шансы спуститься обратно с горы со сломанной ногой уменьшались с каждой минутой.

Мне было холодно. Действительно чертовски холодно.

Я закрыл глаза и попытался думать о Рейн, надеясь, что мысли о том, что она ждала меня, придадут мне немного больше мотивации и, возможно, даже немного согреют. От этих мыслей у меня просто запульсировал затылок, и я протянул руку, чтобы потереть его. Там сзади была большая шишка, и от прикосновения к ней у меня закружилась голова.

Чертовски потрясающе.

Я откинул голову на сугроб, чтобы отдышаться. Мне нужна была энергия, поэтому я немного покопался сбоку от себя, пока не смог дотянуться до кармана с тубиками питательной слизи. Я всосал его, а затем съел несколько орехов, чтобы избавиться от привкуса чрезмерно обработанного дерьма в тубике.

— Почему ты согласился играть? — спросил Арден. — Если ты должен быть на пенсии, зачем возвращаться сейчас? Это все из-за войны в Чикаго, а не в Сиэтле.

— Это было не совсем по моей воле, — сказал я со вздохом. Я слишком устал, чтобы кричать на него, и в любом случае тратить энергию впустую было плохой идеей. — Почему ты здесь? Ты никогда раньше не был турнирным игроком.

— Нет, никогда не был, — подтвердил он.

— Итак, почему?

— Ринальдо попросил меня сделать это, — просто сказал он.

— Ты всегда делаешь то, что он просит?

— В значительной степени, — подтвердил Арден.

— Почему ты?

— Я убил парня, который должен был участвовать, — ответил Арден, посмотрев в небо.

— Ты убил одного из людей своего босса?

Он медленно перевел взгляд на меня. Ему не нужно было отвечать устно.

— У тебя есть яйца, — пробормотал я.

— Он был мудаком, — сказал Арден.

— Таких вокруг предостаточно. Ты не можешь убить их всех.

— Может быть. Так почему ты здесь?

Я проигнорировал его. Последнее, что я хотел сделать, это заставить его думать, что у меня есть кто-то, кто может сделать меня уязвимым. Не то, чтобы это имело значение в данный момент — только один из нас собирался выбраться отсюда живым.

Если вообще кто-то выберется.

Закрыв глаза, я попытался снова сосредоточиться. Освобождение было первостепенной задачей, но мое тело было истощено и наполовину замерзло. Я облизал губы, и мне показалось, что от холода у меня замерзла даже слюна во рту. Мне нужно было больше сосредоточенности, чтобы не поддаваться искушению просто сдаться и снова лечь в снег.

Стимул.

Немного борясь из-за своих рук в рукавицах, я полез под парку и в нагрудный карман, чтобы вытащить рисунок, сделанный Алексом. Осторожно развернул его и уставился на фигуры на картинке. Я провел пальцем по нижней части, где Алекс нарисовал свои ноги в синих теннисных туфлях с длинными безумными шнурками, а затем провел большим пальцем по краю лица Рейн.

Когда я оглянулся через плечо, Арден все еще смотрел на меня. Со своей выгодной позиции он бы ясно увидел рисунок. На мгновение я почувствовал приступ паники, потому что все люди, наблюдавшие за нами, тоже только что это увидели.

Но на голове Ардена тоже не было защитных очков. Мы оба потеряли камеры, которые использовались для обратной трансляции. С нашего местоположения вообще не передавался никакой сигнал. Они не знали, где мы находились и что делали. Их последним кадром был сход лавины, уносившей нас обоих вниз по склону горы.

Мы были в полной заднице — полностью и бесповоротно. И не имело значения, что он сейчас узнает.

— Они забрали мою девочку, — тихо сказал я. Когда эти слова слетели с моих губ, что-то внутри меня перевернулось. Все было кончено. Я никак не мог выбраться из этого без посторонней помощи, и как бы мне не хотелось этого признавать, с меня хватит. Я не мог пошевелиться. У меня была сломана нога. Это был турнир со всеми проигравшими.

Арден не ответил, и я взглянул на него. Он тупо смотрел в снег перед своим лицом, стиснув зубы.

— Ты никогда ее больше не увидишь, — сказал он, — и ребенка тоже.

Мои мышцы напряглись от его слов. Как бы мне ни хотелось отрицать это, я знал, что он был прав. Я пришел к точно такому же выводу. Но не собирался признавать это вслух.

— Пошел ты, — прорычал я. — Я вылезу отсюда, надеру тебе задницу и вернусь домой к ним.

— Нет, это не так, — сказал Арден. — Ты тоже это знаешь. Только что догадался об этом.

— Откуда ты это знаешь? — огрызнулся я на него в ответ.

Он пожал плечами свободной рукой.

— Твоя поза только что изменилась. Ты резко ссутулился, и твои глаза опустились. Нет никакого способа выкопаться самому, и мы не собираемся помогать друг другу, так что победителя в этом турнире не будет. Ты смотрел на этот карандашный рисунок и понял, что больше никогда не увидишь ни ее, ни своего ребенка.

Я не мог скрыть охватившего меня шока.

— Что?..

Он снова повел плечом вверх и вниз.

— Я довольно проницателен.

Я мысленно собрался с мыслями.

— Ну, это чушь собачья, — сказал я и попытался убедить себя в правильности своих слов. — Я просто даю себе небольшую передышку, прежде чем вытащу свою задницу из этого сугроба, забью тебя до смерти и вернусь домой. Все, что мне нужно сделать, это спуститься по склону горы, и тогда все закончится.

— Ты снова будешь сражаться, — сказал Арден. — Ну, ты это сделаешь, если когда-нибудь выберешься из этого, чего ты не сделаешь. Если бы ты это сделал, это все равно был

бы не твой последний турнир.

— Пошел ты, — сказал я с рычанием. — Я не сдаюсь в разгар драки. Это мой последний турнир, и он закончится победой точно так же, как и мой первый бой и каждый из них в промежутке.

— Это никогда не кончается, — сказал Арден. — Фрэнкс отпустит тебя не больше, чем Ринальдо отпустит меня. Как только они ловят тебя, то уже не отпускают. Ты никогда не уйдешь от них полностью, даже когда они говорят тебе, что ты можешь.

Возможно, я не был такой проницательный, как он, но все равно знал, что он больше не говорил обо мне. Он говорил о себе.

— Лэндон не собирается меня обманывать. — Все, что говорил Арден, звучало правдиво и совпадало с моими собственными мыслями, но я отказывался соглашаться с ним. — Я знаю его. Он сказал мне, что это все, и не откажется от своего слова. Он мне как гребаный отец.

Арден усмехнулся.

— Да, у меня тоже есть один такой. Он — причина, по которой я здесь, на пенсии или нет.

Арден прижал руку к груди и подложил ладонь под голову, чтобы убрать ее от снега. Снова посмотрел мне в глаза. На секунду он уже не выглядел таким бесстрастным, как раньше. Его глаза немного сузились, а челюсть напряглась, когда он заговорил.

— Мы слишком хороши для них, чтобы просто отпустить нас, — продолжил Арден. — Даже если они действительно хотят отпустить нас, мы всегда будем нужны им для чего-то *в последний раз*.

Я уставился на него, пока слова доходили до меня, и глубоко внутри я знал, что он был прав. Если я выберусь из этого, Фрэнкс и Лэндон на некоторое время оставят меня в покое, но в конце концов будет что-то еще — просто *еще одна вещь*, которую им нужно, чтобы я сделал. Еще одно одолжение. Еще один бой.

— Иди на хрен, — проворчал я сквозь стиснутые зубы. — У меня есть более важные приоритеты.

Арден слегка кивнул.

— У меня тоже есть девушка, — наконец сказал он. — Лия. Никогда не думал, что это случится.

— Хех, — усмехнулся я, — расскажи мне об этом.

Заявление было риторическим, но, похоже, оно настроило Ардена на более разговорчивый лад.

— Она не знает, где я, — сказал он. — Я отправил ее на пару недель навестить маму. Она вернется домой, а меня там не будет.

Мой разум прокрутил сценарий, который он описал, только с Рейн и мной в качестве объектов. Я представил, как она вошла в квартиру и обнаружила, что та пуста. Я подумал о том, что бы Рейн сделала, если бы она оставалась пустой всю ночь. Я задавался вопросом, в какой момент она начала бы искать меня и что сделает, когда не сможет найти никаких следов того, куда я ушел.

Она бы взбесилась. Рейн не знала бы, что делать, и не было бы никого, кому она могла бы позвонить, чтобы получить какую-либо информацию.

Сколько времени пройдет, прежде чем она сдастся? Недели? Месяцы? Годы?

— Лия уже однажды преследовала меня, — сказал Арден. — Я бросил ее в Аризоне, нс

ей все равно удалось снова найти меня. Она упрямая.

— Звучит знакомо, — сказал я. — Не думаю, что когда-либо встречал такого упрямого человека, как Рейн.

— Рейн?

Я постучал по краю рисунка.

— Это ее имя.

Арден шумно вдохнул через нос.

— По крайней мере, у твоей есть ребенок, — сказал Арден. — А Лия застряла с собакой.

— Он не ее сын, — тихо сказал я.

— О, точно. Извини.

Я вспомнил его слова с нашей первой встречи со всеми семьями, когда он угрожал прийти за Алексом, когда все это закончится.

— Ты знал это, — сказал я обвиняюще. — Ты знал, что его мать умерла.

— Да, — сказал Арден. Его глаза снова были пустыми. — Забыл. Мой разум немного занят.

Его глаза сверкнули в сторону, сузились, и он слегка покачал головой, как бы проясняя ее.

— Это ты ее убил? — прямо спросил я.

— Нет, — сказал он. — Фрэнкс. Ринальдо рассказал мне об этом.

Я не видел ни малейшего следа лжи на его лице. Не стоило удивляться. Очевидно, что Фрэнкс предпочитал прибыль нежели семью.

— Ублюдок, — пробормотал я.

— Он не будет сам по себе, — сказал Арден, кивнув на рисунок.

— Да. — Я пожал плечами, хотя не был уверен, что он мог видеть движение с того места, где он лежал на снегу. Я снова с минуту смотрел на рисунок. — Она относится к нему так, будто он принадлежит ей.

Я не хотел вдаваться в подробную историю о Джиллиан и всем этом дерьме. Ему не нужно было знать больше, чем он уже знал, и я не хотел тратить свои последние несколько часов на мысли об этой женщине. Но хотел сохранить образ Рейн в своей голове, поэтому продолжал говорить о ней.

— Она чертова святая, — сказал я. — Я отстой в том, чтобы быть парнем. Даже не могу ужиться с ее друзьями.

Арден кивнул, и его глаза потемнели.

— У Лии нет друзей, — сказал он. — И это моя вина. Чтобы уберечь ее от всего этого дерьма, мне пришлось изолировать ее. Я сделал это ради защиты, но... Да, и у нее нет никого, кроме меня. Как только она поймет, что я не вернусь, то, вероятно, переедет обратно в Аризону к своей маме.

Рейн, по крайней мере, узнает, что со мной случилось. Лэндон сказал бы ей, что я мертв, и она сможет жить дальше. Линдсей была бы рядом с ней, и у нее было бы плечо, на котором можно поплакать. Я даже представить себе не мог, как бы она справилась со всем этим, если бы рядом с ней не было Линдсей, и я чувствовал себя полным дерьмом из-за того, что все время был против нее и Ника.

По крайней мере, они могут позаботиться о ней и помочь с Алексом.

— Не знаю, святая Лия или нет, — сказал Арден, — но она терпит меня. Даже когда я...

ну, когда я не самый дружелюбный человек в округе, она все равно держится рядом. Кажется, не имеет значения, насколько у меня все в порядке с головой, она всегда рядом со мной.

— Рейн тоже такая, — ответил я, кивнув. — Я могу быть полным мудаком, а она все еще прикрывает мою спину.

— Лия точно знает, когда нужно отступить, а когда быть рядом, — сказал Арден. — Она знает, что я лажаю, но думаю, она просто... я не знаю... игнорирует это? Ей это не нравится, но она никогда не отказывается от меня. Она также думает, что я больше не убиваю, но я это делаю.

— Как ты это делаешь, чтобы она об этом не знала?

— Она в школе, — сказал Арден. — В основном это происходит онлайн, но иногда ей приходится посещать конференции или лично встречаться со своими профессорами. Я планирую свои убийства в это время.

— Так ты скрываешь это от нее?

— Да.

— Ты сумасшедший.

Арден рассмеялся.

— Да, у меня даже справка есть, чтобы доказать это.

Я с минуту смотрел на него. Это не было похоже на небрежное замечание; казалось, он имел в виду именно это. Он снова посмотрел на меня и кивнул.

— Посттравматическое стрессовое расстройство, — сказал он. — Я псих.

— Из-за службы в морской пехоте?

— Из-за того, что я был военнопленным, да. — Он на мгновение замолчал. — Почему ты такой придурок со своей девушкой?

— У меня просто... отвратительный характер. Раньше я пил, чтобы компенсировать это.

— Больше нет?

— Это единственное, из-за чего она меня бросит, — признался я. — Если я выпью, она уйдет.

— И этого достаточно, чтобы удержать тебя от этого?

— Да, — сказал я. — Ну, в основном. Я облажался, но только один раз.

— Она простила тебя?

— Она так и сделала.

Арден на минуту задумался.

— Не думаю, что Лия была бы такой снисходительной, если бы знала, что я все еще в бизнесе.

— Если бы она была хоть немного похожа на Рейн, она бы оторвала тебе яйца.

Арден рассмеялся.

— М-да, они очень похожи, — задумчиво произнес Арден.

У меня было чувство, что мы оба так думали, но ни один из нас ничего не сказал о том, что это, вероятно, означало, что мы с ним тоже очень похожи. Я подумал о том, как он дрался — как будто ни один из ударов, которые я нанес ему в лицо, не имел значения. Арден действительно верил, что пока он жив, у него еще есть шанс.

Если мы были так похожи, почему я не думал об этом же? Я еще не был мертв, черт возьми. Просто оказался в совершенно безнадежной ситуации, из которой не было никакого мыслимого выхода. Я уже бывал в подобных ситуациях раньше.

— К черту это, — пробормотал я.

— Что?

Я не ответил ему.

Протянув руку вниз, я порылся возле своего бедра. Место было почти намерзшим, и я не мог убрать большую часть льда со своего тела. Уперся обеими руками в мерзлую землю и попытался вылезти из ямы, но мне не хватило опоры, и мои ноги не слушались.

Боль пронзила мою левую икру, когда я попытался сильнее. Пытался еще, но стало ясно, что моя нога не только сломана, но и вывернута назад под неприятным углом, еще больше закрепившись в насыпи льда и камней внизу.

Измученный, я уронил голову обратно в снег и попытался дышать через нос. Я слышал, как Арден позади меня шаркает по льду, но он тоже больше не пытался.

Он подумал о том, чтобы сдаться; я видел это по его глазам.

Обычно это было бы хорошей новостью для меня, но я не чувствовал себя особенно счастливым из-за его затруднительного положения. Может быть, я просто слишком устал, чтобы беспокоиться об этом, но идея разбить ему голову уже не была такой привлекательной, как час назад.

— Как же хочется чертову сигарету, — внезапно сказал Арден.

Я рассмеялся. Остановился на мгновение, а затем порылся в карманах. У меня было три сигареты, завернутые в пластиковый пакетик — мой обычный запас на крайний случай, — и я вытащил две из них. Сдвинув порванную маску в сторону, я засунул обе «Мальборо» в рот. Схватив одну из спичек из пакета, я наклонился к отверстию, подальше от ветра, чтобы чиркнуть ею о камень. Провел пламенем по концам каждой сигареты, пока они не вспыхнули.

Протянув руку через плечо, я протянул одну Эвану.

— Вау, — сказал он, искренне удивленный. — Спасибо.

Я глубоко вдохнул и посмотрел, как дым растекался вокруг моего лица.

— Если я выберусь из этого, то закончу тем, что буду руководить всей этой организацией, когда Ринальдо уйдет на пенсию, — сказал Эван. — Я не хочу этого, но война ясно показала, что его дочь не может справиться с таким давлением. Лия не хочет иметь с этим ничего общего. Я собираюсь потерять ее из-за всего этого, и передо мной нет другого пути. Думаю, что лучше умереть на краю горы, чем потерять ее из-за этого. Я бы предпочел, чтобы она просто удивилась, почему я так и не вернулся домой.

— Это п*здец, — ответил я. — Рейн сошла бы с ума, если бы я просто не пришел домой однажды ночью. Она бы загнала себя в раннюю могилу, гадая, что со мной случилось. Может, я и придурок, но не поступил бы так с ней.

— Я не знаю, что сделает Лия, — тихо сказал Эван. — Она будет расстроена, но в конце концов справится с этим, верно?

Я посмотрел на него через плечо и поднял брови. Не знал эту цыпочку, но она действительно была очень похожа на мою девочку. Рейн просто так этого не пережила бы. Это я хорошо знал. Скорее всего девушка Эвана тоже этого не сделала бы.

— Бл*дь, — пробормотал Эван. Он глубоко затянулся сигаретой и уставился на выступ. — Не могу оставить ее в таком состоянии.

— Хорошо, почему бы тебе не помочь мне выбраться, а потом я обязательно сообщу ей, что ты мертв, когда закончу с тобой.

— Большое спасибо, — сказал он, посмотрев на горящий кончик дыма. — Уверен, что

то, что чувак, который убил меня и рассказал ей все об этом, действительно утешило бы ее.

— Просто пытаюсь помочь, — усмехнулся я.

— Да, я могу обойтись без такой помощи.

— Разве Моретти не рассказал бы ей, что произошло? — спросил я.

— Он не знает, где она.

— Тем не менее он знал, как найти тебя, — сказал я после минутного размышления. —

Хочешь сказать, что он не сможет найти ее?

— У Ринальдо есть люди, которые могли бы найти ее, — сказал Эван с глубоким вздохом. — Думаю, тогда она смогла бы двигаться дальше.

Он не казался убежденным, когда опустил глаза в землю, и я это увидел. Арден пару раз моргнул замерзшими ресницами и, вздрогнув, сделал еще одну длинную затяжку. Возможно, я не был такой проницательный, как Эван, но видел это по его лицу — у него не осталось никакой надежды. С ним было покончено. Я даже не был уверен, что он хотел выжить.

Это знание должно было подстегнуть меня. Побудить меня прислушаться к голосу Лэндона в моей голове и заставить мою задницу двигаться, но этого не произошло. По какой-то причине я не хотел, чтобы Эван сдавался, хотя не был уверен, в какой момент он стал *Эваном* в моей голове вместо просто *Ардена*.

— Лэндон всегда говорил мне, что победа в первую очередь в твоей голове, — сказал я. — Если ты решишь, что так оно и будет, значит, так оно и будет.

Эван сделал еще одну затяжку и попытался принять более удобное положение. Он посмотрел прямо на меня.

— Давай обсудим возможности, хорошо? — предложил он.

— Хорошо.

— Скорее всего, мы замерзнем до смерти прямо здесь, — сказал он. — Победителя не будет. Я не знаю, как это дерьмо работает, когда есть ничья, но для нас это не будет иметь значения, потому что мы оба будем мертвы.

Я не был с ним согласен — то, что случилось с Рейн и Алексом, имело чертовски большое значение, независимо от того, как все обернется для меня, но мне не хотелось спорить по этому поводу.

— Следующий вариант — одному из нас удастся освободиться, а другой — все еще в ловушке, — продолжил он. — Достаточно легкое убийство для любого из нас.

Я должен был согласиться с этим.

— Они не знают, где мы сейчас находимся, — сказал Эван. — Ни у кого из нас больше нет камер, и им придется искать нас. Предполагаю, что они уже решили это сделать, но, вероятно, ждут, пока ветер утихнет. Я не знаю, каков протокол. Ринальдо только рассказал мне о стандартной процедуре, а не об исключениях.

— Обычно нет никаких исключений, — сказал я. — Турнир продолжается до тех пор, пока не останется только один игрок. Я никогда не был в ситуации, когда инвесторы не знают, что происходит, но могу догадаться. Однажды был турнир — не тот, в котором я участвовал, — где последние два человека дрались на ножах. Они оба смертельно порезали друг друга. Инвесторы подождали, кто из них умрет первым, и объявили победителем другого парня, хотя он умер через несколько минут.

— Что, если они найдут нас обоих мертвыми одновременно, — спросил Эван, — или если они найдут нас обоих живыми?

— Насколько я знаю, этого никогда не случалось. — Я на минуту задумался об этом. —

Они могут решить начать все сначала.

Мой желудок немного скрутило. Мысль о том, что придется делать все это снова, на самом деле звучала хуже, чем проигрыш. Это означало бы нарушить еще одно обещание, данное Рейн. Она никогда больше не будет мне доверять.

— Как насчет того, чтобы заключить сделку? — тихо сказал Эван.

Я повернулся чуть сильнее, чтобы получше рассмотреть его. Он смотрел на горящую сигарету, а не на меня, но выражение его лица было совершенно серьезным.

— Сделка?

— Да, — сказал он. — Сделка, по которой мы оба в конечном итоге выйдем на пенсию по-настоящему, с женщинами, за которых мы боремся.

— Это может произойти только тогда, когда один из нас умрет, — напомнил я ему. — Нет никакого приза за второе место.

— Да, я понимаю это. — Арден повернул голову в сторону и посмотрел мне в глаза. — Ты можешь забрать трофей — мне насрать на это. Я просто хочу уйти и чтобы люди думали, что я мертв.

Я точно знал, на что он намекал. Обычно это был бы невозможный вариант, потому что зрители знали бы о любых привязанностях, возникших между игроками турнира, и положили бы этому конец. На этот раз они понятия не имели, что мы делали. Я все еще не понимал, как это работает — у них должно было быть тело, чтобы доказать, что я победил.

— Тебе не кажется, что подобный союз уже пытались заключить раньше? — спросил я. — Они следят за этим дерьмом.

— Нет, если они подумают, что я похоронен на склоне горы. Они будут искать меня так долго, что им придется поверить тебе на слово.

— Ты сумасшедший.

— Уже установлено.

— Я имею в виду *действительно* сумасшедший, — возразил я. — Ты живешь в каком-то фантастическом мире.

Мгновение он пристально смотрел на меня.

— Посмотри туда, — сказал Эван. Он указал пальцем на вершину хребта. — Ты кого-нибудь видишь?

Я оглянулся на секунду, затем снова посмотрел на него сузившимися глазами.

— На мили вокруг никого нет, — напомнил я ему.

— Да, я знаю, — тихо сказал он, — но я все еще вижу его.

— Кого?

— Ребенка, которого убил в Ираке. Он повсюду следует за мной. Уходит на некоторое время — иногда на месяцы, — но всегда возвращается, когда дерьмо становится реальным.

Я уставился на него на мгновение, пока не понял, что у меня отвисла челюсть. Я быстро закрыл ее.

— Чувак, там никого нет.

Он пожал плечами.

— Знаю. Но это не мешает мне видеть его. Все время снятся кошмары о том, как я его убиваю. Не только он, но и пребывание в пустыне, связанное с ямой в течение нескольких месяцев. Иногда я не могу перестать думать об этом, и когда это делаю, то вообще не могу спать — иногда днями.

Мне было это знакомо. До того как я встретил Рейн, я мог избежать кошмаров только с

помощью алкоголя. Когда она была рядом, я спал лучше, чем когда-либо с детства. Она прогнала кошмары из моей головы.

Следующая фраза Эвана сбила бы меня с ног, если бы я стоял.

— Когда я с Лией, то лучше сплю.

Я быстро взглянул на него и попытался понять, использовал ли он каким-то образом свои навыки восприятия, чтобы узнать, о чем я думаю, но он, казалось, был полностью погружен в свои мысли.

— Проклятье, — пробормотал я. — Seriously?

— Да, — сказал он. Его глаза потемнели, когда он посмотрел на меня.

— Просто... Ну, Рейн тоже помогает с моими кошмарами.

Наши взгляды встретились, пока мы оба обдумывали это. Осознание того, что у нас было такое странное сходство, поразило меня как удар под дых. Я не знал, что с этим делать.

— Я бы не справился с этим, если бы не она, — тихо сказал Эван.

— Я тоже. С Рейн, я имею в виду.

— Тем больше причин, по которым я должен держаться подальше от Лии, — сказал он. — Она заслуживает лучшего, но я не могу ее отпустить. Но и не могу избавиться от своего долга перед Ринальдо. В какой-то момент это станет либо ее, либо его, и я не могу выбирать между ними.

— Ты облажался. — Я глубоко вздохнул и на минуту задумался об этом. Эван был в полной заднице из-за войны и того, что с ним там случилось. Ни в чем из этого дерьма не было его вины. Какое оправдание было у меня? Паршивое детство и женщина, сбежавшая от меня? Теперь все это звучало для меня как-то неубедительно.

Но я все же пытался. Старался держаться подальше от выпивки, даже если у меня ничего не получалось. Я хотел быть лучше для Рейн и хорошим отцом для Алекса. У меня не было ни малейшего гребаного представления, что это повлечет за собой, но я полностью намеревался выяснить это.

Эван был другим.

Он предал свою девушку. Ладно, может быть, и не с другой женщиной, но он делал то, чего она не хотела, и прекрасно понимал, что шел против ее желаний. У меня была минутная потеря рассудительности в стрессовой ситуации, и я выпил. Он же активно планировал свои обманы.

— Это не закончит мои отношения с Фрэнксом, — заметил я. — Может быть, это обеспечит тебе пенсию, но я все равно окажусь в той же ситуации.

— Я убью Фрэнкса, — просто сказал он.

Я уставился на него, не моргая, и обдумал то, что он сказал.

Если бы я действовал самостоятельно, всегда был риск быть пойманным. Если бы все думали, что Эван мертв, а Фрэнкса убили некоторое время спустя, это никогда не привело бы ко мне. Когда Фрэнкса не станет, организация будет в полном смятении, поскольку они попытаются выяснить, кто будет главным. Все мои прошлые преступления будут забыты.

— Итак, что ты думаешь? — спросил Эван.

— Чувак, я думаю, что ты гребанный ангел-спаситель, — сказал я.

У меня голова шла кругом. То, что он предлагал, действительно могло сработать. Это было хреново и безумно, но все еще могло сработать. Это означало довериться ему, что, вероятно, было ошибкой, но у меня не было выбора.

— Ну так что, мы ищем способ выбраться из этого? Оба выйдем живыми, но для всех

остальных я буду мертв.

Я внимательно посмотрел на него. В его глазах не было никакого обмана. Он был совершенно откровенен со мной. И хотел выяснить, как вытащить нас обоих из этой передраги, и было наплевать на победу.

Вот, чем мы отличались друг от друга. Мне нужна была победа.

Выбора не было.

По крайней мере, сейчас мы собирались работать вместе.

— Итак, каков твой план? — спросил я.

Мои зубы начали стучать, что было действительно плохим знаком. Что бы мы ни собирались делать, нам нужно было выполнить это быстро. Моя голова пульсировала, и я был почти уверен, что головокружение и тошнота, которые я испытывал, свидетельствовали о сотрясении мозга.

— Никто из нас не может двигаться без посторонней помощи, — сказал он, констатируя очевидное. — Я предполагаю, что ты не видишь того, что вижу я.

— Ребенок, которого ты убил в прошлом? — сказал я. — Нет, этого я не вижу.

Эван покачал головой.

— Не его, — сказал он. — Положение камня рядом с твоей ногой.

Мне пришлось вытянуть шею и наклонить голову как можно дальше, но я, наконец, увидел то, о чем говорил Эван.

— Почти уверен, что смогу ногой сдвинуть камень с твоей ноги в сторону, — объяснил Эван. — Как только это произойдет, ты должен быть в состоянии вытащить себя и сохранить свою ногу целой. Ну, целой как сейчас. Она сломана.

— Да, могу это подтвердить.

Он пристально посмотрел на меня.

— Это должно быть чертовски больно, — прокомментировал он.

— Так и есть.

Уголок его рта слегка приподнялся.

— Будет еще больнее, когда я сдвину камень. У меня не самый лучший угол обзора, и я, вероятно, в конечном итоге раздавлю твою ногу еще больше.

— Отлично.

— Лучше оставаться там, где ты есть.

— Не могу с этим поспорить.

— Значит, ты готов? — спросил он.

Мы мгновение смотрели друг на друга, прежде чем я кивнул.

— Сделай это.

Я затаил дыхание, и Эван начал давить на камень у моей ноги. Мне пришлось стиснуть зубы и зажмурить глаза, когда он это делал, чтобы не закричать вслух. Я почувствовал, как он немного сдвинулся, и услышал, как хрустнула кость.

— Черт!

— Почти получилось, — спокойно сказал он.

— Твою мать, поторопись.

— Тогда будет больнее.

— Мне насрать! — закричал я. — Просто, бл*дь, сделай это!

Я услышал, как он глубоко вздохнул, и увидел, как Эван подтянул ногу к груди. Когда он толкнул ногу вперед, я не смог сдержаться — закричал и услышал, как камень упал обрыва. Рефлекторно дернул ногой вверх. Впервые она действительно сдвинулась с места.

У меня закружилась голова, и в глазах потемнело. Мне пришлось подавить желчь, которая поднялась у меня в горле, когда я почувствовал, что сухожилия на моем колене порвались. Заставив себя держать рот закрытым, я снова зажмурился и просто попытался

свести свои ругательства к минимуму.

— Думаю, это помогло, — сказал Эван.

— Проклятье, — сказал я с учащенным дыханием. — Надо было попросить пулю, чтобы прикусить ее.

— У меня есть несколько, — сказал Эван. — Надо было предложить.

— Ублюдок, — пробормотал я.

Эван усмехнулся.

— Ты уже можешь ее передвинуть?

— Дай мне секунду. — Я на пару минут сосредоточился на своем дыхании и попытался загнать боль на задворки своего сознания. Посмотрев вниз на верхнюю часть своего бедра, едва проглядывающую, я попытался стряхнуть побольше снега. Рыл пальцами рядом со своим телом, пока мне не удалось проделать достаточно большое отверстие, чтобы схватиться руками за ногу. Я дернул, но ничего не произошло, кроме того, что по моему телу пробежала дополнительная жгучая боль. Убедив себя не быть нытиком, я дернул сильнее. Она сдвинулась еще немного. Мои руки напряглись от давления, но, стиснув зубы, я продолжал тянуть. На дюйм. Еще один.

— Бл*дь! — закричал я, когда Эван пнул еще один камень.

— Попробуй еще раз.

— Мудак!

— Прекрати ныть, — приказал он. — Просто сделай это.

Я попытался вспомнить, какое звание у него было в морской пехоте. На мой взгляд, он звучал слишком похоже на Лэндона. Однако тактика сработала: я схватился за бедро, потянул изо всех сил и освободил, наконец, свою ногу.

Я тяжело дышал и уронил голову обратно в снег, попытался взять себя в руки, прежде чем вытащить вторую ногу. Благодаря дополнительному пространству, полученному за счет высвобождения первой ноги, вторая вышла намного легче. Она не была сломана, хотя мое бедро ужасно болело от пулевого ранения.

Освободив свое тело от снега, я подтянулся на руках и вытолкнул себя из ямы, откатился в сторону и врезался в Эвана в процессе. Он что-то проворчал, но ничего не сказал, когда я встал на четвереньки.

Я посмотрел на него и заметил настороженное выражение лица. Это был он — последний реальный выбор, который я должен был сделать. Прямо сейчас я мог легко убить его на месте; Эван никак не мог остановить меня. Я мог бы нарушить эту клятву верности и уничтожить его, обеспечив себе победу.

Но только временно.

Если бы он выполнил свою часть сделки, Фрэнкс навсегда убрался бы с моего пути. Это была не та возможность, которую я собирался упустить.

Однако я позволил ему напрячься на минуту, потому что был придурком.

— Может, нам и тебя вытащить? — наконец сказал я с усмешкой.

Его плечи расслабились, он закрыл глаза и кивнул.

Я использовал один из обломков камня в качестве лопаты и раскопал одну сторону зажатой руки Эвана. Потребовалось некоторое время, чтобы пробраться сквозь лед и камни, но как только его рука освободилась, мы оба постарались освободить его ногу, и он выполз из сугроба.

Его плечо было вывихнуто, но он стоял неподвижно и молча, когда я с громким

хлопком вернул его на место.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Да, в порядке. Зато твоя нога в полном беспорядке.

Я посмотрел на нее сверху вниз. Она была не просто сломана, мне кажется, что большеберцовая кость, скорее всего, раздавлена. Я даже не чувствовал своей ноги, но это могло быть и к лучшему.

— Как ты собираешься карабкаться? — спросил Эван.

— Справлюсь, — ответил я. — Как ты собираешься выбраться отсюда?

— Справлюсь, — сказал Эван с улыбкой.

Я рассмеялся и посмотрел вниз с края обрыва. Это было отстойно, без сомнения, но, по крайней мере, была надежда, что кто-нибудь найдет меня. Эвану же наоборот нужно избегать этого.

— Держись подальше от посторонних глаз, — сказал я.

— Я довольно хорош в этом. — Эван оглядел меня. — Ты собираешься сказать им, что я мертв, верно?

— Таков план, — сказал я. — Не думаю, что они будут тратить много времени на твои поиски.

— Не будут. Ринальдо знает меня слишком хорошо.

Не знаю, что он имел в виду, но мне было слишком холодно и больно, чтобы сейчас задавать много вопросов. Время было на исходе.

Моя нога свисала плетью, я вообще не мог надавить на нее и не видел вокруг ничего, что можно было бы использовать в качестве шины. Подумал об арбалете Охотника, корпус которого мог бы сработать, но он был слишком далеко. Затем я вспомнил о стреле, которую я забрал во время схватки со Жницей.

Снял ее с пояса и поднес к икре. Она была недостаточно длинной или толстой, но это было лучше, чем ничего.

— Могу помочь, — сказал Эван.

Я посмотрел на него, и во мне проснулась паранойя.

Попытается ли он предать меня в этот момент?

Я выбросил эту мысль из головы.

Если бы он хотел моей смерти, все, что ему нужно было сделать, это ударить меня камнем или чем-то еще. Я был уже не в той форме, чтобы драться.

— У меня есть кое-какая медицинская подготовка, — сказал Эван, пожав плечами.

Это был мой единственный выход, поэтому я позволил ему наложить мне шину на ногу, используя стрелу и одну из струн, которые все еще были у меня с собой. Он завернул надежно, но недостаточно туго, чтобы перекрыть кровообращение.

— Толстая одежда должна обеспечить немного дополнительной поддержки, — сказал он. — Не дави на нее, если это в твоих силах. Она все равно тебя не удержит.

— Да, согласен.

— Ее придется сломать, — сказал Эван. — Еще несколько часов, и ее придется снова сломать, чтобы она правильно зажила.

— Как скажешь. Разберусь с этим, когда доберусь до подножия горы.

— Да, мне интересно, как ты собираешься это сделать, — сказал Арден. — Я поднимусь выше, подальше от того места, где они могут попытаться посадить вертолет.

— Ты же знаешь, что другого пути с этого острова нет. И не похоже на то, что ты

сможешь уплыть.

— У меня есть идея. Не беспокойся обо мне.

— Даже не собирался, — ответил я. — Мне насрать на тебя, но сейчас я действительно заинтересован в твоём выживании.

Его рот изогнулся в полуулыбке. Взгляд был почти вызывающим, как будто он все еще был готов бороться, но я не признал этого. В этом не было бы никакого смысла.

Тем не менее мне было не все равно, даже если он не собирался убивать Фрэнкса от моего имени. Я хотел, чтобы он выбрался. Физически он был в лучшей форме, но я не видел никакого гребаного способа выжить здесь.

— Я пошел, — сказал Эван.

— У тебя ничего не получится.

— Получится, — ответил он и улыбнулся, посмотрев на меня. — Ты это поймешь, как только услышишь новости о Фрэнксе.

Я кивнул, все еще не совсем уверенный, что мог доверять ему, чтобы пройти через это, но также знал, что это был лучший вариант, чем то, что я планировал, то есть ничего.

Эван протянул руку, и я пожал ее немного неуверенно. Мы коротко пожали друг другу руки, и он, не сказав больше ни слова, повернулся, чтобы начать подниматься по склону. Я наблюдал за ним с минуту, а затем направился к краю утеса.

В хороший день я, наверное, мог бы спуститься с горы на одной ноге и обеих руках, но идти было тяжело, с учетом того состояния, в котором я находился. Я все еще был в основном заморожен, и мое тело не хотело делать ничего из того, что я ему приказывал. У меня болели руки и плечи. В голове все плыло и затуманивалось, а в затылке пульсировала боль, которая постоянно напоминала, что я довольно сильно ударился головой.

Хватался за острые камни, чтобы спуститься со скалы, а единственной здоровой ногой искал приличное место для отдыха, пока пытался отдышаться. Камень, на который я наступил, удержал меня, но этого было недостаточно, чтобы разжать руки. Это только немного расслабило мои плечи, когда я прислонился лбом к скале и сделал несколько вдохов.

Продолжай.

Не знал, сколько времени потребовалось, чтобы спуститься. Солнце так и не зашло; оно только низко опустилось к горизонту, прежде чем снова начало подниматься. К тому времени мое тело уже сдавалось. Только разум с образами Рейн и Алекса удерживал меня от поражения.

Я не мог остановиться.

Перебирал руками, балансировал на одной ноге и заново переживал время, проведенное на острове с Рейн, я продолжал двигаться. Продвигаясь вперед, я ни разу не посмотрел вниз и был удивлен, когда скала выровнялась и позволила мне отпустить камни руками. При этом я потерял равновесие и перенес вес на левую ногу.

— Бл*дь, — простонал я, когда моя нога подкосилась, и я упал, скатившись по остальной части горного склона между двумя короткими хребтами. Я раскинул руки, чтобы замедлить падение, но все равно продолжал падать. У меня не было достаточно сил, чтобы остановиться, и в итоге я просто двигался туда, куда меня вела гравитация. Мне удалось повернуться ровно настолько, чтобы опустить ноги вниз и попытаться упереться пяткой здоровой ноги, но этого было недостаточно. В процессе я врезался виском в гребень справа от меня, и моя голова дернулась в сторону. Мгновение спустя я приземлился, как раз

недалеко от того места, где земля уступала место льдинам.

Мои легкие горели, когда я попытался впустить в них немного кислорода. Боль в голове была невыносимой, и я был уверен, что меня вот-вот вырвет, но даже не мог перевернуться на бок. Напряжение от падения было слишком сильным — я больше не мог двигаться. Как бы ни старался, мое тело просто не слушалось.

Я попытался сориентироваться. Находился у подножия горы, и меня было бы легко увидеть с воздуха. А еще вода была близко, и земля здесь была более влажной. Я осознал, что это смертный приговор, но ничего не мог с этим поделать.

Мое тело сдалось.

* * *

Темнота рассеялась, и я увидел яркую белизну снега на земле и голубую воду поблизости. Попытался пошевелить рукой, но она, казалось, примерзла к земле. Стреляющая боль пронзила мою левую ногу, когда я попытался подтянуть ее ближе к телу, чтобы получить немного больше тепла. У меня кружилась голова, и хотелось пить, но я не мог вспомнить, где моя фляга. Даже если бы и мог вспомнить ее местоположение, я не был уверен, что смог бы двигаться достаточно, чтобы добраться до нее.

Мне не было холодно. Это было плохо.

После всего этого дерьма я умру, ожидая их...

Свернувшись калачиком, насколько мог, я закрыл глаза и стал ждать.

* * *

Я не слышал вертолета, только Лэндона.

— Дай мне знак, приятель.

Это слово показалось мне странным. Лэндон был не из тех, кто любил ласковые слова. На мгновение я подумал, что, может быть, у меня галлюцинации. Может быть, если я открою глаза, то увижу воображаемого ребенка, о котором говорил Эван. Я хотел узнать наверняка, поэтому заставил себя поднять веки.

— А вот и ты, — тихо сказал Лэндон.

Когда я посмотрел ему в лицо, то увидел, что он улыбался. Это выглядело странно. Не саркастическая или резкая, а настоящая, искренняя улыбка, как будто он был действительно, по-настоящему счастлив. Я никогда не видел, чтобы он так улыбался, и это заставило меня подумать, что у меня все-таки галлюцинации.

— Ты можешь говорить? — спросил он.

Я сглотнул и открыл рот, но ничего не сказал.

— Ладно, не пытайся.

— Где Арден? — раздался другой голос. — Нет никаких признаков его присутствия.

Я прочистил горло и облизнул губы. Набрав воздуха в легкие, я сумел произнести одноединственное слово.

— Мертв.

— Ты уверен? — спросил Лэндон.

Я кивнул.

— Снег, — прохрипел я. — Лавина...

— Да, понял, к чему ты ведешь.

— Нашел его «Беретту», — сказал другой голос. Я не разобрал, кто говорил, и не мог достаточно пошевелить головой, чтобы понять это. — Ствол поврежден, но я знаю, что он никогда бы не оставил это конкретное оружие, поврежденное или нет.

— Значит, признаем его мертвым? — спросил другой голос.

— Только не без тела.

— Ты хочешь покопаться во всем этом? — рявкнул женский голос. — Уже чертовски холодно, и температура падает.

— Должны быть доказательства.

— Если Моретти говорит, что Арден не ушел бы без своего оружия, для меня этого достаточно.

— Прекрасно.

— Согласна. Уберите меня с этой гребаной скалы.

— Господа и дама, — я узнал голос Фрэнкса, когда он заговорил, — у нас есть победитель.

Вокруг меня было много движения, но я не мог за ним угнаться. Услышал свой крик, когда меня подняли и положили на какие-то носилки. Жужжащие лопасти вертолета заполнили поле моего зрения, когда меня пронесли через открытую дверь и опустили на пол. Без ветра, пробегающего по моему телу, я почувствовал, как мои мышцы немного расслабились, когда теплый воздух внутри вертолета просочился в меня.

Лэндон опустился на колени рядом со мной и начал расстегивать застёжки на моей парке. Когда он открыл ее, я еще немного согрелся. Мой желудок скрутило, когда вертолет взлетел. Лэндон продолжал снимать с меня верхнюю одежду.

— Черт, Себастьян, — пробормотал он.

Я почувствовал его руку на своей ноге, а затем острую боль. От нее я закрыл глаза и стиснул зубы, у меня закружилась голова, а в глазах потемнело.

Не знаю, как долго был в отключке, просто понял, как плохо себя чувствовал, когда пришел в сознание. Я открыл глаза, чтобы осмотреться, но все было расплывчатым. Лишь понимал, что находился внутри вертолета. По движению я мог сказать, что мы были в воздухе, но не мог толком определить, что видел. Вокруг меня двигались человеческие фигуры, но я не знал, кто они такие.

— Ты можешь сосредоточиться на моем пальце? — спросил Лэндон.

Голос исходил из неопределимой массы передо мной, поэтому я предположил, что это был он. Попытался сосредоточиться на его руке, которую он держал, но их было по крайней мере три. Я покачал головой, что было большой ошибкой.

Тошнота, которая нарастала внутри меня, взяла верх, и Лэндону пришлось перевернуть меня на бок, чтобы я не захлебнулся собственной рвотой. Как только мне полегчало, он перевернул меня обратно на спину.

— Себастьян, — сказал Лэндон, — я собираюсь вправить тебе ногу. Лучше сделать это сейчас; мы не получим надлежащей медицинской помощи, по крайней мере, в течение двенадцати часов.

Я попытался кивнуть, но не был уверен, получилось у меня это или нет.

— Ты слышишь меня? — позвал Лэндон. — Черт возьми, ответь мне, если сможешь.

— Да, — пробормотал я.

— Сейчас я вправлю тебе ногу. Надо гребаную пулю, чтобы прикусить?

— Нет. — Я засмеялся, но это было чертовски больно.

— Хорошо.

Может быть, мне следовало попросить ее.

Я услышал треск, а затем собственный крик. После этого все погрузилось во тьму.

* * *

Гюнтер Дарк часто рассказывал мне, каково это — принимать героин. Он описывал это в мельчайших подробностях, все, начав от укола иглой в руку и закончив давлением жидкости, наполнявшей его вены. Затем он говорил о теплом, сонном чувстве, как будто это была лучшая гребаная вещь в мире, лучше, чем рождественское утро, сытные десерты и оргазмы.

Я тонул. Чувствовал тяжесть везде, хотя никакой заметной боли не было. У меня кружилась голова, и, когда попытался понять причину, то осознал, что понятия не имел, где я и что со мной произошло. Мои веки отяжелели, но не без труда я все-таки открыл глаза.

Я побывал в достаточном количестве больничных палат, чтобы распознать ее. Белые стены, приглушенный свет и множество пищущих машин. Я лежал на спине, с натянутой до груди простыней, но мои руки находились поверх нее. К одной из рук была подключена капельница. Моя левая нога была загипсована и приподнята над кроватью.

— Бастиан? — произнес женский голос.

Я перевел взгляд на звук, и рядом со мной в огромном кресле сидела темноволосая, темноглазая женщина. Она была крошечным созданием — миниатюрного телосложения, с длинными прямыми волосами, ниспадающими на плечи. Она встала и подошла ближе к кровати, пока я просто смотрел на нее.

Она была красива, но ее глаза были печальны.

Я попытался опознать ее, но ничего не почувствовал, кроме боли и пульсации. У меня пересохло в горле, и я не мог нормально глотать. Она протянула руку, чтобы коснуться моего лица рукой. Выражение ее лица было таким нежным и знакомым, но я не мог вспомнить, кто она такая.

Когда я снова огляделся, то подумал, что, должно быть, недавно закончил турнир, хотя и не мог вспомнить деталей. В любом случае, все игры как бы сливались воедино. Очевидно, я победил, иначе меня бы здесь вообще не было.

Где Лэндон?

Я не мог говорить, чтобы спросить.

Глаза женщины наполнились слезами.

Спал ли я с ней перед турниром?

Она не была одета как медсестра, но казалась ужасно обеспокоенной для кого-то, кто провел со мной одну ночь. Может быть, она просто была такой.

Жаль, что я не могу вспомнить ее имя.

— Ты меня слышишь? — спросила она.

Я открыл рот, но мои губы были такими же сухими и потрескавшимися, как и горло. Женщина протянула руку к столику рядом с кроватью и поднесла к моим губам стакан воды с соломинкой. Я не мог поднять голову, чтобы попить, но она наклонила соломинку, чтобы я сделал несколько глотков.

— Тебе больно? — спросила она.

Я все еще не мог вспомнить ее. Подумал над ее вопросом и мысленно оценил свое тело, прежде чем попытался заговорить.

— Нога болит, — прохрипел я.

— Он сломана, — сказала женщина.

Так и предполагал, судя по декорациям. Я сделал глубокий вдох и сосредоточился на других своих конечностях. Мое правое бедро ощущалось немного странно, и у меня болело почти все тело. В голове стучало, и было трудно думать.

— Что еще? — спросил я.

Она придвинула кресло на колесиках поближе к кровати и взяла мою руку в свою.

— Твоя нога была практически раздавлена, — тихо сказала она. — Ты перенес две операции, чтобы исправить это. Связки и сухожилия вокруг твоего колена тоже пришлось восстанавливать. У тебя очень сильное сотрясение мозга, и Лэндон сказал, что ты... ты...

Она немного поперхнулась, перевела дыхание и продолжила:

— Тебя ранили в ногу. Он сказал, что это было не так уж плохо, но к тому времени, когда они нашли тебя, она была заражена. Там тебе пришлось сделать пересадку кожи.

Я закрыл глаза и на мгновение сосредоточился на своем правом бедре. Она зудела, и я решил, что это из-за трансплантата; у меня они были и раньше. Я вспомнил короткую вспышку боли от пули, и вспомнил снег и лед, окружавшие меня. Было слишком холодно, чтобы оставлять мою плоть обнаженной достаточно долго, чтобы обработать ее должным образом.

Холод. Лед. Снег.

— Лавина.

— Верно, — сказала женщина, кивнув.

Легкое головокружение охватило меня, когда я вспомнил, как падал вниз по склону горы. Боль в ноге пульсировала от воспоминания о резкой остановке, когда я ударился о каменный выступ внизу. Видения того, что я в ловушке и не мог пошевелиться, пронеслись в моей голове вместе с образами маленького сложенного листка бумаги с рисунком на нем.

Все это вернулось ко мне, как яркая и сильная вспышка молнии, когда она ударяет в дерево.

Один финальный турнир на севере. В игре не осталось никого, кроме меня и киллера.

Эвана Ардена.

Мы оба были занесены снегом и заключили беспрецедентный союз, чтобы освободиться. Я должен был выжить. Меня не волновали ни деньги, ни гребаный трофей. Я должен был вернуться к ней. К *ним*.

— Рейн, — прошептал я.

— Я здесь, — сказала она.

— О, черт возьми, Рейн!

Не обращая внимания на рывок иглы капельницы в моей руке, я протянул руку и притянул ее к себе.

Я сделал это. Выполнил свое обещание, данное ей. Она снова здесь, со мной, в безопасности и под защитой.

Каким-то образом я выбрался живым и вернулся к единственной женщине, которая имела значение в моем мире. С помощью моего ключевого конкурента.

Получилось ли у Эвана? Выбрался ли он с того острова живым?

Был только один способ узнать это — дождаться новостей о смерти Фрэнкса.

Предположив, что Эван действительно сделает это, как долго он будет ждать, прежде чем действовать? Дни? Недели? Дольше?

Потрудится ли он вообще выполнить свое обещание, данное мне?

Я только на мгновение задумался об этом, прежде чем решил, что да, он так и сделает. Эван Арден был настолько испорчен, насколько это возможно, но я не думал, что он был лжецом. Я также понял, что он был принципиальным парнем и никогда бы не отказался от убийства. Если он выжил, то я не сомневался, что он справится со своей работой. Мне просто нужно быть терпеливым.

Не самое лучшее мое качество.

Рейн плакала у меня на плече, а я положил руку ей на затылок и прижался губами к ее виску.

— Со мной все в порядке, детка, — сказал я ей. — Я с тобой.

— Они сказали, что ты можешь не выжить, — плакала она, прижавшись ко мне. — Они сказали, что даже после операции ты можешь не очнуться.

— Я очнулся, — сказал я. — И со мной все будет в порядке, Рейн. Со мной все будет хорошо.

Понятия не имел, правда это или нет, но не собирался противоречить самому себе. Я спустился с гребаной горы со сломанной ногой. И ни за что не собирался умирать на гребаной больничной койке.

Держал ее так долго, как мог, но у меня болела голова, и я снова чуть не потерял сознание. Рейн вызвала медсестру, чтобы сообщить ей, что я проснулся, и женщина проверила мой пульс, температуру и показания различных подключенных ко мне аппаратов.

Рейн стояла в стороне, заламывала руки и закусывала губу.

— Где Алекс?

— С Джоном Полом, — ответила Рейн. — Они в том здании, где мы остановились.

— Он в порядке?

— Все замечательно. Они с Джоном Полом поладили. Я и не подозревала, что этот человек в глубине души был таким ребенком.

Я улыбнулся, но у меня заболела голова.

— Лэндон?

Лицо Рейн сморщилось при упоминании его имени.

— Он недавно ушел, чтобы перекусить, — сказала она. — Должен вернуться через час.

Появилась врач и осмотрела меня более основательно. Она сняла повязку с моего бедра, приказала медсестре добавить что-то в капельницу и посветила фонариком мне в глаза.

— Как голова? — спросила она.

— Как дерьмо, — ответил я.

— Бастиан! — рявкнула Рейн.

— Ну, это, черт возьми, так и есть, — пробормотал я.

— Все в порядке, — сказала доктор. — У него есть несколько причин ругаться. Возможно, Вам стоит подумать о более безопасном хобби.

Не уверен, о каком моем хобби она думала, но решил, что лучше больше ничего не говорить. Рейн наблюдала, как доктор закончила осмотр, а затем ушла. Медсестра вернулась с пакетом чего-то, чтобы добавить в мою капельницу, и Рейн дала мне еще немного воды.

— Ты в порядке? — спросил я ее.

— Я в порядке, — сказала она. — Просто беспокоюсь о тебе.

— Не беспокойся. Я всегда прихожу в норму.

Лэндон появился в дверях как раз в тот момент, когда медсестра заканчивала. Он тихо стоял у входа, пока она не закончила, а затем попросил Рейн оставить нас на несколько минут наедине. Она пристально посмотрела на него, не ответив, но встала со стула. Рейн наклонилась, чтобы поцеловать меня в лоб и провести рукой по моим волосам.

— Я буду снаружи, — резко сказала она. — Сообщу Джону Полу и Алексу, что ты проснулся.

— Спасибо, детка.

Лэндон отошел в сторону, когда Рейн проходила мимо с легкой улыбкой на лице. Он смотрел, как она уходила, прежде чем закрыл дверь и сел рядом со мной.

— Выглядишь немного лучше, — заметил он. — Были моменты, когда я думал, что мне придется убедить их отдать Рейн твой выигрыш посмертно.

— Спасибо за вотум доверия.

— Ты был в плохой форме, — сказал он. — У тебя было переохлаждение, помимо травм. И тяжелая инфекция в ноге.

— Да, я слышал.

— Прогноз хороший, теперь, когда ты в сознании. Ноге потребуется некоторая физиотерапия, как только она достаточно заживет, но через несколько месяцев ты должен прийти в норму. Останется лишь несколько шрамов.

— Просто дополнение к коллекции, — размышлял я.

— Если ты стремишься к рекорду, то думаю, можешь выиграть.

Мне пришлось сдержаться, чтобы не рассмеяться над его трогательным комментарием, причинившим боль.

— Вы нашли тело Ардена? — спросил я.

Лэндон покачал головой.

— Никаких признаков его присутствия. Учитывая глубину снега, сомневаюсь, что его обнаружат в ближайшее время. Нам просто придется подождать, пока глобальное потепление не возьмет свое.

Я одарил его полуулыбкой, но мне было больно это делать.

— Я видел, как он упал, — сказал я ему. — Единственное, почему я не был похоронен — это удар о выступ на полпути вниз. Это то, что сломало мне ногу, но также остановило меня достаточно надолго, чтобы остальная часть лавины прошла надо мной. Он же продолжал падать.

— Ты уверен?

— Да. — Я надеялся, что это прозвучало убедительно.

— Есть ли шанс, что он мог выжить?

— Нет, насколько я могу судить.

Лэндон сделал вдох, глубоко наполнив легкие, прежде чем встать.

— Я возвращаюсь в Сиэтл, — объявил он. — Джон Пол организует твой перевод в больницу в Майами. Это займет день или два, но ты сможешь завершить свое восстановление там. И ты упал, когда катался на лыжах, если кто-нибудь спросит.

— Приятно это знать.

— Буду на связи. — Он направился к двери.

— Лэндон?

Он снова повернулся ко мне.

— Я закончил. Больше никаких турниров. Больше никаких одолжений. На этом все.

Лэндон кивнул, но не оглянулся на меня. Не сомневаюсь, что он просто согласился, потому что знал, что это именно то, что я хотел услышать. Эван был прав — из этого не было другого выхода, кроме как устранить тех, кто имел на тебя влияние.

Я должен убить его.

Правда, я не в той форме, чтобы идти за Лэндоном.

Надо было попросить Эвана сделать это.

Нет, это неправильно. Мне нужно самому позаботиться о Лэндоне. Хочу, чтобы он знал, что это я. Мне было насрать на Фрэнкса — я хотел его смерти с той ночи, когда наблюдал, как он пытал и убивал людей, включая отца Рейн. Мне было все равно, как это произойдет, лишь бы его не было. Лэндон был совсем другой проблемой. Я собирался убрать его с дороги раз и навсегда, но в моем нынешнем состоянии пока не мог этого сделать. Даже при полной силе Лэндона было бы нелегко устранить, но это не останавливало меня.

Приведу себя в форму и прикончу его.

Мой план подождет. По крайней мере, сейчас я позволил себе исцелиться.

Возвращение к нормальной жизни было чертовски долгим путем.

Я провел две недели в больнице после того, как меня перевезли обратно в Майами. Если бы это была любая другая реабилитация, я бы послал врачей на хрен и ушел раньше, но Рейн заставила меня пообещать делать все, что они сказали. Каждый раз, когда я пытался протестовать, она говорила что-нибудь о том, что Алексу нужно, чтобы я мог ходить и бегать, научить его играть в футбол или что-то в этом роде.

Я действительно не мог спорить с ее эмоционально заряженной логикой. На самом деле я много думал об этом, пока лежал в частной больничной палате, дважды в день посещал сеансы физиотерапии и пытался передвигаться на костылях. Думал о том, что жизнь просто перестала быть прежней, когда у тебя появился ребенок, о котором нужно заботиться. Я любил Рейн каждой частичкой своего существа, но Алекс... Алекс все изменил.

Рейн часто привозила его в больницу, пока я выздоравливал. Мы придерживались истории о несчастном случае на лыжах, хотя то, как он посмотрел на нас обоих, когда мы рассказали ему, создало у меня впечатление, что он не поверил ни единому слову. Парень был в мафиозной семье первые шесть лет своей жизни, так что он, вероятно, видел больше дерьма, чем следовало бы для ребенка его возраста.

Во время своих визитов он делал рисунки нас троих или черепашек-ниндзя-подростков-мутантов. Он также продолжал снова и снова рисовать одну и ту же картинку дома с большим полем и холмами за ним. Он сказал, что это место, где мы все когда-нибудь будем жить. Все рисунки оказались приклеены скотчем к стенам больничной палаты, чтобы я мог видеть их с кровати.

Чем больше я наблюдал за ним, тем больше мне хотелось убедиться, что у него было самое лучшее гребаное детство, которое кто-либо когда-либо давал ребенку. Я хотел компенсировать то, что не находился рядом, когда он был младше, а также то, что ему пришлось пережить с Джиллиан и ее мужем. Не знал подробностей, но реакция Алекса на смерть его родителей была такой... *спокойной*. Должно быть, в этом было что-то большее, чем он рассказывал, но я не знал, что именно. Просто заметил, что он вообще мало говорил о них.

И я понятия не имел, как с этим справиться. Никогда не был отцом и уж точно ни хрена не смыслил в детской психологии. Моим единственным опытом была моя собственная испорченная жизнь, и мне бы не хотелось, чтобы у него было что-то подобное. Все в жизни Алекса должно было быть полной противоположностью моей. Это означало, что я должен был измениться.

Слишком долго я был эгоистичным ублюдком.

Даже когда я обдумывал все, что совершил, чтобы сделать Рейн счастливой с тех пор, как мы вернулись из изоляции на острове, я все равно думал больше о себе, чем о ней. И сосредоточился на том, насколько был несчастен, а не на том, кем мне нужно стать. Я должен был быть ее спутником жизни, но я им не был. Сосредоточился на том, чтобы жалеть себя и игнорировать то, чего она хотела от меня и в чем нуждалась. Рейн смирилась с этим, но это также напомнило мне о том, насколько я был недостойн ее, не из-за моего прошлого, а из-за настоящего.

Когда я лежал в постели, то все еще был тем человеком из прошлого. Я не мог думать ни

о чем, кроме того, как собирался избавиться от Лэндона. Я также ждал новостей о Фрэнксе, но был в неведении обо всем, что произошло после окончания турнира. К тому времени, когда меня спасли, предполагаю, что Эвану все-таки не удалось выбраться с того острова, а если и удалось, то он не собирался выполнять эту работу. От слишком частых мыслей об этом у меня разболелась голова, и я просто надеялся, что Эван просто ждал подходящего момента.

После того, как меня выписали, Рейн заставила меня надеть на ногу огромный ботинок, пока та продолжала заживать. Я проходил физиотерапию три раза в неделю. Большую часть этого времени я провел в поисках места, где можно жить, и планировал убийство Лэндона.

Я не видел его с тех пор, как попал в больницу в Томпсоне.

Джон Пол обменялся несколькими сообщениями со мной и Лэндоном, но он не признался в том, что делали Лэндон или Фрэнкс. Когда Рейн отправилась в университет, Джон Пол зашел ко мне и сообщил некоторые новости об исходе войны в Чикаго.

— Русские вернулись туда, откуда, черт возьми, пришли, — сказал он, налив себе холодного чая из холодильника.

Он уставился на напиток, и я точно знал, о чем он думал, но пива в доме не было. Он мог бы пойти к черту.

— Смирись с этим, — отрезал я.

— Я ничего не говорил, — настаивал Джон Пол.

— Ты собирался рассказать мне о Чикаго. — Я откинулся на спинку дивана и положил ногу на кофейный столик. А затем снял ботинок, эта чертова штука была неудобной и вызывала зуд. Рейн не вернется со встречи со своим университетским консультантом по поводу онлайн-занятий еще как минимум час. Затем мне придется снова надеть его.

Джон Пол сел в кресло напротив меня.

— Организация Греко отступила и вообще вышла из икорного бизнеса. Они все еще враждуют с Моретти, но в относительно мирном ключе.

— А как насчет Фрэнкса?

— Вернулся в Сиэтл, — сказал Джон Пол. — Он забирает большую часть прибыли Моретти от продажи икры, но особого недовольства по этому поводу не было. Однако этот чувак в бешенстве.

— Какой чувак?

— Парень из Чикаго — Моретти.

— По поводу чего?

— По поводу Ардена.

— Из-за того, что он умер? — мое сердце бешено колотилось в груди. Джон Пол знал меня слишком долго. Если бы я проявил какие-либо признаки того, что что-то скрывал, он почувствует это. Я должен был быть очень осторожен в том, что говорил.

— Да, — сказал Джон Пол. Он посмотрел на свою бутылку с чаем и начал сдирать этикетку. — Думаю, он был любимчиком, вроде как ребенок.

— Они были родственниками?

— Я так не думаю, — сказал Джон Пол, — но ты же знаешь, каковы некоторые из этих парней. Иногда то, что они делают друг для друга, выходит за рамки кровного родства.

Я сглотнул и кивнул. Точно знал, что он имел в виду. Желание одновременно думать и говорить об Эване Ардене было опасным, поэтому я сменил тему.

— Ты собираешься сказать мне, где Лэндон?

Джон Пол пожал плечами.

— Я не знаю наверняка, — сказал он. — Он ездил туда и обратно между Сиэтлом, Нью-Йорком и Чикаго, но я не могу сказать тебе, где он сейчас.

— В какую игру он играет? Собирается отстать от меня сейчас?

Джон Пол посмотрел на меня, и выражение его лица стало серьезным. Он на мгновение задумался, прежде чем ответить.

— На данный момент.

— Чушь собачья, — пробормотал я.

Мы больше не обсуждали эту тему, но я знал, что должен был сделать.

* * *

— Мне это не нравится, — сказала Рейн.

Ее глаза все еще были красными от слез. Я ненавижу делать все таким образом, но у меня не было особого выбора. Не то чтобы я мог сказать ей, что уходил, чтобы убить человека, который заменил мне отца.

— Я знаю, детка, — сказал я. — Мне очень жаль. Надеюсь, не буду отсутствовать долго.

— Лэндон заставляет тебя что-то делать, не так ли? — она настаивала.

— Это не так. Просто то, что я должен сделать.

— Что насчет Алекса?

Я протянул руку и коснулся ее щеки.

— Я знаю, что он в хороших руках. — Я наклонился и прижался губами к ее губам. Они были теплыми и мягкими, и даже если она была зла, то не оттолкнула меня. Рейн провела рукой по моей руке и сжала пальцы, когда наши губы оторвались друг от друга. Я медленно отступил назад, не сводя с нее глаз, пока наши руки не разжались.

Я не собирался говорить «прощай».

Повесив рюкзак на плечи, я направился вниз по лестнице к гаражу. Мотоцикл был заправлен и готов к дороге. Это будет долгая поездка, но мне нужно было время, чтобы прояснить голову.

Мотоцикл взревел в замкнутом пространстве, и я выехал на дорогу. Шоссе замаячило передо мной, и я в последний раз оглянулся на здание кондоминиума, прежде чем прибавил скорости и влился в поток машин.

Исследование заняло гораздо больше времени, чем я надеялся. Лэндон был человеком в движении, и выследить его нелегко. Я использовал одноразовые телефоны, чтобы разговаривать с Рейн и Алексом каждый день, но все равно делал звонки короткими и отключал телефоны сразу после того, как мы заканчивали. Она продолжала спрашивать меня, где я был и что делал, но я не сказал ей.

Ей просто не нужно было знать это дерьмо.

Я закончил свой вечерний разговор с Рейн и встал с гостиничной кровати. Отодвинув занавеску, выглянул в окно с помощью бинокля. Прямо напротив моего был другой отель, и я сосредоточился на окне номера на восьмом этаже. Прозрачные занавески были задернуты, но не плотные шторы. Я все еще мог видеть фигуру внутри. Провел более чем достаточно времени в своей жизни, когда наблюдал за движениями Лэндона, и не сомневался, что он был на другой стороне.

Если бы я был снайпером, то мог бы убрать его.

Если я когда-нибудь увидел бы Ардена снова, может быть, он научил бы меня. Я ухмыльнулся про себя и слегка покачал головой. Рейн была бы в «восторге» от этой идеи.

Сфокусировав бинокль на силуэте Лэндона, я увидел, как он сел за стол в гостиничном номере. Сейчас было самое подходящее время, поэтому я положил бинокль на стол рядом с собой и вытащил из рюкзака «Беретту».

Купил по пути через контакт, который помнил по играм, в которых участвовал много лет назад. Он был наркоманом, и я почти уверен, что он и не вспомнил нашу встречу уже через пять минут после моего ухода. По его мнению, продажа оружия означала больше денег на наркотики, а это было все, о чем он заботился.

Я отошел от окна и проверил оружие, убедился, что в патроннике есть патроны, и убрал его в наплечную кобуру. Спустился по лестнице на первый этаж и перешел улицу. Подождал, пока все официанты будут заняты клиентами, прежде чем проскользнул внутрь здания и направился к стойке регистрации.

— Могу я Вам чем-нибудь помочь?

— Да, извините, — сказал я клерку за стойкой, — я идиот. Потерял свой ключ.

— Никаких проблем, сэр, — сказала она. — Ваше имя?

— Лэндон Старк.

— Могу я увидеть удостоверение личности с фотографией, пожалуйста?

Я вручил ей фальшивые водительские права, которые были подделаны гораздо более безупречно, чем когда-либо требовалось клерку отеля. Она быстро проверила его, прежде чем вручить мне новую ключ-карту.

Я улыбнулся и поблагодарил ее, а затем направился к лестнице. Как только добрался до нужного этажа, легко нашел угловую комнату Лэндона. Сделав глубокий вдох, я сосредоточился, насколько мог, вынул пистолет из кобуры и вставил карточку. Замок издал легкий звуковой сигнал, и Лэндон поднял глаза, когда дверь распахнулась.

Наши глаза встретились, и у меня не было никаких сомнений в том, что он точно знал, для чего я здесь. Ему даже не нужно было смотреть на оружие в моей руке, чтобы понять. Дверь за мной закрылась, и Лэндон быстро встал, потянувшись к одному из ящиков комода.

— Даже не думай об этом, — сказал я.

Лэндон сделал паузу, а затем медленно поднял руки вверх.

— Что бы ни творилось у тебя в голове, мы можем с этим разобраться.

— Я уже все продумал, — ответил я.

— Не думаю, что ты подумал о последствиях. — Голос Лэндона был спокоен, а его лицо ничего не выражало. Он, вероятно, думал, что я действовал импульсивно, в отличие от того, сколько времени я думал о том, как все это должно было закончиться.

— Это единственный выбор, который вы, ребята, мне оставили, — сказал я. — Я покончил с этим — со всем этим. И хочу двигаться дальше. Хочу другой жизни. Пока вы держите прошлое у меня над головой, я не могу этого сделать, и вы всегда будете хотеть, чтобы я был у вас под каблуком. Есть только одно решение.

Я скользнул пальцем по спусковому крючку и поднял «Беретту» на уровень головы Лэндона.

— Ты не хочешь этого делать.

— Нихрена. Я хочу этого.

Взгляд Лэндона не изменился, а остался наполненным обычной ясной и сосредоточенной решимостью. Его грудь поднялась и опустилась один раз в такт дыханию.

— Ты хочешь убить меня, да, очевидно, но если ты это сделаешь, то никогда не выяснишь.

— Не выясню что?

— Как жить, — ответил он.

Я поднял бровь и со щелчком отвел курок назад. Лэндон ответил ухмылкой.

— Ты не можешь так жить. Хочешь вернуться на тот заброшенный маленький остров и поиграть в туземца, но она не может так жить. И ты понятия не имеешь, что с этим делать, но я знаю.

Я уставился на него, пока не убедился, что он не несет мне чушь собачью. Это не заняло много времени — Лэндон был не из тех, кто выдумывал дерьмо только для того, чтобы спасти свою жизнь. Что бы он не имел в виду, это было то, о чем он подумал, взвесил все «за» и «против» и определил наилучший возможный курс.

— Выкладывай, — сказал я. — Если это имеет смысл, может быть, мне не нужно будет нажимать на курок.

— Я не дурак, Себастьян.

— Но на этот раз ты не на том конце ствола.

На мгновение я увидел вспышку в его глазах. Не уверен, был ли это гнев или страх, но это было проявление эмоций. Слабость.

— Время вышло, — сказал я ему.

— Эверглейдс, — сказал он прямо.

— А что насчет него?

— Много маленьких гамаков, и там можно соорудить приличное укрытие, — ответил он, пожав плечами. — Много птиц и рыб, много съедобных растений вокруг. Ты должен остерегаться аллигаторов, но, думаю, ты справишься с этим. Двадцать минут до Майами, так что у нее есть своя цивилизация. Даже если она не хочет жить в гребаной хижине тики, держу пари, она была бы готова оставаться там на выходные. Все остальное время она может проводить в твоей квартире.

Пока он говорил, я видел, как все это формируется в моей голове: маленькое укрытие с травяной крышей, яма для костра сбоку, чтобы готовить и кипятить воду, и Рейн, свернувшаяся калачиком рядом со мной, пока вокруг нас идет весенний дождь. Я мог бы рассказать Алексу все о растениях и животных, а Рейн позаботилась бы о том, чтобы он узнал о сохранении экосистемы. Я мог бы использовать каяк или даже лодку, чтобы добраться до места, где можно было бы припарковать машину, готовую отвезти их обоих обратно в Майами в любое время, когда они захотят туда поехать. Я мог бы даже поехать с ней, если бы это было не слишком долго или что-то в этом роде.

Часть меня хотела этого. Очень сильно.

Видение Лэндона имело смысл для человека, которого он знал, для человека, которым я был раньше. Это было как раз то, чего я бы желал. Это держало бы меня подальше от людей, которые мне не нравились, но все же позволяло мне иметь доступ к Рейн и Алексу всякий раз, когда я хотел их видеть.

Но дело было не во мне. Больше нет.

Алексу нужен был отец — кто-то, кто был бы с ним все время, а не те дерьмовые отношения, которые у меня были в детстве с приемными родителями, работавшими неполный рабочий день, и консультантами в детских домах. Он нуждался в том, чтобы я был рядом с ним каждый день.

Рейн тоже нуждалась во мне.

Мне не нужно было изолировать себя от остального мира. Мне просто нужно было быть отцом Алекса и быть с Рейн... Рейн...

Черт.

Я знал, что мне нужно было сделать.

Все это щелкнуло у меня в голове. Вспышка в моем сознании была такой же яркой, как вспышка от выстрела, если бы я решил нажать на курок, но мне это и не понадобилось.

— Да, — тихо сказал я. — Теперь я знаю, что делать.

— И я могу держать всех остальных подальше от тебя, — сказал Лэндон.

Я снова посмотрел на него. На его лбу выступил нервный пот — чего я никогда раньше не видел.

— Не беспокойся, — сказал я, опустив пистолет. — Мне это не нужно. Я покончил с тобой и Фрэнксом. Вы никогда больше не свяжетесь со мной — ни один из вас. Это не просьба и не угроза, просто так оно и будет. Мы понимаем друг друга?

Лэндон кивнул и опустил руки.

— Вы двое забываете, что я когда-либо существовал, — сказал я. — Больше никому нет дела ни до меня, ни до того, что я делаю.

Мы долго смотрели друг на друга. Он выглядел так, словно собирался сказать что-то еще, но вместо этого просто снова кивнул. Когда Лэндон это сделал, я увидел на его лице то, чего никогда не ожидал увидеть, — поражение.

Это было... *приятно.*

Я держал пистолет в руке и смотрел на Лэндона, когда попятился к двери и открыл ее. Всегда была вероятность, что он выстрелит мне в спину, когда буду уходить, хотя я и не думал, что он это сделает. Не в данный момент.

Он заговорил как раз перед тем, как я протиснулся в коридор.

— Мне все еще насрать на тебя, — сказал Лэндон грубым голосом. — Всегда так было.

Я уставился на него, но отказался менять выражение лица, хотя чувствовал, что его слова разрывают меня изнутри. Всегда это знал, но он никогда раньше этого не говорил. Теперь было уже слишком поздно. Я больше не был одиноким, испорченным, бесперспективным ребенком, которого он нашел на улице и обучил быть убийцей. Я двигался дальше.

— Прощай, Лэндон.

Он кивнул один раз, и я вышел из гостиничного номера.

Больше я его никогда не видел.

* * *

Уставившись на экран компьютера, я сильно усугублял свою гребанную головную боль. Вообще-то я подумывал о том, чтобы купить какие-нибудь чертовы очки для чтения или что-то в этом роде. Не уверен, как Рейн умудрялась делать это постоянно из-за учебы.

Я взглянул на список, который мы с Рейн составили при небольшом участии Алекса, всех вещей, которые мы хотели бы иметь в доме. Мне не терпелось поскорее покончить со всем этим процессом, пока я не сошел с ума.

Мне нужно было, чтобы все было в порядке, прежде чем я сделал то, что должен был сделать дальше.

Сосредоточься.

При помощи онлайн-приложения я просмотрел дома, отображаемые в соответствии с введенными мной критериями поиска. Там было много приятных моментов, но ни один из них не казался мне совершенно правильным. В нашем списке всегда не хватало чего-то важного, что заставляло меня пропускать их мимо.

Я взглянул на Алекса. Он стоял на коленях рядом с кофейным столиком, разбросав повсюду цветные карандаши, и рисовал еще один рисунок дома. Это всегда было одно и то же — маленький коттедж с двумя окнами и дверью спереди, а за ним — холмы. На этот раз он добавил к картинке группу деревьев и даже включил большую красную птицу, сидевшую на ветке.

Я снова посмотрел на список критериев, который добавил сам, а затем на экран компьютера.

Эгоистичный ублюдок.

Я удалил один из пунктов из списка, и на экране появилась совершенно новая группа домов. Несмотря на то, что мне казалось, что я начинал все сначала, я делал это энергично. Решение было принято, и я не собирался позволять моим собственным неврозам помешать нам найти жилье. Пролистал пару десятков мест, которые все еще казались мне не совсем правильными, но продолжал искать. Я был так же полон решимости, как и тогда, когда спускался по этому замерзшему горному склону.

И тут я увидел его.

Это было чертовски идеально.

Холмы и все такое.

Конечно, это было не совсем так, как на рисунке Алекса, но снаружи дом, на который я смотрел, все еще напоминал коттедж. Снимок, должно быть, был сделан весной, потому что впереди были цветущие деревья, а вокруг на клумбах росли нарциссы. На сайте было написано, что в доме четыре спальни и три ванные комнаты, чего для нас было более чем достаточно. Там был даже законченный подвал и качели на заднем дворе.

— Эй, Алекс, — сказал я.

— Хммм? — он даже не поднял глаз от своего рисунка.

— Взгляни на это и скажи мне, что ты думаешь.

Он драматично вздохнул, но отложил карандаш и поднялся с пола. Трижды обошел вокруг кофейного столика, прежде чем я сказал ему прекратить это, и он плюхнулся мне на колени, чтобы посмотреть на компьютер.

— Что ты думаешь об этом доме? — спросил я.

Алекс изучал его с минуту и попросил меня просмотреть некоторые фотографии интерьера дома.

— Вот эта, — сказал он, когда на веб-сайте появилась фотография одной из спален. Она была выкрашена в светло-зеленый цвет, а по верху стены тянулась широкая полоса обоев с изображением космических кораблей.

— Эта что? — спросил я.

— Это моя комната.

— Да?

— Ага.

Я улыбнулся.

— Тогда ладно.

Алекс скатился с моих колен и вернулся к своим карандашам. Он взял коричневый и начал добавлять к рисунку качели.

Рейн вернулась через час с едой на вынос в руках.

— Мне не хотелось готовить, — сказала она, войдя.

— Я мог бы приготовить ужин.

Подавляющее большинство того, что мы могли достать здесь на вынос, было полно жиров и углеводов. Очень мало кухонь, с которыми я бы смирился, за исключением...

— Это тайское блюдо, — ответила она с широкой улыбкой и приподняла брови.

— Ты купила мне башню из тофу? — вмешался Алекс.

— Я так и сделала.

— С арахисовым соусом?

— Ага.

— Ура! — он вскочил со своего места на полу и помчался к столу.

— Эй, Рейн?

— Да? — спросила она, начав доставать красные и белые контейнеры из пластикового пакета. Она разложила их на столе, пока Алекс хватал каждую коробку, чтобы открыть и понюхать.

— Это папино! — объявил он, сморщив нос и отодвинув контейнер на другую сторону стола.

— Не могла бы ты подойти и взглянуть на кое-что? — спросил я.

— Одну секунду.

Она достала сок из холодильника и налила Алексу стакан, прежде чем присоединиться ко мне на диване.

Нервно, я передал ноутбук Рейн. Она посмотрела на экран, и на ее лбу появились морщины.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я. Даже не знаю, почему так нервничал.

Рейн пролистала фотографии в интернете одну за другой. Я практически слышал, как она ставит галочки в своих мыслях, просмотрев детали.

— Какой школьный округ? — спросила она.

Я указал на экран, где это было указано, и Рейн кивнула.

— Это был мой лучший выбор для Алекса.

— Я знаю.

— А как насчет общественного транспорта? — спросила она.

— На самом деле его нет, — сказал я. — Это небольшое сообщество — можно идти пешком, куда захочешь. Начальная школа находится всего в четырех кварталах. Я подумал, что смогу водить Алекса в школу и обратно, а когда он подрастет, будет ездить на школьном автобусе до средней и старшей школы.

Рейн снова кивнула и перевела взгляд на меня.

— Но это далеко не пляж.

Я сглотнул.

— Да, — сказал я, — знаю.

— Это твой пункт номер один, — напомнила она мне.

— Нет, — тихо сказал я, — это не так. Вы с Алексом — номер один.

Рейн посмотрела на меня, поставила ноутбук на кофейный столик рядом с рисунком Алекса и потянулась, чтобы обнять меня.

— Я люблю тебя, — прошептала она мне на ухо.

Выбор был сделан. По крайней мере, на данный момент мы знали свое направление.

— Ты слышал? — сказал Джон Пол, сев. Прежде чем он успел что-либо объяснить, официантка попросила его заказать напиток.

— Слышал что? — спросил я после того, как официантка записала его заказ в свой блокнот и ушла.

— Насчет Фрэнкса. — Джон Пол сунул в рот пригоршню моих чипсов.

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Он мертв, — сказал он, когда кусочки чипсов осыпались на его бороду. Джон Пол собрал их и проглотил. — Кто-то нанес удар прошлой ночью. Одна пуля в голову.

— Без шуток?

— Без шуток.

Я посмотрел на чай со льдом в своей руке и попытался сохранить непроницаемое выражение лица. Если бы был кто-то, кому я мог бы довериться, то, вероятно, это был бы Джон Пол, но я не собирался рисковать. Он никогда бы ничего не сказал организации обо мне, но это не помешало бы ему сдать Эвана, и я не собирался рисковать, чтобы кто-нибудь узнал, что он все еще жив.

Я в долгу перед этим парнем. На долгое время.

— Это еще не все, — сказал Джон Пол. Его глаза потемнели, когда он наклонился ближе ко мне.

— Что еще? — спросил я.

— Привет всем! — Джон Пол быстро откинулся назад, когда Рейн выскочила из-за угла кабинки и скользнула рядом со мной. — Извините, я опоздала. Мой профессор хотел поболтать после занятий, и я опоздала на автобус.

— Я бы подвез тебя, — сказал я.

— Разве ты не на мотоцикле?

— Ты могла бы поехать и на нем, — сказал я с усмешкой.

— Нет, спасибо, — ответила Рейн. — Ты водишь как маньяк.

Джон Пол громко рассмеялся и взял принесенное официанткой пиво.

— Ты бы видела, как он ездит, когда тебя нет рядом, — сказал он себе под нос.

— Заткнись, ублюдок, — рявкнул я.

Рейн повернулась ко мне и подняла бровь.

— Извини, — пробормотал я.

Я все время старался свести ругательства к минимуму, когда рядом был Алекс, но как только оказывался рядом с Джоном Полом, ругательства, казалось, просто сыпались из меня.

— Все упаковано? — спросила она.

— В значительной степени, — ответил я. — Линдсей заканчивала с дерьмом на кухне, когда я уходил. Есть несколько игрушек Алекса, которых все еще нет в коробке, но он утверждал, что все еще играет с ними. Я подумал, что мы могли бы просто бросить их в его рюкзак, когда придет время уезжать.

— А как насчет твоих вещей?

— Все готово, — сказал я. У меня действительно было не так много вещей, и это меня вполне устраивало. Все это уместилось в одном чемодане и коробке. Я не считал бытовые вещи своими. Мне всегда казалось, что они принадлежали Рейн.

Линдсей и Ник появились сразу за Рейн.

— Алекс ненавидит няню, — немедленно объявила Линдсей.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, и я почувствовал, как напряглись мышцы на руках.

— Почему? — потребовал я ответа.

Линдсей рассмеялась.

— Шучу! — сказала она. — Думаю, он влюблен. Он рисовал ее портреты, когда я уходила.

Я немного расслабился, но идея Линдсей пошутить вызвала у меня желание ударить ее по лицу. Ее младшая сестра, Лора, приехала в гости из Огайо и вызвалась посидеть с ребенком, чтобы мы все могли куда-нибудь сходить. Я не был в восторге от идеи, что какая-то незнакомая цыпочка будет присматривать за моим ребенком, но Рейн знала ее с детства, так что я сдался, но мне это не нравилось.

— Не провоцируй его! — рявкнула Рейн на подругу. — Это было просто грубо, и ты это знаешь!

— Прекрати это дерьмо, — пробормотал Ник своей девушке. — Что с тобой не так?

Джон Пол усмехнулся за своей пивной бутылкой.

— Извини, — сказала Линдсей.

Казалось, она говорила серьезно.

Я глубоко вздохнул и посмотрел на Рейн, когда она потянулась, чтобы положить руку мне на ногу. Отчасти мои попытки вести себя цивилизованно в обществе ее друзей были связаны с тем, что она часто заступалась за меня. Мне это не нравилось, но, вероятно, это было лучше, чем заставлять меня реагировать... с моими-то склонностями к насилию.

Мы сделали заказ и начали светскую беседу, пока ждали свою еду. Я по-прежнему не умел вести ее, но мне все лучше удавалось сидеть тихо и притворяться заинтересованным. Я уже пережил два вечера с Линдси и Ником, не откусив им головы. И планировал пережить и эту встречу.

Я даже немного поговорил с Ником о его последней работе в качестве летного инструктора. Мне было все равно, но каждый раз, когда я мило с ним разговаривал, Рейн улыбалась.

— Так кто хочет в клуб? — спросила Линдсей, просмотрев меню десертов.

Последнее, чего я хотел, это оказаться рядом с баром, даже если пытался доказать, что мог делать все то, что хотела Рейн, и при этом сохранять хладнокровие. У меня были свои пределы, но мне не нужно их озвучивать.

— Мне действительно необходимо закончить сборы, — заявила Рейн. — Уверена, что Лора хотела бы присоединиться к вам.

Спасибо тебе, Рейн.

Мы оплатили счет и вышли на улицу, чтобы разойтись. Прежде чем мы успели это сделать, Джон Пол позвал меня выкурить сигарету. Рейн закатила глаза, но она была достаточно счастлива, чтобы еще немного поболтать с Линдсей и Ником, прежде чем мы отправимся обратно в квартиру.

— Нас прервали.

— Да, — сказал я, закурив, — что ты собирался сказать?

— Это касается Лэндона.

— А что насчет него?

— Ну, по сути, он следующий логичный чувак после Фрэнкса, — сказал Джон Пол. — Дело в том, что они спорили — *много спорили*. Люди знали об этом, и теперь все убеждены, что он убил Фрэнкса.

— Черт, — пробормотал я себе под нос. — Что он собирается делать?

— Похоже, он сбежал, — сказал Джон Пол. — Никто не видел его с сегодняшнего утра, когда Моретти выдвинул обвинение.

Я на мгновение задумался над этой информацией. Обычно я бы подумал, что Лэндона слишком трудно выследить, и его никто никогда не найдет. Однако я нашел его, а я даже не был охотником за головами. Если я смог отследить его, возможно, кто-то другой тоже сможет.

Мои мысли переключились на Эвана Ардена. Если кто-то и мог найти и определить местонахождение Лэндона, то это был бы он, но по мнению Моретти, он был мертв.

Разве не так?

Пошел бы он против всего, во что, казалось, верил, и связался бы с Моретти, чтобы сообщить ему, что он выжил? Зашел бы Эван так далеко, что рассказал ему об убийстве Фрэнкса и плане обвинить в этом Лэндона? Насколько хитер был этот парень?

Я понятия не имел.

От всего этого хода мыслей мне стало не по себе, а Джон Пол бросил на меня косой взгляд, так что я сглотнул и сосредоточил свои мысли на чем-то другом.

— У Лэндона могут быть проблемы, — сказал я.

— Знаю, — согласился Джон Пол. — Вот почему я уезжаю. Сегодня вечером.

— Я не собираюсь вмешиваться, — заявил я. — Ни за что, бл*дь.

— Я и не прошу тебя об этом, братан, — сказал он. — Просто хотел, чтобы ты знал.

— Ценю это.

Мы пожали друг другу руки, и Джон Пол направился к своей машине, а я присоединился к Рейн и ее друзьям.

* * *

Линдсей решила немного задержаться и занять Алекса, чтобы мы с Рейн могли закончить сборы. Вся квартира представляла собой чертову кучу коробок. Я не знал, как нам удалось накопить столько дерьма за то короткое время, что мы жили здесь, но был уверен, что все это не мое. Я винил Линдсей и то, как ее привычка ходить по магазинам повлияла на Рейн.

Они обе также купили кучу дерьмовых вещей для Алекса. У ребенка было больше игрушек, чем он знал, что с ними делать, а все, что его заботило — это рисовать и играть с любимыми кубиками, которые мы ставили перед ним. Он собирался закончить либо художественную школу, либо инженерную школу.

Я убедился, что Алекс и Линдсей заняты просмотром диснеевского мультлика, прежде чем прокрался в спальню. Задница Рейн торчала из шкафа, и мне захотелось ухватиться за нее, чтобы немного повеселиться. Но я этого не сделал.

Сосредоточься.

Я сделал глубокий вдох, но это не помогло. Мои руки немного дрожали, и я потер их о бедра, чтобы попытаться остановить тремор. Может быть, я не был готов к этому. Может быть, мне стоило просто подождать, пока мы все не переехали на новое место. Прямо сейчас

для нее было слишком легко схватить свои вещи и убежать, если я все испорчу.

Она бы этого не сделала.

Я не мог до конца убедить себя.

*Просто, бл*дь, сделай это, ты, киска.*

— Эй, Рейн? — тихо позвал я, почти желая, чтобы она вообще меня не услышала.

— Да? — она высунула голову из шкафа и выжидающе посмотрела на меня. Когда я не ответил сразу, она слегка прищурила глаза. — В чем дело?

— Я просто... эм... — я посмотрел в сторону балконной двери и попытался подобрать правильные слова.

— Что, Бастиан? — Рейн бросила пару вещей из шкафа в свой чемодан и подошла ко мне.

Я провел рукой по лицу.

*Просто, бл*дь, скажи это.*

— Я хотел спросить, если... если, может быть... черт.

Рейн положила руку мне на плечо, и я понял, что она дрожит так же сильно, как и мои руки.

— Бастиан, в чем дело?

Я снова закрыл глаза.

*Я могу это сделать. Уверен, что могу. Мне просто нужно, чтобы мой рот хоть раз, бл*дь, заработал.*

Мне нужно было произнести правильные слова правильным образом, но все, что я делал, это лепетал.

— Я просто подумал, может быть, с Алексом и всем остальным, начав новую жизнь в новом месте... — я продолжал заикаться и пытался найти в своей голове что-нибудь, что не выставило бы меня полным идиотом. Сделав еще один глубокий вдох, я вернулся к единственному способу, которым мне когда-либо удавалось выразить себя, не попав в неприятности.

Я посмотрел в пол, глубоко вздохнул, а затем посмотрел ей в глаза. Вытащил из кармана маленькую коробочку и молча положил ее на ладонь, прежде чем открыть. Блестящее простое кольцо-солитер в центре бархата сверкало в лучах палящего солнца Майами.

— Рейн, ты выйдешь за меня замуж?

Рейн молчала чертовски долгое время. Между лопатками у меня потек пот, а блеск кольца отражался радугой по стенам, в то время как моя рука продолжала дрожать. Я понял, что совершенно забыл опуститься на одно колено, и мысленно отшлепал себя за то, что испортил самую легкую часть всего этого.

Я перевел взгляд с кольца на лицо Рейн. Ее глаза наполнились слезами, и мое сердце остановилось. На короткое мгновение мой мир рухнул, пока я ждал, что она откажет мне.

— Да, Бастиан, — прошептала она, пока слезы переполняли ее. — Да, конечно. Конечно, я выйду за тебя замуж.

У меня вырвался громкий вздох, и я не смог удержаться от того, чтобы схватить ее и поднять, прижав к своей груди. Я зарылся лицом в ее волосы и попытался притвориться, что все слезы принадлежали только ей.

— Спасибо, — прошептал я ей на ухо. — Чертовски большое тебе спасибо, Рейн... Спасибо тебе.

— О, Бастиан. — Она крепче обняла меня за шею и обхватила ногами мою талию. — Я

так сильно люблю тебя — так, так сильно!

— Я люблю тебя, — ответил я, — больше, чем что-либо, черт возьми.

Я снова прижал ее к себе, и дрожь в моих руках, наконец, прекратилась, когда обнял ее. Решив, что, вероятно, это мешает ей дышать, я ослабил хватку и опустил ее на пол. А затем протянул руку и вытер слезы с ее лица.

— Я могу это надеть? — спросила Рейн с улыбкой. Она указала на кольцо, все еще зажатое в моей руке.

— Черт! Да... Я и забыл. — Я вытащил кольцо из маленькой коробочки и взял предложенную Рейн руку. Глубоко вздохнув, я надел его на безымянный палец ее левой руки.

Это выглядело чертовски идеально.

— Что ты делаешь? — спросил Алекс, когда вошел в комнату. Он прищурился, посмотрев на протянутую руку Рейн. — Что это такое?

— Обручальное кольцо, — сказала Рейн. — Мы с твоим отцом собираемся пожениться.

Алекс нахмурил брови и переводил взгляд с одного на другого.

— Значит, ты будешь моей мамой? — спросил он.

Рейн улыбнулась.

— Если ты хочешь, чтобы я была.

Алекс на мгновение задумался.

— Хорошо, — сказал он, пожав плечами. — Можно нам на ужин макароны с сыром? Линдсей сказала, что я должен сначала спросить.

Рейн прикусила губу, подавив смех.

— Ты же знаешь, что это гадость, — сказал я.

— Это вкусно! — настаивал Алекс.

Рейн ткнула меня локтем в ребра.

— Хорошо, — сказал я, — но к ним нужны овощи.

— Фу! — Алекс поднял глаза к потолку и широко развел руками. — Почему?

— Потому что, если ты этого не сделаешь, никаких макарон.

— Фу! — снова закричал он. — Они должны быть зелеными?

— Ага, — ответил я с полуулыбкой.

— Только не брокколи!

— Зеленые бобы? — предположила Рейн.

Алекс опустил плечи и издал смехотворно долгий вздох.

— Отлично, — пробормотал он, повернулся и побежал на кухню, закричав Линдсей. — Папа сказал «да»!

Рейн затряслась от беззвучного смеха.

— Он очень похож на тебя, — сказала она.

— Я не ем это дерьмо.

— Я имею в виду то, как он ведет себя, когда не получает того, чего хочет.

— Тогда хорошо, что ты сказала «да». — Я улыбнулся и прижался губами к ее губам.

* * *

Рейн свернулась калачиком рядом со мной и поцеловала мое плечо, проведя пальцами по моей груди и вниз по моему прессу, и мой член ответил. Ее глаза взглянули на меня, а

язык прошелся по губам.

— У тебя есть что-нибудь для меня? — спросила она с лукавой улыбкой, прежде чем ее рука опустилась ниже. Она медленно погладила мой ствол вниз к яйцам, а затем снова поднялась вверх. Я повернул голову и приблизил ее лицо к своему, глубоко поцеловав, пока она продолжала водить кончиками пальцев по моему члену. Я застонал ей в рот, и ее язык прошелся по моим губам.

Она отстранилась, выпустила мой член и закинула одну ногу мне на бедра. Положив руки мне на грудь, она медленно потерла себя вверх и вниз по моему члену.

— О, черт, детка, — простонал я. — Ты сводишь меня с ума.

— Хорошо, — ответила она. — Это именно то, чего я хотела.

— Все, что ты захочешь, — сказал я. — Все твое. Просто продолжай это делать.

— Это все, чего ты хочешь? — спросила она с лукавой улыбкой. — Тебе легко угодить.

— Дразнилка, — пробормотал я, приподняв бедра и прижавшись к ней.

— Не думаю, что ты можешь называть меня так, когда я голая и на тебе, — сказала она.

— Могу, пока я не похоронен внутри твоего трепещущего влагалища.

— Трепещущего влагалища? — Рейн начала смеяться, и я улыбнулся ей, как влюбленный идиот, которым и был.

— Знаешь, — сказал я, — то, которое прячется в твоём влажном треугольнике кудрей.

— Хороший способ создать настроение, — она закатила глаза.

— Создашь настроение моему воину в пурпурном шлеме? Он просто умирает от желания пробиться сквозь твой подлесок.

— На этом все, — сказала она, начав слезать с меня.

Я схватил ее за запястья и удержал на месте. Она засмеялась и начала вырываться, но я притянул ее к себе, пощекотав бока, отчего она засмеялась еще громче.

— Ш-ш-ш, — прошептал я, — ты разбудишь Алекса.

Она прикрыла рот рукой и попыталась хоть немного взять себя в руки.

— Где ты набрался всего этого?

— Раньше я смотрел много порно, — признался я. — О, и я подписан на журнал Penthouse (прим. пер. — эротический развлекательный журнал для мужчин) — ну, знаешь, ради статей.

Еще больше закатывания глаз. Я ответил, потянув ее обратно вниз на свой член. Рейн застонала и задвигала бедрами в такт моим. Я нашел ее горло своим ртом и языком, пробуя плоть, когда поднял свою руку, чтобы обхватить ее грудь и потянуть за сосок.

— О, Боже... Бастиан...

— Ш-ш-ш...

Она прикусила губу и закрыла глаза. Я не мог больше ждать, поэтому перевернул ее на спину. Погладил ее бок и остановился на бедре, поднял его над своим, прежде чем скользнул в нее.

Наши звуки были ритмичными, как океанский прибой, накатывающий на гладкий песок после летнего шторма. Мы двигались медленно, целеустремленно, совершенно спокойные в нашей любви друг к другу. Голова Рейн откинулась назад, и ее рот слегка приоткрылся. Я считал каждый ее вздох, сверив их со своими собственными.

Я двигался в ней, увеличив темп. Рейн обвила мои ноги своими и крепко схватила меня за руки. Приподняла бедра, ее лицо исказилось от оргазма, и она стиснула зубы, чтобы не закричать вслух. Зрелище было больше, чем я мог вынести, поэтому последовал ее примеру с

блаженным стоном.

Мое сердце продолжало бешено колотиться, пока я держал себя глубоко внутри нее и пытался установить мысленный контакт с любой частью своего тела. Однако все это, казалось, было в каком-то посторгазмическом шоке, и продолжало настаивать на том, что мои ноги больше не были прикреплены к остальной части меня.

Содрогнувшись в последний раз, я легонько поцеловал ее в висок и в изнеможении перевернулся на спину. Моя нога пульсировала, что часто случалось после чрезмерных нагрузок, но я не обращал на это внимания. Это была моя последняя травма на турнире — последний шрам, оставивший свой след на моем теле и в душе.

— Я люблю тебя, — тихо сказала Рейн, прижалась ко мне и поцелуями мое плечо.

Я повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Ее волосы были в беспорядке по всей голове и плечам, а макияж размазался под глазами. По всему лицу были красные пятна от нашего междусобойчика — самое прекрасное зрелище в мире.

Она была моим пьянящим напитком — единственным, который я когда-либо захочу снова.

Коснулся кончиком пальца ее щеки и медленно погладил. А затем взял лицо Рейн в ладони и заглянул в ее прекрасные глаза. Я подчеркивал каждое слово, которое произносил, чтобы она знала, как сильно я это чувствовал.

— Ты — мой мир.

— Ты невероятен, — ответила Рейн. — Ты — все, чего я когда-либо хотела.

Впервые с тех пор, как мы встретились, я по-настоящему поверил ей.

Моя жизнь была сбалансированной. С этого момента я буду тем мужчиной, которым, как она всегда верила, я мог быть.